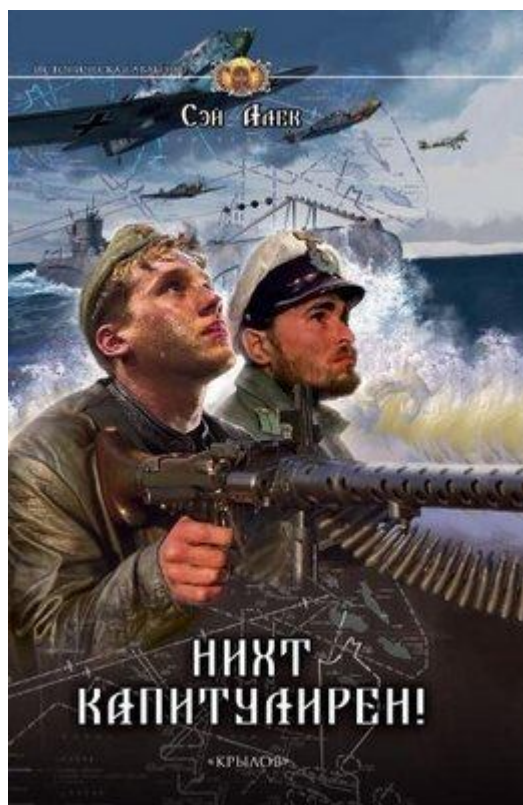

Сэй Алек

"Нихт капитулирен!"

В ноябре 1938 года в Германии объявляется странный молодой человек. Утверждает, что из будущего. Неподобающая эпохе одежда, удивительные предметы в карманах - только благодаря этому он оказался не в психбольнице, а в гестапо. А чуть позже его персоной заинтересовались и высшие лица рейха.

Познания молодого человека весьма скудны - как технические, так и исторические. Но все же кое-что полезное из них извлечь удастся. А затем и применить. К тому же его слова заронят зерна сомнения в головы германских вождей. Так История сделает совсем незаметный шаг в сторону. И этого хватит. Далее сработает принцип домино - одно событие станет подталкивать другое.

Вторая Мировая война все-таки начнется. Но все будет происходить не так, как нам известно из учебников. Другие военные союзы, сражения, победители. В результате мир станет иным. И молодому человеку из будущего тоже придется искать свое место в новом мире...

Сэй Алек

"Нихт капитулирен!" Автор приносит свою искреннюю благодарность за помощь в работе:

Конторовскому Владимиру

Шейко Максиму

Вилкат Артуру

Марченко Ростиславу

Селину Дмитрию

Авраменко Александру

Артемову Славе

Таляка Яне

Левицкому Антону
Валидуда Александру
Логинову Анатолию
Лернер Марии

Спесивцеву Анатолию а также всем остальным, кто помогал, советовал и критиковал, не жалея как доводов, так и эпитетов в мой адрес.

Kapitulieren wird Deutschland niemals, niemals, jetzt nicht und in drei Jahren auch nicht.
Hitlerrede am 8.11.1939 Burgerbraukeller, Munchen

Часть I. Жар чужими руками

Мы поняли, что Гитлер сделал еще один из своих умных политических шагов, благодаря которому он и на этот раз выиграл дело миром, как это ему удавалось и раньше.

Эрих Редер, "Гросс-Адмирал"

Этим были посеяны семена будущей войны

Маршал Фош о Версальском мире

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 08 ноября 1938 г., около полудня Рейхсканцлер и Фюрер Германской Нации, Адольф Гитлер, порывисто поднялся со своего места, и начал энергично прохаживаться вдоль стола, за которым сидело несколько самых могущественных людей Третьего Рейха - Генрих Гиммлер, Рейнхард Гейдрих, Вильгельм Фрик, Йозеф Геббельс, Вильгельм Канарис, Генрих Мюллер, Рудольф Гесс, Вильгельм Кейтель, Вальтер фон Браухич и Герман Геринг. Гитлер мерил шагами свой кабинет около минуты, наконец подошел к окну, резким раздраженным движением отдернул портеру, и невидящим взглядом уставился на улицу.

- Если это шутка, то не смешная. - процедил он и, вдруг, развернулся, уперся полным ярости взглядом в шефа СД и заорал. - Я не позволю вам делать из себя идиота, Гейдрих! Слышите?! Ни вам, ни кому-то другому!!!

- Это не шутка, мой фюрер. - Рейнхард Тристан Гейдрих выпрямился во весь свой немалый рост и спокойно встретил бешеный взгляд Гитлера. - Я могу это доказать.

Канарис поглядывал на группенфюрера с едва прикрытым злорадством, остальные (быть может, за исключением Геббельса и Гесса) косились на его бывшего сослуживца (1) с некоторым недоумением, гадая, какую такую игру он затеял, что настолько рискует. Рискует, выставляя себя дураком, рассказывая фантастические бредни фюреру, навлекает на себя его гнев - для чего? Какие доказательства своего смехотворного убеждения измыслил этот изощренный и неординарный, что признавали даже враги, ум? Зачем срывать совещание о "народной мести" за Рата? (2) Глядя в спокойные, с хищным прищуром (маленькие, почти монголоидные) голубые глаза группенфюрера, на его вытянутое индифферентное лицо, отмечая все то спокойствие, которым дышала, казалось, долговязая фигура Гейдриха, Гитлер тоже начал успокаиваться.

- Вот как? - рейхсканцлер криво усмехнулся и проследовал к своему месту. - Интересно было бы узнать, каким образом вы намерены это делать, партайгеноссе.

Последнее слово он произнес чуть ли не с издевкой.

По тонким губам шефа СД скользнула мимолетная улыбка - он словно предвкушал эффект и не смог удержаться.

- Рейнхард, что это? - хохотнул вольготно развалившийся в своем кресле главком Люфтваффе, разглядывая серебристую плоскую коробочку, которую Гейдрих извлек из своего портфеля и положил на стол. - Пудреница? Не знал, что ты используешь косметику.

На лицах собравшихся появились усмешки, в том числе и на лице самого Рейнхарда Тристана.

- Нет, Герман. Это... патефон.

- Размером с ладонь? Маловат. - Геринг не выглядел заинтересованным. Более того, он не выглядел заинтересованным демонстративно. - Да и пластинку поставить некуда.

Гейдрих прикоснулся к поверхности коробочки, и из нее полилась... полилось...

Музыкой это назвать можно было лишь весьма условно - скорее уж грохотом в кузнечном цехе под аккомпанемент циркулярной пилы. Гитлер скривился как от зубной боли.

- Что это такое? - рявкнул он.

- Музыка, мой фюрер. - шеф СД (да и, заодно, зипо) пожал плечами. Из коробочки, под непрекращающуюся какофонию раздался грубый, лишенный мелодичности, но мужественный голос солиста про... ну, наверное все же пропевший "Du... Du hast...", и Гейдрих добавил. - Музыка и песня.

Вновь дотронувшись до коробочки своими длинными и тонкими, как у пианиста, пальцами, Гейдрих заставил ее прекратить издавать эти чудовищные звуки.

- Предлагаю послушать что-то более приятное, мой фюрер. - руку с "адской машинки", как ее про себя окрестили все присутствующие, Рейнхард не убирал. - Радио, например. Сейчас как раз должны передавать оперу Вагнера...

- Это еще и радио?!! - прорвало даже Геринга, моментально представившего перспективу использования таких "патефонов" в авиации. Да и в остальных частях Вермахта и Кригсмарине тоже. - Как далеко действует? Можно использовать как передатчик? Как скоро можно наладить выпуск и какие мощности экономики (З) для этого требуются?

- Нет, это просто радиоприемник, совмещенный с проигрывателем музыки. - ответил Гейдрих, и, выждав секунду, специально, чтобы полюбоваться вытянувшимися от разочарования физиономиями товарищей по партии, выложил на стол что-то совсем уж маленькое и плоское, черного цвета. - Рация - вот.

- Этого быть не может! - возмутился фон Браухич. - Где это видано, чтоб радиостанция была такой крохотной? На каких частотах она работает?

- Выясняем. - сказал, как отрезал, Гейдрих. - Информация поступила ко мне всего за час до совещания, нашего гостя я приказал пока... оставить в покое.

Дать придти в себя. В конце концов, он немец...

- Вы это проверили? - перебил его Гесс. - А если это агент мирового еврейства и плутократии?

- Проверили первым делом, партайгеноссе. Истинный ариец, без следов хоть какой-то примеси любой другой крови. Медики дали заключение с абсолютной уверенностью. Да я его сам видел - хоть сейчас на плакат.

- Так... - Адольф Гитлер вновь поднялся из кресла, хотя уже не так порывисто, и опять начал мерить шагами свой кабинет. - Переоценить значение этого события невозможно. Невозможно переоценить и последствия утечки информации. Канарис, пошлите проверенного человека на допросы гостя и введите в курс дела Редера.

Гиммлер, подключайте людей из "Аненербе". Всех кто контактировал с этим... как его, кстати, зовут?

- Карл. - Гейдрих покосился на министра пропаганды и образования. - Карл-Вильгельм Геббельс, семнадцать лет.

Йозеф Пауль Геббельс поперхнулся воздухом и покраснел как рак.

- Успокойтесь, партайгеноссе, он утверждает, что вы не родственники.

Берлин, тюрьма Шпандау 08 ноября 1938 г., около двух часов дня - Ни с какого боку не родственник. - покачал головой симпатичный юноша с коротким ежиком светлых волос.

Ойген фон Рок, доверенное лицо Рейнхарда Гейдриха, поморщился и покосился на коллегу из Абвера.

- Не являетесь рейхсминистру ни родственником, ни свойственником, ни сводной родней? - спросил Ансельм Борг, фрегатенкапитан, откомандированный на это дело от ведомства Канариса.

- Нет, герр офицер. - устало ответил тот. - Геббельсов у нас, как в России Ivanovich.

- А у вас откуда такая информация? Про Россию? - мягко поинтересовался фон Рок.

- Да из Интернета же! - парень попытался вскочить, но прикованные к столешнице запястья не позволили ему распрямиться, и он упал обратно на табурет. - От сетевых приятелей! Ну поймите же, Бога ради, я - из будущего. Там все - ВСЕ!!! - иначе.

- Учítывая то, что вы подошли к ближайшему полицейскому и сдались - не все. - ответил Борг. - То, что вы потребовали направить вас к ближайшему контрразведчику... да, это говорит в вашу пользу, герр Геббельс. Но, скажите откровенно, что бы вы сделали на нашем месте? Поверили бы в то, что вы - путешественник во времени?

Карл Геббельс, ни с какого бока не родственник, простой школьник семнадцати лет от роду задумался... еще раз задумался... и ответил.

- Никак нет. Я бы на вашем месте... - голос мальчишки пресекся, он тяжело сглотнул, но... но выпрямился, глядя в глаза Боргу, глянул гордо... Независимо...

И затравленно... Но сдавленным голосом продолжил. - На вашем месте я бы расстрелял и забыл.

И тут же он, этот секунду назад гордый борец, заплакал. Согнулся в реве.

- Вы-ы-ы... не имеете права... я немец...

Карл плохо знал историю. Кому сейчас нужна история?!! Нужны маркетинг, экономика, математика, химия, физика... А история? Но он хоть как-то слушал преподавателей в школе, и из лекций по эпохе нацизма вынес твердую уверенность - чистокровного немца в 1938-м году просто так расстрелять было нельзя. Блажен кто верует...

- Никто не собирается вас расстреливать, юноша. - раздался голос от двери.

Голос... профессорский, иначе не назвать. - Вы теперь достояние Рейха. Будь у нас Святой Грааль, вы б равнялись по ценности с ним.

Представитель Абвера покосился в сторону бесшумно открывшейся двери, а затем на коллегу из СД. Фон Рок пожал плечами.

Сев напротив рыдающего парня незнакомец грустно улыбнулся, выложил на стол портсигар, и спросил:

- Курите?

- Не-ет, это вредно... - юный Геббельс нашел в себе силы ответить. - Повесите, да? Лучше...

Парень захлебнулся.

- Лучше расстреляйте, это не так страшно.

- Да почему мы вас должны вешать? - развеселился гость. - Вы же еще ничего такого не сделали.

Ответа он и не ждал, поэтому продолжил:

- Кстати, меня зовут Карл Мария Вилигут, бригаденфюрер. Тезки, можно сказать, геноссе. Господа, что ж вы запугали молодого человека до такого состояния? Он нас неизвестно за кого принимает. За чудовищ каких-то просто.

Юноша склонился к прикованным рукам, вытер слезы и смог наконец разглядеть вошедшего, который как раз сейчас пытался поудобнее пристроиться на стуле. Это оказался уже далеко не молодой мужчина, с редкими волосами зачесанными назад и обильно сдобренными сединой. Щеточка усов под мясистым носом-картофелиной тоже была, что называется, "соль с перцем". Впрочем, несмотря на явную старость и некоторую полноту, в нем чувствовалась статность и выправка боевого офицера, кем собственно он и был.

- Известно за кого вас все принимают. - Карл шмыгнул носом. - За военных преступников.

Все три офицера ошарашено уставились на него.

- Извольте объясниться, кнаубе. (4) - процедил Борг. - Такие слова могут вам дорого стоить.

- Куда уж дороже? - мальчишка снова наклонился и вытер глаза. - Двадцать миллионов одних только немцев в землю закопали. И остальных примерно вдвое больше.

- Двадцать мил... - у Вилигута пресеклось дыхание. - Это с кем же мы так воевали?

- Со всеми. - буркнул Карл. - Кроме итальянцев и японцев.

- Что, и с русскими тоже? - изумился фон Рок. - У нас же с ними общих границ нет.

- Это пока нет. А первого сентября следующего года мы нападём на Польшу...

Берлин, Принц-Альбрехтштрассе, 8 08 ноября 1938 г., около половины шестого вечера - Черт возьми, чему наши потомки учат детей в школах? - Гейдрих в раздражении бросил на стол несколько машинописных листов. - Скажите, фон Рок, если бы ваш сын обладал такими же знаниями о прошлой войне, что бы за оценки у него были?

- При всем моем уважении, группенфюрер, Мартин учиться в военном учебном заведении, у них есть соответствующая дисциплина. А этот мальчик... - штурмгауптфюрер пожал плечами. - Удивительно то, что он знает настолько много о проигранной войне. Таково свойство человека - гордится победами и стараться забыть о поражениях. Государство же состоит из людей. Многие ли сейчас помнят в Рейхе про... Ну, скажем, про Гроссегерсдорф?

Шеф СД хмыкнул.

- Это было все же поболее лет назад, штурмгауптфюрер. Впрочем, вероятно вы правы. Да и много ли можно узнать за полуторачасовой допрос? Ну, а каковы ваши личные впечатления об объекте, фон Рок?

- Скорее положительные. Он довольно умен, физически хорошо развит, честен. Смел.

- Даже так? Смел? Поясните, с чего вы это взяли? - потребовал Гейдрих.

- Назвать военными преступниками людей, которые вправе поставить его к стенке без всякого суда - он это, заметьте, отлично осознавал, - это или глупость, или смелость. Глупым он не кажется.

- Хорошо. - группенфюрер кивнул. - Что-то еще?

- Пожалуй, да. Этот Карл, как бы поточнее выразиться, слишком иной. Те ценности, те моральные устои на которых он воспитывался, непомерно чужды не только Рейху, но и Англии, Франции, США и СССР вместе взятым. - фон Рок вздохнул. - Тяжело ему придется, когда придет время стать обычным гражданином Рейха.

- Ба, вы становитесь сентиментальным, штурмгауптфюрер? - Гейдрих усмехнулся. - Пускай об этом голова болит у "Аненербе". Недели не пройдет, как они наложат на него свои лапы.

Берлин, улица Тирпиц-Уфер, 72-76 08 ноября 1938 г., около шести вечера - Значит, решил что шествие факельщиков, это парад педерастов? - Франц Вильгельм Канарис хохотнул. - Непременно надо сообщить Гиммлеру, за кого в будущем приняли бы храбрых эсэсовцев, хотя рейхсфюрер, боюсь, не оценит.

Ансельм Борг ухмыльнулся, представив лицо руководителя СС после получения такой новости.

- Ну-с, что еще удалось выяснить? - шеф Абвера продолжил быстро просматривать протокол допроса Карла Геббельса. - Прямо какой-то набор из незнания и склероза, честное слово. Так, в следующем году мы разделим Польшу с Советами, а перед этим окончательно оккупируем Чехословакию? Ну, для меня это не новость... Хм, ну страны Бенилюкса это понятно, не пробивать же линию Мажино лбом, а в Норвегии и Дании мы что забыли? Франция... За месяц или чуть больше? Резво, резво... О! "С англичанами мы воевали на море и в воздухе, и еще - в северной Африке, но победить не смогли. А 22 июня 1941-го года, рано утром, Германия напала на Советский Союз. Зимой этого же года наши войска вышли к Москве, но взять ее не смогли. Потом, кажется в 1942-м, была катастрофа под Сталинградом, и 8 мая 1945-го Берлин был взят, а Германия капитулировала. Англичане и американцы, высадившиеся в Нормандии в 1944-м, кажется, месяц не помню, оккупировали западную, а русские - восточную Германию". Охренеть как подробно!

- Ну, господин адмирал, мальчик ведь и не планировал стать историком. - пожал плечами фрегатенкапитан Борг.

- Да, я видел. - Канарис невесело усмехнулся. - Единственное что радует, что и в той Германии молодежь совсем не прочь связать свою судьбу с флотом. Пускай и торговым.

Берлин, Унтер ден Линден, 6 08 ноября 1938 г., около семи вечера На филологическом факультете Университета Фридриха Вильгельма III - одного из старейших университетов Германии - было тихо. Разбежались уже по домам неугомонные студенты, разошлись закончившие рабочий день аспиранты и преподаватели. Погас свет в аудиториях и кабинетах, коридорах и хранилищах, и лишь в одной из лабораторий, где преподаватели от Ане-нербе работали со старинными текстами, сейчас находился пожилой мужчина, напряженно вглядывающийся в лежащий перед ним черный продолговатый брусок, размером меньше ладони.

"И почему во времена моей юности не было синематографа? Особенно такого?" - Вилигут задумчиво наблюдал за тем, что происходило на маленьком экране "рации".

Из динамиков прибора раздавались страстные стоны и вскрики: "Да! Ахххх... Это фантастика!" "Действительно ведь, фантастика. - невесело усмехнулся про себя человек, носящий прозвище "Распутин Гитлера". - Тут ночей не спишь, изучаешь старинные манускрипты, рунические тексты расшифровываешь, экспедиции во все концы света посылаешь - только бы в тайны грядущего проникнуть. А оно, грядущее это, берет, и сваливается тебе прямо на голову, в образе молодого и симпатичного парня, эталона нордической расы просто. Немецкий его, правда, довольно своеобразен: поди пойми, что плеер, это патефон, а байкер - банальный велосипед. Однако, ничто не стоит на месте, любой язык меняется. А то, что в сторону английского меняется, так в наших руках теперь все это исправить".

Утешив себя подобным образом, Вилигут вновь поглядел на изображение.

"Довели Рейх до непотребства. Вместо солдат парады устраивают гомосексуалисты, молодежь, вместо учебы смотрит такие вот, с позволения, фильмы. Нет, я не ханжа, все это естественно и в человеческой природе, но где тут сюжет? Принято в будущем откровенные сцены так показывать - сколько угодно. Даже полезно где-то.

Но ведь составлять из одних только таких сцен целый фильм, это значит его полностью обесценить. Синематограф, это искусство, все же".

Старый эзотерик еще не знал, что благодаря Голливуду, кино уже давно перешло из разряда предметов духовного плана, в разряд товаров потребления быдлом.

"Какое бесстыдство, какой порок. - подумал Вилигут, глядя как муж с сантехником одновременно пользуют жену первого. - Непременно надобно будет сегодня заглянуть в бордель".

Берлин, тюрьма Шпандау 09 ноября 1938 г., четверть одиннадцатого утра Сегодня Карла приковывать не стали, хотя допросная была все та же. Впрочем, и народу среди допрашивающих, прибавилось - кроме знакомых уже ему фон Рока, Борга и Виллигута появились еще двое. Один, в форме оберштурмфюрера СС, скучал в углу, казалось бы даже не замечая происходящего, второй, довольно молодой мужчина в гражданском костюме, представился как Конрад Цузе (5) и, даже, энергично пожал Карлу руку.

- Вы готовы продолжить, герр Геббельс? - спросил фон Рок, просматривая свои пометки.

- А у меня есть варианты ответа? - хмыкнул Карл.

- Думаю, что нет. - сухо ответил штурмгауптфюрер. - Приступим, пожалуй.

Бригаденфюрер, вы, кажется, хотели быть первым? Прошу.

- Благодарю. - Вилигут взглянул на листок с перечнем вопросов, которые намеревался задать. Нет, он и так помнил их все наизусть, склероз еще не вцепился костлявыми пальцами в его мозг, но перестраховаться он считал не лишним.

- Расскажите нам еще раз, юноша, только на этот раз подробно, как и при каких обстоятельствах вы перенеслись к нам из ноября 2006-го года.

- Да не изобретал я машину времени, не ищите. - страдальчески закатил глаза Карл.

- Мы и не сомневаемся, собственно, что имело место перемещение в силу неких природных сил. Теперь наша задача выяснить, каким именно стечением обстоятельств и природных законов активируется открытие межвременного портала.

Геббельс уставился на Вилигута совершенно ошалелым взглядом.

- Чего? - он помотал головой. - Можно теперь то же самое, только по-немецки?
Борг и фон Рок с трудом сдержали усмешки.

- Я говорю, - поморщился бригаденфюрер, - что если мы узнаем, почему вы попали к нам, то сможем отправить вас обратно.

- Класс! - парень аж подпрыгнул на стуле. - А когда? Не, у вас тут прикольно, но скучно - ни инета, ни телека, ни музыки нормальной - одно радио где гоняют всякое старье. Прошлым вечером я вам сочинение про историю писал, а сегодня-то чем заняться?

- Найдем. - буркнул себе под нос Борг. Музыка будущего ему не понравилась, а когда он узнал, что половина из композиторов - евреи, мысли Гимmlера стали ему как никогда близки. Исполнители, в большинстве своем, тоже не выдерживали никакой критики. Что-бы будущие германские дети пели песни (если это можно так назвать) негров - да никогда в жизни!

- Не отвлекайтесь, молодой человек. - попросил Вилигут Карла. - Как сможем, так и отправим. Рассказывайте.

- А, ну да. - юноша слегка смутился. - Родители моей девушки, Эльзы, они русские. Ну, в смысле, они немцы, но приехали из России. И седьмого ноября они уехали к своим друзьям, тоже русским... в смысле, немцам... отмечать какой-то русский праздник. С ночевкой.

- Вчера вы утверждали, что коммунизм в России пал. - подал голос молчаливый эсэсовец.

- Так и было. - кивнул Карл. - В 1991-м году президент Eltzin поднял народное восстание в Москве и сверг коммунистов. Их даже запретить хотели, я читал, но потом решили, что раз демократия, пусть и коммунисты будут тоже.

- И на виду. - пробормотал фон Рок.

- Почему ваши будущие тесть и теща поехали отмечать седьмое ноября? Они коммунисты? - оберштурмфюрер впился в Геббельса пристальным взглядом.

- Тесть и те... - молодой человек поперхнулся. - Мы не заглядывали так далеко, герр... Простите, не знаю как вас зовут.

- Вертер Франк, гестапо. Отвечайте на вопрос.

- Нет, они не коммунисты. - нахмурился Карл.

- Тогда почему они отмечают коммунистический праздник? Они призывали вас или ваших знакомых установить коммунистический строй в Германии? Заводили с вами разговоры о преимуществах марксизма? Отзывались положительно о СССР и его строе?

Вы видели у них в гостях подозрительных людей или литературу марксистского толка?

От явной бредовости прозвучавших вопросов у гостя из будущего глаза полезли на лоб.

- Вы что, с ума сошли, герр Франк? Нафига им надо было такое говорить? И какой, черт возьми, праздник?

- Седьмого ноября русские отмечают годовщину своей революции. - усмехнулся фон Рок. - Франк, вы хотите отправиться в будущее арестовывать их за подрывную деятельность? Похвально, похвально. Поделитесь методом перемещения?

Оберштурмфюрер еще пару секунд сверлил взглядом Геббельса, потом откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

- У меня пока нет вопросов. - небрежно бросил он.

- День революции... - пробормотал Карл. - То-то мне эта дата что-то напоминала. Наверное это, как выражался герр Киш... ну, отец Эльзы... *toska po rodnim berezкам*. Это переводится как...

- Мы знаем, как это переводится, юноша. - мягко прервал его Вилигут. - Продолжайте рассказ, пожалуйста.

- Тогда пускай он - Геббельс ткнул пальцем в сторону Франка, - не перебивает.

- Не будет. - пообещал бригаденфюрер.

- Ну вот, родители уехали, а Эльза осталась дома. Она мне позвонила и пригласила... - юноша покраснел. - переночевать.

- А говорите, что не заглядывали в будущее ваших отношений. - отечески улыбнулся Вилигут.

Ему, родившемуся еще в Австро-Венгрии и долгое время бывшему офицером "лоскутной монархии", и нынешние-то, образца 1938-го года нравы, казались излишне фривольными. Привыкнув мерить все моральными рамками ушедшей эпохи, он ничуть не сомневался в серьезности намерений Карла в отношении девушки. - Впрочем, продолжайте.

У парня даже уши побагровели.

- Отец отпустил. Он у меня вообще прогрессивный, рэп любит. - буркнул Карл. - Я и пошел. Чего б не пойти, когда девчонка тебя сама зовет? Вот. Переночевал...

Геббельс заерзал, а покрасневшим уже казался даже затылок. В отличие от Эльзы, у него это был первый раз.

- Ну... родители Эльзы должны были вернуться часам к десяти утра, но вдруг бы приехали раньше? Да и домой перед занятиями заскочить надо было. Я ушел пораньше, в шесть или четверть седьмого. Темно еще было.

Берг и фон Рок понимающе переглянулись. Подобных историй, когда с разгневанным отцом встречаться совершенно не охота, у обоих в памяти было предостаточно.

- Я не очень далеко живу, но решил срезать - там небольшой такой переулок есть.

Мне еще странным в нем свет показался. Серый такой, как на черно-белой фотке все.

Выхожу из переулка, а на улице солнце и дома такие... старинные. Я через переулок назад - а там парад мужиков с факелами. И тоже солнце. И дома другие, не как у нас. И флаг на балконе висит со свастикой. Я сначала думал, что с ума сошел. Потом вспомнил "Назад в будущее"...

- А это что? - поинтересовался Вилигут.

- Это кино такое, старое уже, но прикольное. Там один ученый из автомобиля машину времени сделал, а его друг, молодой, типа меня, то на Дикий Запад попадал на ней, то в будущее. Ну, рульный фильм, жалко что еще не сняли - вам бы понравилось. Только это фантастика, на самом деле же такого не было.

- Поня-а-атно. - протянул Вилигут. - А что было потом?

- А что - потом? - пожал плечами Карл. - Дома у меня больше нет, документов нет, на улице холодно, а если я кому скажу, что из будущего, то попаду в дурку.

Ну, я всякие фильмы смотрел, про попаданцев в прошлое в том числе... Это тоже фантастика, герр Вилигут, я уже понял что вы спросить хотели. Вот... Думаю - кто может поверить, что я не псих? Разведка или контрразведка. Там же знают, какая техника есть, а какой нет, верно? А у меня мобила и MP3-плеер с собой. Еще в Техническом университете могли поверить, но кто бы стал слушать яйцеголовых? Я у первого же постового спросил, как мне в любую из этих служб пройти, и он проводил меня туда, куда дойти было ближе. Вот и все, собственно. Только прохожие на меня как-то странно косились.

- Одеты вы были несколько не по моде. - пояснил Ойген фон Рок, который лучше всех присутствующих знал, что было дальше. Еще бы, дежурным этим утром был он, и его изумление при виде демонстрируемых ему технических новинок в виде карманного патефона и не менее карманной кинокамеры совмещенной с телевизором (а юноша сначала продемонстрировал их действие, и только потом огорошил новостью о дате своего рождения), еще было свежо в памяти - И, никаких странных ощущений в момент перехода во времени вы не заметили? - продолжил гнуть свою линию Вилигут. - Тошноты, головокружения, еще чего-то?

- Да я и сам переход не заметил. - пожал плечами Карл. - В том переулке неба почти не видно - он узкий, а дома между которыми он проходит - высокие. Просто вдруг все какое-то серое стало, размытое, как на старой фотографии.

- Подробнее. Когда стало?

- Да как только я в него вошел.

Помучив мальчика вопросами еще несколько минут, Карл Мария Вилигут вздохнул.

- По моему ведомству пока вопросов нет. Скоро будут готовы данные по исследованиям места выхода - там уже работает наша группа - тогда, может быть, вопросы возникнут.

- Очень хорошо. - кивнул фон Рок, и взглядом спросил у Борга: "Ты или я?" Фрегатенкапитан так же, глазами, показал на Цузе, который всю беседу просидел как на иголках, но стоически молчал - он, мол.

- Герр Геббельс, вы нам рассказывали про эти ваши... "компы" и "ноуты".

Расскажите пожалуйста герру инженеру про их возможности и, что знаете, про устройство.

- Хорошо. - покладисто согласился молодой человек, повернулся к Цузе и, вдруг, попросил. - А вы не могли бы повернуться в профиль и одеть очки?

Молодой и перспективный инженер, всего три года назад окончивший Берлинскую высшую техническую школу в Шарлоттенбурге и, по совершенно непонятным для него причинам вдруг включенный в секретную комиссию по изучению пришельца из будущего - еще бы, два из этих трех лет он занимался "проектированием", созданием "думающей" машины, - такой просьбе подивился, но исполнил.

- Ага, спасибо. Еще голову наклоните немного вперед, герр Цузе. Охренеть! Я ж вас знаю! Вы первый в мире комп создали! Я его в Техническом музее видал - здоровенный! Два шкафа и стол как для бильярда, а рядом ваша фотка висит! А комп назывался... назывался... Z3. Да, точно.

- А в каком году я его создал? - спросил огорошенный пионер "компо-ноутостроения", который пока еще собрал и запатентовал только вычислительное устройство Z1, несколько более скромных размеров.

- А я не помню. Но до сорок пятого года - точно. Его наши во время войны использовали.

- А вы, Ойген, говорили, что я тащу в это дело незнамо кого, и что этот гражданский специалист... Как вы его называли, не помните? - шепнул Борг фон Року.

- Ошибался. - неохотно признал эсдэшник.

Берлин, тюрьма Шпандау 09 ноября 1938 г., час дня - Я все таки считаю, что этот Геббельс неблагонадежен. - заявил Франк, едва офицеры и инженер вышли из допросной. - И вас, герр Цузе, с удовольствием бы пока изолировал, во избежание утечки. Ничего лично против вас не имею, но секретность есть секретность.

В допросе было решено устроить перерыв, и сейчас все отправлялись обедать - Карл, в свою камеру, где ему за последующий час предстояло не только принять пищу, но и набросать различные схемы сетевых соединений "компов", а офицеры в ближайшую ресторанцию.

- Бросьте, Вертер. - отмахнулся Борг. - Ну, ухаживал мальчик за дочкой фольксдойчей, так что с того? А за герра инженера я ручаюсь. Он работал над доводкой He.111, так что с режимом секретности знаком. Кстати, герр Цузе, пока не забыл. Сегодня вечером закройте двери покрепче и никуда не выходите. В Берлине ожидаются... события, так что побудьте дома. Во избежание.

- Серьезные события? - поинтересовался инженер, огорошенный вывалившейся на него сегодня информацией.

- В меру. - поджал губы фрегатенкапитан.

До начала Хрустальной ночи оставалось всего несколько часов - история шла по наезженной колее. Пока еще.

Берлин, ОКВ 09 ноября 1938 г., ближе к полуночи События, творящиеся в настоящее время в Берлине мало интересовали Кейтеля - если Фюрер считает, что евреи мешают жить берлинским гражданам, то это его, Фюрера, дело, а он себе такой ерундой голову забивать не собирался. Нет, безусловно, войска берлинского гарнизона были приведены в повышенную готовность, однако вмешаться они должны были лишь в том случае, если ситуация выйдет из под контроля Гимmlера. А вот в некомпетентность рейхсфюрера СС шеф ОКВ (6) не верил.

Впрочем, в пришельцев из будущего, прошлого или, положим, с Марса, он тоже не верил. До недавнего времени.

- Канарис, вам, как выражается наш потомок, зачет.

Йодль, Канарис, Томас и Рейнеке, руководители всех четырех департаментов Аппарата Верховного командования Вермахта с удивлением уставились на Кейтеля, словно ожидая, что теперь он еще и рэп-композицию исполнит. Однако "йо, камон" не последовало.

- Конечно, - добавил шеф ОКВ, - этот Цузе неприлично молод, но что делать, если он сейчас единственный человек в мире, способный хоть в какой-то степени воспроизвести технологию будущего?

- У истоков которой он же и стоит. - кивнул адмирал. - Или стоял? Проклятье, даже и не знаю, в каком времени стоит это произносить.

- По Цузе, кстати, у меня есть ряд предложений. - произнес Томас.

Дождавшись поощрительного взгляда Кейтеля, начальник службы экономики обороны и вооружения продолжил.

- Необходимо создать лабораторию компостроения под его руководством и обеспечить ее необходимым финансированием. Возможно даже - первоочередным. Этот момент еще требует изучения. Если генерал-фельдмаршал не возражает...

- Поддерживает. - благосклонно кивнул Кейтель. -...то это я возьму на себя. С учетом особой важности и секретности его исследований, считаю необходимым имитировать гибель Цузе.

- Его, и всей семьи. - поправил Томаса Канарис. - В сегодняшней неразберихе это будет сделать особенно просто. План уже разработан, группа моих сотрудников готова приступить к его исполнению немедленно.

- Дать какие-то статьи в газетах? - поинтересовался Рейнеке. - О том, что он лжеученый, или наоборот, о том, что германская наука понесла невосполнимую утрату, научный мир скорбит и так далее?

- Это лишнее. - не поддержал инициативу главы департамента общих вопросов шеф Абвера. - Его исследования малоизвестны. Достаточно небольшой заметки о смерти изобретателя, а также о том, что его изобретение восстановлению не подлежит.

Заметка для "Берлинер тагеблат" уже подготовлена. Полицейские протоколы осмотра места происшествия - тоже.

- Хорошо. - согласился Кейтель. - Томас, оформите его завтра в свою службу по высшему допуску и организовывайте лабораторию. Канарис...

Генерал-фельдмаршал подвинул к шефу Абвера телефонный аппарат.

- Действуйте.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 10 ноября 1938 г., девять тридцать утра - Да, мой Фюрер, все прошло по плану, без эксцессов. - произнес Гиммлер, поблескивая стеклами пенсне. - Мы, правда, рассчитывали на более деятельное участие ОКХ... (7) - Генрих, вот не надо, а? - поморщился фон Браухич. - Если полиция не справляется с беспорядками, которые устраивает СС, то это твои проблемы. В конце концов, ты в обоих ведомствах главный.

- Прекратить цапаться! - приказал Гитлер. - Гиммлер, продолжайте.

- Слушаюсь, мой Фюрер. Волнения удалось организовать по всей Германии.

Уничтожено полностью двести шестьдесят семь синагог и восемьсот пятнадцать еврейских магазинов. - никакими записями во время доклада рейхсфюрер не пользовался, докладывая по памяти. - Более тридцати евреев - точное число уточняем, - убито, арестовано и сейчас готовится к отправке в концлагеря порядка двадцати тысяч евреев.

- А также погиб сотрудник Абвера, занимавшийся "объектом К", и вся его семья. - мрачно заметил Канарис. - Какие-то мерзавцы воспользовались беспорядками для того, чтобы ограбить честного немца. Нет, мой Фюрер, мы проверили - к деятельности враждебных разведок это не относится.

- Неприятный инцидент. - нахмурился Гитлер. - Впрочем, он умер за величие германского народа, как настоящий солдат. Представьте его к посмертной награде.

Дайте Борману (8) данные на него, пускай напишет родственникам соболезнование от моего имени. Гиммлер, у вас все?

- Да, мой Фюрер.

- Очень хорошо, партайгеноссе. Теперь по объекту... Карлу Геббельсу. Устройте мне, кстати, с ним личную встречу. Интересно. Я внимательнейшим образом ознакомился с вашими докладными записками. Канарис, какова вероятность того, что код "Энигмы" действительно расшифруют? Мальчик, помнится, даже истерику закатил, когда ему предложили натурализацию через Киль?

Вильгельм Канарис поднялся, и ответил:

- По поводу "Энигмы" я готов ответить Фюреру лишь без посторонних.

Адольф Гитлер почти минуту рассматривал шефа Абвера, после чего произнес:

- Хорошо, герр вице-адмирал... Мы обсудим это. Редер!

- Да, мой Фюрер!

Изрядно пожилой командующий флотом, джентльмен до мозга костей, лично приложивший много сил к тому, чтобы в Германии о человеке с хорошими манерами начали говорить "словно флотский", постарался не показать, насколько он шокирован и возмущен участием высших лиц государства в ночном погроме, и сосредоточиться только на своих обязанностях.

- Вы все еще поддерживаете представленный вами план развития флота с учетом возможной войны с Англией?

- Я не готов ответить немедленно, мой Фюрер. - признал гросс-адмирал. - Планы войны с Англией флотом просто не рассматривались, равно как и с США. Впрочем, с учетом озвученного нам опыта Перл-Харбор, авианосцы необходимы, так что и "Граф Цепеллин", и недавно заложенный "Z2" полагаю нужным достроить в кратчайшие сроки.

Легкие крейсера нам бы не помешали, но, я полагаю, мы сможем вооружить достаточное количество вспомогательных крейсеров для ведения рейдерской войны. А вот программу постройки линкоров полагаю своевременным свернуть и начать строительство У-ботов.

- Обоснуйте, гросс-адмирал.

- Начнем с гибели не спущенного пока "Бисмарка", мой Фюрер. - Редер вздохнул.

- Увы, "объект К" и военно-морскую историю знает плохо, но хоть лучше всей остальной. Он готовился поступать в навигацкую.

- Читал-читал. - отмахнулся рейхсканцлер. - Размен "Бисмарка" на "Худ", это явно не то, что нас может устроить. Скажите, вы считаете ненужным достраивать "Бисмарк" и "Тирпиц"?

- "Бисмарк" почти достроен, пригодится. - пожал плечами командующий ОКМ (9) - "Шарнхорст" тоже практически готов, в январе введем в строй, "Гнезенау" - не позднее мая. А насчет "Тирпица" нужно заключение аналитиков и штабные игры.

Верить этому... как он это называет? Ламмеру - опасно, да и через полгода мы планировали спустить "Тирпиц" на воду. Класс "Дойчланд" слишком дорог, да и бронирование на этих обреза-линкорах явно недостаточное. Да даже если б у нас было пять "Бисмарков" - этого все равно мало, чтобы соревноваться с британским надводным флотом. Ко всему прочему, французские крейсера класса "Сюфрен" своим появлением свели ценность "Дойчландов" почти на нет, не говоря уже о том, что лягушатники могут поставить на поток класс "Альжери". Это если говорить о Франции. Серия "Адмирал Хиппер" кажется мне не слишком удачной, это, в конце-концов, тоже дитя версальских и вашингтонских ограничений, но все же лучше, чем ничего.

Три корабля этого класса уже спущены на воду и один в ближайшее время будет полностью готов. "Блюхер" и "Принц Ойген" полагаю необходимым ввести в строй, а "Зейдлиц" и "Лютцов" продать СССР. Лучше, конечно, Англии - пусть они с неудачными силовыми установками мучаются, но они же не возьмут.

- Рибентроп?

- По сходной цене можно попробовать продать в Латинскую Америку, мой Фюрер. - министр иностранных дел на мгновение задумался. - Возможно, по одному кораблю возьмут Швеция и Финляндия, хотя насчет президента Рюти я сильно сомневаюсь, да и где он будет его достраивать - в Хельсинки что ли? Идеально было бы продать Японии, она больше не считает себя ограниченной Вашингтонским военно-морским договором.

- Изучите вопрос, Иоахим. Я надеюсь на вас. А вы, Редер, что вы предлагаете в плане развития флота?

- По большому счету, есть два варианта. Если мы решим строить только подводные лодки и средние боевые корабли, то в кратчайшие сроки сможем создать флот, который станет серьезной угрозой океанской торговле Англии, главному источнику жизни этой островной империи. Конечно, подобный флот будет иметь ограниченное применение, поскольку он не сможет вступить в сражение с более сильными британскими боевыми кораблями. Создание же флота, способного дерзко бросить вызов британскому флоту в открытом море, потребует гораздо большего времени.

Серьезный флот будет иметь гораздо больший вес, как в военном, так и в политическом плане, но, все то время, пока мы будем создавать столь мощный флот, мы будем иметь на плаву только слабые и несбалансированные морские силы, которые мало что смогут противопоставить врагу, если война разразится в ближайшие годы.

Конечно, есть еще вариант строить понемногу и надводные суда, и U-боты, но тогда мы будем одинаково слабы и над поверхностью моря, и под ней. Я полагаю, нужна тщательная проработка наших планов.

- Очень хорошо, предоставьте мне их до конца года. Канарис, вы не забудьте, необходимо также устранить этого француза, генерала де Голля.

- Он пока еще полковник.

- Тем более! Кейтель, что у вас?

- Данные странные, но укладываются в определения аналитиков. - фельдмаршал потер висок. - Единственное что, Абвер не смог предоставить нам данные по разработке русского танка "Т-34". Предполагаю, что начнутся в ближайшее время.

Основной машиной Германии будет тестируемая сейчас машина "Pz-IV", не раз модернизируемая, и штурмовые орудия Stug III и Stug IV. Про стрелковое оружие не знает ничего.

- Поясните, в чем модернизируемая? - попросил фон Браухич.

- В броне и калибре. К его времени сто миллиметров - не предел танковой брони.

- Твою мать. - схватился за голову Геринг. - Опять танковую промышленность перенацеливать.

Берлин, Унтер ден Линден, 6 10 ноября 1938 г., около полудня "В бордель, что ли сходить?" - фон Рок со вздохом подавил недостойную истинного арийца мысль, поставил воспроизведение на паузу и подтянул себе кипу бумаг, с расшифровкой всего увиденного на экране. Разбирая корявые рисунки Карла и выполненные профессиональным художником из "культурного отдела" эскизы, он постарался хотя бы для себя выстроить более-менее понятное описание вновь увиденного. Прелести домохозяйки его не удивили - в конце-концов, он до женитьбы успел славно погулять.

"Так, прикрепленная к стене коробка с дверцей на длинной стороне и двумя круглыми ручками справа - "микроволновка", средство для быстрого приготовления и разогрева продуктов. Принцип действия не ясен. Внутрь ставится холодная еда в стеклянной (почему стеклянной - надо выяснить отдельно) посуде, одной ручкой выставляется уровень мощности "микроволн", второй - время работы микроволновки.

Стекло на дверце забрано мелкой сеткой. Важно?" - Ойген подчеркнул "важно" двумя чертами и, отложив записи в сторону, взял с верха кипы следующие листы бумаги, сцепленные большой нержавеющей скрепкой.

"Шкаф в углу кухни, с двумя открывающимися навстречу друг другу дверцами, петли которых закреплены на боковых стенках - холодильник. Со слов свидетеля (ох уж эти бю-

рократические тонкости!) марки "Электролюкс", произведено в Швеции. Чертеж внутренних отсеков прилагается".

Штурмгауптфюрер сделал пометку, предписывавшую послать запрос о фирме-производителе и ее последних разработках, и перешел к следующему рисунку.

"Изогнутая трубка, выступающая из столешницы, с ручкой на правой стороне - кухонный смеситель. Применяется для регулировки напора и температуры воды одной рукояткой. Схема регулирования прилагается. Ну, с освоением данного устройства у промышленности рейха проблем не будет".

Фон Рок принял за следующий лист.

"Балконная дверь. Выполнена из белого материала, называемого свидетелем "пластик", химический состав и изобретатель неизвестны. Свидетель характеризует материал как непрочный, но сверхлегкий. Стекло двойное, особой конструкции, названное свидетелем "стеклопакет". Рисунок со слов свидетеля прилагается".

Ойген вздохнул. Работы был воз и маленькая тележка.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 10 ноября 1938 г., пятнадцать часов - Вильгельм, вы намеркнули на личную беседу. - Адольф Гитлер испытывающее смотрел на шефа Абвера. - Скажите, зачем?

- Мой сотрудник не погиб этой ночью, мой Фюрер. Его знания столь велики, как и его возможности, что мы сочли необходимым убрать его из... общения с окружающими.

Причем так, что даже высшее командование Рейха не будет об этом знать. Слишком многим известно про "объект К". Вот документы, относительно этого сотрудника.

Адольф Гитлер внимательно изучил предоставленную информацию, и вновь воззрился на Канариса.

- Вы уверены?

- Еще вчера я был уверен, что Аненербе - это полная фигня. А сегодня я не уверен уже ни в чем. - вице-адмирал развел руками. - Мы все видали даже этот его... калькулятор в "мобиле". Мы читали его показания о межконтинентальных ракетах, которые наводятся компами. Если Цузе... это фамилия того сотрудника... сможет хоть на десять процентов ускорить наше развитие в этой области... Мой Фюрер, последствия будут непредсказуемыми, но положительными.

- Хорошо. - Гитлер вновь задумчиво покопался в бумагах. - Этот юноша утверждает, что "Энигму" расшифровали благодаря тому, что потопленный U-бот обследовали американские подводники.

- Прошу прощения, Фюрер, я уже проконсультировался с нашим Геббельсом. Он так смеялся...

- Поясните, Канарис. - сухо произнес рейхсканцлер.

- Мой Фюрер, даже этот мальчик знает, что в войне с нами победили русские, а выиграли - американцы. Загребли жар чужими руками, как и в прошлый раз. Он ссылается на фильм, который видел. Американский. Но мы-то точно знаем, что подводного флота у американцев, почти нет, а с британским мы и сейчас уже на равных. Так что американские субмарины, как в фильме, не смогут ждать нас и уж заманивать - точно. Бой подлодок - это бой сонаров и выдержки капитанов.

Рейхсминистр уверен - это пропаганда. Попытка приписать всю славу себе.

- Даже так?

- Советы же пали. Представьте себе, мой Фюрер. Завтра мы, совместно... да хоть с Люксембургом, атакуем линию Мажино. И прорывают ее люксембуржцы. Разве мы будем снимать фильм про них?

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 (личные апартаменты Фюрера) 10 ноября 1938 г., около десяти вечера - Ах, Ева, как я устал. - Адольф Гитлер, владыка одной из самых могущественных держав в Европе, устало опустился на пол возле кресла, в котором сидела с книгой его гражданская жена.

- Ты себя совсем не щадишь. - ласковые руки Евы Паулы фон Браун нежно обвили вокруг шеи любимого мужчины, а губы, зарывшись в густые жесткие волосы, достигли макушки и запечатлели на ней поцелуй. Книга была забыта. - Столько работаешь.

Это из-за сегодняшней ночи? Ты так мучаешься последние пару дней... Разве можно работать столько?

- Милая, теперь мне предстоит работать вдвое больше. - Гитлер невесело усмехнулся. - Перспектива быть самым страшным тираном истории...

- Не смей! - Ева еще крепче сжала мужа руками. - Никогда не смей так говорить!

Ты - великий человек, ты приведешь Германию к процветанию. Ты... Ты больше чем Бисмарк и Фридрих вместе взятые!

Ева Браун заглянула Адольфу в глаза, изящным движением покинув кресло, и твердо произнесла:

- Что бы ни случилось, я всегда буду верить в тебя. В твой гений. В твою любовь...

Нет, не только ко мне! Ее я не смогла бы подвергнуть сомнениям и под пытками! В твою любовь к Германии!

- Ах, Ева... - Гитлер потянулся к любимой женщине, ладонь его скользнула по ее щеке.

- Если бы ты только представляла, как мне дорога твоя вера. Без тебя я бы был ничем...

Он перехватил ее руку и страстно припал губами к кончикам пальцев.

Чего бы не говорили про Гитлера потомки, мужчиной он был страстным и куртуазным.

- Моя маленькая нимфа. (10) - Адольф припал губами к запястью Евы. - Патшерль...

Ночь была жаркой. Не в смысле климата.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 11 ноября 1938 г., одиннадцать утра Карла везли в автомобиле с занавешенными окнами, так что он понятия не имел, куда прибыл. Конечно, роскошные внутренние убранства здания наводили на мысль о том, что место совсем непростое, да и референт был чем-то смутно знаком, но такого... Нет, этой встречи он не ожидал. Четверо конвоиров, которым строго (при нем) было приказано с ним не разговаривать и все попытки разговоров с его стороны пресекать, провели его по длинным коридорам, роскошным, украшенными скульптурами лестницам, через приемную, и просто оставили в кабинете какого-то, судя по обстановке, высокопоставленного чиновника. Одного. Не приковали, не связали, просто аккуратно посадили на стул с высокой спинкой, и вышли.

Ждать пришлось около десяти минут - целую вечность для его истерзанного предчувствием концлагерей или казни сознания. А когда дверь в кабинет, не та, в которую вошел он, а другая, для хозяина, ведущая куда-то внутрь, отворилась...

- Хайль Гитлер! - какая внутренняя пружина его подбросила, и заставила вскинуть руку в нацистском приветствии? Гены прадедов, один из которых сложил голову под Сталинградом, а еще один - остался гнить под жарким солнцем Северной Африки? Патриотизм, присущий любому из народов, о чем их противники имеют свойство забывать? Страх и узнавание? Кто знает, если этого не знал и он сам.

Адольф Гитлер - кто еще мог войти в его кабинет без стука? - улыбнулся.

- Присаживайтесь, герр Геббельс. Присаживайтесь. - произнес он, проходя к своему месту во главе стола. - Я же уже знаю, что вы меня не любите. Трудно любить человека, которого объявили Антихристом, а?

- Прошу простить, канц... рейхсканцлер, но трудно любить человека, который привел страну к полувековому унижению. - Карл сел, но с Гитлера глаз не сводил.

У Гитлера, в ответ на его фразу, дернулась щека.

- Я человек. - резко ответил он. - Значит и я мог допускать ошибки, которые теперь намерен исправлять. Вы хотите обвинить меня в человечности моей натуры?

Вы бы, на моем месте, смогли поступать лучше?

- Я?!!

- Вы, коль беретесь судить. - Фюрер с трудом сдерживал себя, что мог бы понять любой, его знавший. Но Карл-Вильгельм Геббельс знал Гитлера только по лекциям в школе.

- Я знаю то, чему меня учили, и то что читал сам. - юноша вспыхнул. - А читал я, что умри вы в следующем году, то вошли бы в историю Германии как величайший ее правитель. Круче Бисмарка!

Гитлер о близкой перспективе смерти всерьез никогда не задумывался (особенно после ночи, которую ему подарила Ева), так что эта фраза на миг заставила его смешаться. Чтобы в разговоре, покуда он собирается с мыслями, не возникло паузы, он задал неважный, но уточняющий вопрос.

- Круче, видимо, это более велик. Но Бисмарка? Неужели мои действия потомки оценили столь высоко?

Карл пожал плечами.

- Конечно. Именно вы подняли страну из того пепла, в который она превратилась после Первой Мировой. Но вы же и ввергли ее в гораздо большие беды. И только последнее - официальная история.

Гитлер долго молчал. Очень долго.

- Смелый юноша. - наконец произнес он. - Впрочем... обоснованно смелый.

Скажите, Карл, а как вы видите свое будущее?

- А?... - выпучил глаза Геббельс.

Гитлер поглядел на него с совершенно непередаваемым выражением не-то иронии, не-то долготерпения.

- Ваши знания по истории, которые могут быть полезны Рейху - ничтожны. Так?

- Да... рейхсканцлер. - Карл вынужден был кивнуть, ведь это было правдой.

- Ваши знания по технике еще ничтожнее. Вы знаете как ею пользоваться, и все.

Так?

- Да... - с каждой секундой Геббельс чувствовал себя все более ничтожным тараканом.

- За месяц мы получим все, что вы знаете. Меньше. - Адольф махнул рукой. - Что дальше?

- Газенваген? - Карл вздрогнул от догадки.

- Что за идиоты учили вас истории?!! - вскочил с места Фюрер и грохнул по столу кулаком. - Я что - палач своей расы? Убийца своего народа?!! Кем меня выставили в ваши дни?!! Может я и родню всю живьем сожрал?!!

- К-к-казнили... - пролепетал юноша.

- ЧТООООО?!! - Гитлер рванул воротничок. Он все еще помнил - как живую - Ангелу Раубаль, двоюродную сестру и любовницу.

- Говорили, что у вас есть еврейские предки, и чтоб это скрыть... - пролепетал Карл.

- СВОЛОЧИ!!! ПЕДЕРАСТЫ!!! НЕГОДЯИ!!! ПОДОНКИ!!!

Фюрер рухнул в кресло, откуда успел вскочить незадолго до этого, и вдруг, совершенно спокойным голосом, спросил:

- И многие в это верят?

- Да кто хочет верить - верят. А остальным просто пофиг. Давно это было, господин рейхсканцлер.

Адольф Гитлер помолчал.

- И все же? Как вы видите свое будущее?

- А я не пророк, чтоб его видеть. - набрался наглости Геббельс. - Да и не мне решать.

Фюрер опять помолчал.

- Знаете, герр Геббельс, я бы хотел видеть вас в рядах офицеров СС. - наконец произнес он. - Вы истинный ариец, вы не бесталанны, но... Но для этого нужно много учиться.

- Расстреливать не буду. - мрачно отозвался Карл.

- И не надо. Есть и другой вариант. Вы же собирались идти по стопам старшего брата, если мне правильно доложили?

- Была такая мысль. - Геббельс не успевал следить за мыслью Фюрера, и ему это сильно не нравилось. - Он уже старший помощник на круизном лайнере. В смысле - будет. В мое время.

- Так, - Гитлер хитро улыбнулся, - что вы скажете, если НСДАП направит вас на учебу в Кригсмарине? Если удастся возвратить вас в ваше время, полученные во время учебы познания будут весьма полезны при поступлении, не так ли?

Карл онемел.

- Ну же, герр Геббельс. - рейхсканцлер продолжал улыбаться. - Что скажете?

Карл-Вильгельм Геббельс заставил - невыносимым усилием воли - себя подняться, и произнес:

- Мой Фюрер, я патриот своей страны и счастлив буду служить Германии при... любой власти. Но... доводили ли до вас мои показания про "Энигму"? К 1943-му я буду покойником, в надводном или подводном флоте служи.

- Довели. - улыбка не сходила с губ Фюрера. - А вы не подумали, что герр... как его?... Цузе может усовершенствовать "Энигму" своими методами, а в... "компах" кроме него никто... Как вы это называете?

- Не шарит. - мрачно ответил Карл. - Не думал.

Адольф Гитлер поднялся, показывая, что аудиенция закончена.

- Привыкайте думать. Через две недели - столько я дал нашим специалистам - вы отправитесь в Киль. Вам гипнотически внушат, что у вас амнезия. А если что-то потребуется, гипнотически же и спросят.

- Но...

- Зачем? Подумайте.

Карл замолк, едва не упал обратно в кресло, но удержался за счет рук на столешнице, и опустил глаза.

- Понимаю, герр канц... рейхсканцлер.

Гамбург, порт, борт судна "Швабенланд" 01 декабря 1938 г., около девяти утра.

- И что бы это такое могло быть? - задумчиво произнес капитан Альфред Ритшер, вертя в руках запечатанный конверт, надпись на котором гласила: "А. Ритшеру.

Лично. Секретно".

Бывалый полярник в своей жизни повидал всякого - и красочные переливы северного сияния, и сверкающие в арктическом солнце, ярком, но не согревающим, айсберги, похожие на огромные сахарные головы, и обжигающие серые валы штормов Ледовитого океана, и даже северный полюс он видел неоднократно. А вот того, чтобы секретные приказы привозили на грузовике, да еще загруженном, видеть ему еще не доводилось.

Нет, ничего такого уж экстраординарного в доставке оборудования, пусть и секретного, на экспедиционное судно, не было. Ничего странного не было и в том, что к оному оборудованию прилагался приказ или инструкция. Станным было отсутствие вооруженного сопровождения у такого груза, а еще более странным - звание водителя. Что, интересно, могли прислать на "Швабеланд" такого, что баранку вынужден крутить аж целый штурмбанфюрер?

- Вам известно содержимое пакета, герр?... - поинтересовался Ритшер у курьера.

Эта история с экспедицией в Антарктиду с каждым днем пахла все более и более мерзко, и теперь, за какие-то две недели до ее начала новые сюрпризы были нужны капитану, как собаке пятая нога.

- Ран. Отто Ран. - изволил представиться штурмбанфюрер. - В общих чертах - да.

Альфред кивнул, принял к сведению, мол, и распечатал, наконец, конверт.

- Занятные вещи пишет рейхсфюрер, надо сказать. - произнес он, ознакомившись с содержимым пакета. - Хотел бы я разделять его уверенность в существовании этих "горячих подземных рек" и "геотермальных оазисов" - слово-то какое, а? Ладно, подгоняйте эти ваши "противолодочные градусники" на разгрузку, а я пока распоряжусь подготовить вам кубрик. За вещами куда посылать?

- Да, собственно, никуда. - белозубо улыбнулся Ран. - Я еще после Испании чемоданы не успел разобрать, они в машине.

- Да? - Ритшер скептически оглядел зимнюю униформу эсэсовца. - Тогда дам вам пару советов, если позволите. Во-первых, хорошенько отдохните эти последние перед отплытием дни. А во-вторых, советую озаботиться приобретением очень теплой одежды. В Антарктиде, знаете ли, несколько прохладнее, чем в Испании. Порт мы покидаем семнадцатого числа, отставших и опоздавших не ждем.

Киль, Военно-морское училище 15 декабря 1938 г., четыре часа дня - Слушай, а ты вот прям так-таки совсем ничего не помнишь? - морской кадет Отто Вермаут, сосед Карла по кубрику с интересом глядел на новичка. - Как же ты учиться станешь-то?

Молодой человек тяжело вздохнул, но вынужденно признал вопрос однокашника резонным. В конце-концов, не каждый день можно встретить парня его возраста с полной потерей памяти.

- Я про свою жизнь ничего не помню. - пояснил Геббельс. - А знания и навыки у меня остались. Просто я не знаю, что на самом деле знаю.

Объяснение было путанное, но лучшего предоставить молодой человек просто не смог.

- Это как? - не понял Отто.

- Ну, как тебе объяснить... Вот ты теорему Пифагора знаешь?

- Конечно. - Вермаут утвердительно тряхнул белобрысой головой.

- А я, покуда не попросили ее доказать, понятия не имел, слышал я про нее хоть раз, или нет. Меня ж сюда не за красивые глаза взяли, и не потому, что я сын какой ни будь партийной шишки. Я, чтоб ты знал, последние полторы недели, как только из госпиталя выписался, сдавал все зачеты и экзамены за первый семестр.

Чтобы мой однофамилец, который рейхсминистр, мог похвастать перед всем миром, как НСДАП о немецкой молодежи заботится. - Карл кивнул на свежий номер "Фелькишер беобахтер", где одна из заметок, в частности, была посвящена ему.

Легализация пришельца из будущего была поручена конторе Гейдриха, а уж тот за дело взялся с фантазией, размахом и артистизмом, свято веря в утверждение: "Если хочешь что-то надежно спрятать, положи это на видном месте, да еще и пальцем туда ткни".

После того как гипнотизеры и прочие мистики из Аненербе (по запросам соответствующих служб, конечно) выкачали из парня все, что он помнил, и даже то, что забыл, а затем заблокировали его воспоминания, Карл был доставлен в военно-морской госпиталь Везермюнде эсминцем Третьей флотилии, "Антон Шмидт" (Z-22), якобы подобравшем молодого человека после крушения данцигского сейнера. Причем, находящегося под наркозом парня самым натуральным образом макнули в ледяную воду и с полминуты там продержали.

То, что выловленный из бурного и холодного моря парень находится в отрубе врачей не удивило. Обнаружившаяся позже амнезия, в принципе, тоже. А вот тот факт что он, согласно записи в судовом журнале "Шмидта", пробыл в воде около часа и отделался легким насморком, повергло светил военной медицины в настоящий шок, впервые заставив подумать (тех, кто был в курсе, конечно), что опыты Рашера, (11) возможно, и имеют под собой научную базу.

На следующий день в "Фелькишер беобахтер" появилась короткая заметка под названием "Моряки Третьей флотилии эсминцев спасли данцигского рыбака".

Командующий флотилией, фрегаттен-капитан Ганс-Йоахим Гадов, от комментирования ситуации отказался (хотя, скорее всего, его мнением журналист даже и не поинтересовался), зато по поводу мужества парней из Кригсмарине и выносливости истинного арийца сладкоголосым соловьем пропел сам Геббельс. Собственно, большая часть статьи была чистейшей воды пропагандой, где из короткого, в три строчки сообщения о том, что юноша, чье имя пока установить не удалось, но точно немец, пробултыхался в ледяных волнах около часа и отделался банальной простудой, кратко но последовательно делался вывод о том, что Фюрер велик, Рейх вечен, а править на земле должны представители нордической расы.

Далее история развивалась все интереснее и интереснее. Через пару дней, со ссылкой на высокий полицейский чин, пожелавший остаться неизвестным (и так, чтоб было понятно - Гиммлер, больше некому), "Фелькишер беобахтер" узнал не только имя, но и краткую биографию "чудесно спасенного", причем была биография такова, что писавший оную эсдэшник наверняка сам обливался горючими слезами, когда ее сочинял.

Как Карл выяснил из газеты, был он круглым сиротой. Мать его умерла родами, отец же, полицейский и Старый Борец (12) погиб в начале этого года при исполнении служебного долга, и убийцы его по сей день не были наказаны. О том, кем эти самые убийцы являются и что именно они не поделили с мифическим отцом Карла прямо не говорилось, но намек на мировое еврейство и международную плутократию, сведших счеты с честным национал-социалистом, читался даже не между строк.

Но и это был еще не конец фамильной трагедии семейства Геббельсов! Оказывается, после Версаля дядя Карла оказался в Данциге, то есть за пределами Германии! Этот суровый муж, бывший матрос-подводник, зарабатывал себе на жизнь, горбатясь как проклятый на сейнере. Владелец судна, конечно, не упоминался, но то, что плутократия и еврейство продолжают сводить с однофамильцами рейхсминистра счеты, было понятно даже умалишенному.

Именно этот-то дядя, невзирая на собственное тяжелое финансовое положение и троих малолетних детей забрал Карла к себе на воспитание. Далее, буквально в несколько строк описывалось, как бедняга Карл недоедал и недосыпал, готовясь к поступлению в военноморское училище, но, при этом, не желая быть обузой на дядиной шее упротил того устроить на сейнер и его.

Финал истории был короток, но жесток. Негодай-судовладелец, оказывается, сэкономил на ремонте судна, и в недоброй памяти ночь старая калоша таки пошла ко дну во время шторма (действительно пошла - посудинка была заранее выкуплена СД и выведена в море, где и упокоилась с открытыми кингстонами. Проводивших операцию офицеров потом подобрала U-9 под командованием капитан-лейтенанта Людвиг Матеса), весь экипаж сгинул в бурном море, и только Карлу повезло - заметившие сигнальные ракеты моряки с эсминца Z-22 "Антон Шмидт" поспешили на помощь, и хотя спасти корабль не успели, парня в воде все же заметили и подняли на борт.

Заканчивалась статья сообщением о его амнезии и пожеланием скорейшего выздоровления.

И, наконец, как заключительный аккорд этого пропагандистского фарса была сегодняшняя статья, начинавшаяся словами Гиммлера: "Будущее рейха и национал-социалистического движения - те, кто сейчас беззаботно играют в садах и парках немецких городов..." Последующие сентенции о защите детства и юношества, перемежаемые рассуждениями о величии германской нации и народа, заканчивались словами, "...и я счастлив сообщить вам, что спасенный "Шмидтом" молодой человек был направлен НСДАП на обучение в одно из военно-морских заведений, где успешно сдал все текущие зачеты за первый семестр - экстерном".

Именно эту-то, последнюю статью и имел в виду Карл, обращаясь к соседу по кубрику.

- Не любишь ты рейхсминистра пропаганды, Карл. - хмыкнул Отто.

- А он не девчонка, чтоб его любить. - спокойно парировал Геббельс, и вдруг взгляд его упал на передовицу газеты, где была опубликована вчерашняя речь Гитлера в Рейхстаге. - Ну-ка...

Парень быстро прочел речь, нахмурился, потер висок, словно силясь что-то вспомнить, а затем помотал головой.

- Интересуешься политикой? - хмыкнул Вермаут.

- Н-н-не особо... наверное. Просто... - Карл запнулся и вновь начал массировать висок.

- Что-то не так, неправильно что-то.

Взгляд его снова упал на свежий номер "Фелькишер беобахтер".

Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге - 14 декабря 1938 года Депутаты германского Рейхстага!

В течение долгого времени мы страдали от ужасной проблемы, проблемы созданной разбойным договором, который нас заставили подписать, приставив пистолет к виску, под угрозой голода для миллионов людей. И после этого этот документ, с нашей подписью, полученный силой, был торжественно объявлен законом. Более чем миллион человек немецкой крови в 1919-20 годах были отрезаны от их родины.

Могли ли мы считать Версальский диктат справедливым законом, когда он обрекал на страдания множество стран и людей? Справедливо ли то, что немецкий народ, вопреки своей природе, вопреки своим устремлениям, был насильно разделен?

Справедливо ли то, что поляки и венгры вынуждены были проживать вне своей родины?

Справедливо ли было отделение Цешина от Польши, Рутении от Венгрии, Судет от Рейха? Почему немцы, венгры и поляки должны были проживать в стране, властям которых не было никакого дела до них, где их притесняли и подвергали террору?

Это ли исполнение страной обязательств в отношении своих граждан?

Я должен заявить определенно: Германия соблюдает свои обязательства; нацменьшинства, которые проживают в Германии, не преследуются. Ни один француз не может встать и сказать, что какой-нибудь француз, живущий в Сааре, угнетен, замучен, или лишен своих прав. Никто не может сказать такого.

И, однако же, никто не сможет обвинить Германию и в том, что она диктует свою волю более слабым странам или же навязывает кому-то несправедливые условия. Как всегда, я пытался мирным путем добиться пересмотра, изменения этого невыносимого положения. Это - ложь, когда мир говорит, что мы хотим добиться перемен силой.

За 15 лет до того, как национал-социалистическая партия пришла к власти, была возможность мирного урегулирования проблемы. Вы знаете о моих бесконечных попытках, которые я предпринимал для мирного урегулирования вопросов с Австрией, потом с Судетской областью. Я сделал еще одно заключительное усилие, чтобы принять предложение о посредничестве со стороны Британского Правительства. По своей собственной инициативе я неоднократно предлагал пересмотреть невыносимые условия Версальского диктата, и я счастлив заявить, что разум и добрая воля восторжествовали!

Я бы хотел, прежде всего поблагодарить Италию, которая всегда нас поддерживала.

Вы должны понять, что для ведения борьбы нам не потребовалась иностранная помощь.

Мы выполнили свою задачу сами. Нейтральные государства уверили нас в своем нейтралитете, так же, как и мы гарантируем их нейтралитет с нашей стороны.

Я сделал еще одно заключительное усилие, чтобы принять предложение о посредничестве со стороны Британского Правительства. Посредством долгих и тяжелых переговоров, во многом благодаря личному мужеству британского премьер-министра Чемберлена, противопоставившего себя всем косным силам, мы добились значительного прорыва в мирном урегулировании споров между европейскими странами - состоялось объединение с Австрией, Германия возвратила себе, без единого выстрела, Судеты. Все это - торжество нашей миролюбивой политики.

Теперь, когда полностью урегулирован вопрос с Чехословакией, Германия, Польша и Венгрия предоставили ей гарантии независимости и обязались вступить, с оружием в руках, в случае агрессии в ее сторону. Мы пережили несправедливость Версаля, и мы не можем позволить творить несправедливость и себе.

Я объявил, что граница между Францией и Германией - окончательна. Я неоднократно предлагал Англии дружбу и, если необходимо, самое близкое сотрудничество, но такие предложения не могут быть только односторонними. Они должны найти отклик у другой стороны, и этот отклик был найден. У Германии нет никаких интересов на Западе, наши интересы кончаются там, где кончается Западный Вал. Кроме того, у нас и в будущем не будет никаких интересов на западе. Мы серьезно и торжественно гарантируем это и, пока

другие страны соблюдают свой нейтралитет, мы относимся к этому с уважением и ответственностью.

Окончательной можно будет считать и границу с Польшей, после того как будет урегулирован вопрос с Данцигом. Президент Мощицкий заверил меня, что в ближайшее время мы сядем с поляками за стол переговоров и произведем окончательное урегулирование этой проблемы. Произведем его мирно, без угроз и бряцанья оружием.

Мы уважаем стремление Польши иметь выход к Балтийскому морю, который они имели исторически, и также поляки уважают наше стремление на наше беспрепятственное сообщение с Восточной Пруссией.

Кроме того, я хочу ответственно заявить - мы не намерены идти путем конфронтации ни с одной страной. Любая страна, каков бы ни был ее политический строй, может рассчитывать только и исключительно на наше благожелательное к ней отношение. Мы намерены развивать торговое и экономическое сотрудничество со всеми странами, которые могут что-то предложить нашей экономике, и экономикам которых что-то может предложить Германия. Мы намерены установить окончательный мир в Европе, где самыми тяжелыми войнами станут войны на биржах. Пусть пот проливается там, а не кровь на поле боя. Я сам воевал, я проливал кровь за Германию, терял в боях друзей, а потому военное решение конфликтов мне глубоко противно, как противно оно и любому здравомыслящему человеку. Это наша окончательная миролюбивая позиция, от которой мы не намерены отступать ни на шаг.

У нас нет претензий к другим странам, и мы знаем, что у других стран нет претензий к нам.

Однако, хотя мы и не имеем территориальных претензий к нашим соседям, хотя мы и не стремимся никому навязать наши ценности и государственную доктрину, я призываю Францию и Англию коренным образом пересмотреть их политику, относительно свободы переселения туземцев в метрополию из колоний. Допуская дешевую рабочую силу из Африки и Азии в Европу, эти страны оставляют без работы и, следовательно, средств к существованию своих собственных коренных граждан.

Руководствуясь сиюминутными выгодами, промышленники, принимающие на работу мигрантов, заставляют голодать детей своих соотечественников. Зачем? Неужели не понятно этим странам, что такая политика может привести только к одному: через какое-то столетие половина европейцев будет или турками, или неграми, или арабами, или индусами. Я призываю их отказаться от этой порочной политики. Мы обустроиваем Европу, делаем ее богатой, комфортной и безопасной - давайте же делать это для своих, а не для чужих внуков и детей!

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 15 декабря 1938 г., половина пятого вечера - А все же, мой Фюрер, чешские LT 38 и LT 35 оченьгодились бы Вермахту. - вздохнул Кейтель. - Получше наших Pz. II будут, да и количество...

- Никуда от нас это количество не денется. - отмахнулся от шефа ОКВ Гитлер. - Когда начнется война, а она рано или поздно начнется, мы захватим чехов за несколько дней. Если, конечно, они не пожелают выступить на нашей стороне сами.

- По сути, деваться им некуда. - задумчиво произнес фон Браухич. - С одной стороны мы, с другой венгры... Не под крылышко же Мощицкому им проситься.

- Кстати, про Мощицкого. - сказал только день как вернувшийся из Польши Риббентроп, и, отметив одобрителный кивок Гитлера, продолжил. - Принципиальное согласие Польши на наше предложение получено.

- Какое предложение? - изумился Гиммлер. - Что мы можем предложить этим унтерменшам, кроме их капитуляции?

- Например, "Зейдлиц" по сходной цене. - усмехнулся рейхсканцлер. - Не только мы желаем видеть свою родину великой. "Шакал восточной Европы" тоже спит и видит себя Речью Посполитой в границах тысяча пятьсот мохнатого года. Я дал поручение партайгеноссе Риббентропу провести переговоры с Мощицким о территориальных разделах в Ев-

ропе. Йоахим, просветите товарищей по партии... - Гитлер поглядел на Редера, и поправился, - Просветите всех присутствующих о результатах.

Министр иностранных дел, как обычно облаченный в форму группенфюрера СС, устало улыбнулся.

- Переговоры были те еще. - вздохнул он. - Не дипломатия, а восточный базар, честное слово. Все же поляки, не меньшие азиаты, чем русские, что бы паны там не говорили.

- Не тяни кота за... - начал, но под строгим взглядом Фюрера осекся, Геринг. - Просто не тяни.

- Да ничего я не тяну, Герман. - отмахнулся, словно от назойливой мухи, Риббентроп. Взаимная нелюбовь главкома Люфтваффе и министра иностранных дел ни для кого из присутствующих тайной не была. - Фюрер поручил мне сделать предложение Мощицкому так, что он не сможет отказаться. Я и сделал. Если в двух словах, то мы скормим полякам Литву, за исключением немецких территорий, которые отойдут нам, а они откажутся от своих притязаний на Данциг и отдадут его нам вместе с "коридором". Правда, они выторговали себе пять лет аренды части данцигского порта, покуда будут обустраивать базы ВМФ в Литве, да и Гдыня остается при них но это, в случае войны, нам даже на руку. Подгоним к выходу из гаваней какое ни будь старье с большими пушками, навроде "Шлезияна"...

- А что ты имеешь против "Шлезияна"? - возмутился Канарис, который некогда командовал этим кораблем.

- Кроме года его постройки? - невинно полюбопытствовал Редер, обращаясь к шефу Абвера.

- Да погодите вы с вашим плавающим утюгом. - вклинился в беседу Генрих Алоиз Мюллер. - А Франция и Англия, они что, так и съедят польский аншлюс Литвы?

- И не поморщатся. - ухмыльнулся Геббельс. - Что они могут противопоставить законному желанию единого народа Речи Посполитой жить в едином же, исторически сложившемся еще в средние века, государстве? Завоеванном, между прочим, русскими, и ими же искусственно разделенном на собственно Польшу и Курляндию.

- Ну, Пруссия с Австро-Венгрией в этом разделе тоже отметились. - заметил фон Браухич.

- А вот об этом, кроме поляков, ни одна сволочь не вспомнит. - заявил министр пропаганды и оскалился, изображая улыбку.

"Интересно, Геббельсу часто говорят, что он, когда улыбается, похож на хорька?" - отстраненно подумал Гейдрих.

- Если без шуток и пикировки, - сухо заметил Йоахим фон Риббентроп, - то они, конечно же, не возразят, но и никаких серьезных мер не предпримут. Польша - союзник Франции и противовес СССР, а то что коммунистов поляки бить могут, причем вполне успешно, Пилсудский, земля ему пухом, благополучно и не раз демонстрировал. Сейчас, конечно, Советы гораздо сильнее, но не настолько, чтобы объявлять войну Польше. Особенно с учетом того, что им мы скормим Эстонию и Латвию. К тому же русские сами пытались нас прощупать на вопрос взаимовыгодного сотрудничества...

Москва, Кремль 15 декабря 1938 г., шесть вечера (время берлинское) - Так вы утверждаете, товарищ Литвинов, что немцы предлагает нам провести переговоры? - мягкие сафьяновые сапожки Вождя бесшумно ступали по ковру. Сталин сделал затяжку, и, взмахнув чубуком трубки как дирижерской палочкой, задал следующий вопрос. - И что же они хотят предложить советскому народу? Да вы присаживайтесь, присаживайтесь.

- Так точно, товарищ Сталин. - Нарком Иностранных Дел аккуратно примостился на краешек стула и открыл папку. - Министр Риббентроп, через посольство в Москве, довел до Наркомата Иностранных Дел позицию Гитлера о том, что неприятие наших мирных инициатив, которые мы выдвигали в конце прошлого и первой половине этого годов, являлось, по его мнению, большой стратегической ошибкой Германии, основанной на не полном понимании нашего аграрного и промышленного потенциала, а также всех выгод

совместного сотрудничества в экономической и... - Литвинов бросил быстрый взгляд на Сталина, -...и иных сферах. Кроме того, рейхсканцлер утверждает, что до решения вопросов с Австрией и Чехословакией никак не мог строить долгоживущие планы о стратегическом сотрудничестве с любой из европейской держав. Теперь же, когда вопросы эти решены окончательно, Германия готова сотрудничать с СССР в вопросах как экономических, так и геополитических, для чего просит Вас принять министра иностранных дел Риббентропа. Короче говоря, Иосиф Виссарионович, опомнились, дружить с нами захотели.

- Очень интересно, товарищ Литвинов, очень интересно. - Сталин выбил трубку и сел на свое место во главе стола. - Ну а как вы полагаете, чем обусловлено такое желание Германии?

Нарком подавил тяжкий вздох. Максим Максимович ни секунды не сомневался, что за Судетской областью последует и вся остальная Чехия, и резкий поворот в немецкой политике поверг его а полное замешательство. Однако же, отвечать Хозяину было что-то надо, и уж точно ответ "пес его знает" оптимальным не являлся.

- Конечно, товарищ Сталин, никакой уверенности с действующими властями Германии ни в чем быть не может, однако, исходя из последних шагов немецкой дипломатии, можно сделать вывод, что Гитлер получил все возможное, из того что желал на западе, и теперь, перед установлением протекционизма на юге, на Балканах и, возможно, рывка еще дальше на юг, к англо-французским колониям, желает установить мир и, вполне возможно - военный союз - с СССР. По крайней мере, посол фон дер Шуленбург выразил мне сожаление Германии по поводу чрезмерной близости финской границы к Ленинграду.

- Чемберленом и Гитлером тридцатого сентября подписана декларация о ненападении и мирном урегулировании спорных вопросов между Великобританией и Германией. - задумчиво произнес Сталин. - Ваши коллеги, товарищ Литвинов, Жорж Боннэ и Иоахим Риббентроп шестого декабря подписали аналогичную франко-германскую декларацию. Да, похоже что на западе хищник наелся. Но союз?

Вождь хитро прищурился, глядя на Наркома Иностранных Дел.

- Во-первых, против кого он, по-вашему, может быть направлен? Во-вторых, зачем Риббентроп летал в Варшаву? Не против Советского Союза ли они там сговаривались?

Ну, и в-третьих. Что Гитлер будет делать с Антикоминтерновским пактом, в случае союза с СССР?

- Насчет союза, товарищ Сталин, это только мое предположение, хотя раздел Польши Гитлеру более выгоден, чем ее полный захват - он не будет выглядеть таким уж хищником. Кроме того, он, возможно, просто хочет обезопасить себе тылы с восточного направления. Пакт-то пактом, но до Японии и Италии еще добраться надо, а Германия рядом с СССР - только Польшу пройти.

- Ну и что вы посоветуете, как Народный Комиссар Иностранных Дел, а, товарищ Литвинов?

- Я бы посоветовал принять и выслушать Риббентропа. - осторожно ответил тот. - Вполне возможно, что это какая-то не совсем понятная нам демонстрация, политическая игра с буржуазными странами, и Риббентроп окажется таким же безполномочным болтуном, как англичане и французы, ведущие переговоры с товарищем Ворошиловым.

- Может быть, может быть... - задумчиво произнес Сталин. - Очень жаль, что советским дипломатам непонятна политическая игра Германии. Идите, товарищ Литвинов, думайте, что Гитлер замышляет. И мы с товарищами из разведки подумаем тоже.

Киль, Военно-морское училище 16 декабря 1938 г., полдень - Карл, ты же говорил, что сдал все зачеты! - возмущению Отто Вермаута не было предела.

- Говорил. - вяло отозвался Геббельс.

- Тогда какого черта мы всей группой из-за тебя лишний час по плацу топали? Где тебя учили строевой подготовке?

- А я помню? - огрызнулся Карл.

- А, да... - Отто смутился и взъерошил себе волосы на затылке. - Прости, из головы вылетело. Только с обербоцманом Медером номер с амнезией не сработает. Он вообще утверждает, что голова морскому кадету нужна для того, чтоб фуражка во время парада была на положенном уставом месте.

- А еще я в нее ем. - вздохнул Геббельс. - В голову, в смысле, а не в фуражку.

Хорошо, что весной эта строевая муть заканчивается, и нас отправляют на учебные суда. Как вы с этим солдафоном целых полгода выжили?

- С трудом. - вздохнул Вермаут и присел рядом с Карлом. - Моего прошлого соседа по кубрику из-за Медора и вышибли. Эх...

- Я одного только понять не могу. - задумчиво продолжил Геббельс. - Если мы учимся на подводников, то зачем нам мореходная практика на надводных судах?

- Ну, - хмыкнул Вермаут, - если потолок твоих мечтаний, это командование собственным U-ботом, то нафиг не надо. А вот если надеешься когда ни будь стать адмиралом, то точно пригодится. И потом, парусник, это...

- Какой еще к черту парусник? - встrepенулся Карл.

- "Хорст Вессель", если не ошибаюсь. Стоп. Ты что, хочешь сказать, что никогда не ходил под парусом? Тьфу, пропась, опять про твою амнезию забыл! Знаешь что...

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 19 декабря 1938 г., ближе к полудню - Хорошо, Редер, я ознакомился с вашим планом развития флота. - Гитлер отодвинул папку с документами от себя и побарабанил пальцами по столешнице. - Вы уверены, что нам стоит отказаться от строительства сильного надводного флота?

- Мы в любом случае сможем хоть сколь либо сравняться с Британией на море не ранее сорок шестого года, а такого времени на развитие, как я понимаю, у нас нет. - командующий Кригсмарине пожал плечами. - К тому же основной ударной силой будущего, как я понимаю показания нашего гостя, будут авианосцы и суда их сопровождающие, эскорт, а линкоры и линейные крейсера безвозвратно уходят в прошлое. К чему нам тратить драгоценные ресурсы на корабли, которые заведомо устареют к моменту, когда придет время их боевого применения?

- Но и серьезного развития авианесущего флота в вашем плане не предусмотрено. - заметил рейхсканцлер.

- Так Люфтваффе до сих пор не разработало ни одного палубного самолета, который можно было бы запустить в серию. - невозмутимо парировал гросс-адмирал. - Заказ промышленности на два авианосца у нас имеется, а вот летать с них нечему.

И, если палубные истребители и пикирующие бомбардировщики хоть как-то пытаются разрабатывать, то о торпедоносцах и речи не идет.

- Самолеты, значит. - вздохнул Гитлер. - Ладно, будут вам к лету самолеты, Редер, я вчера об этом разговаривал с Герингом. Хотя, с торпедоносцами и впрямь, проблема. Я полагаю нужным приобрести у Японии лицензию на производство Nakajima B5N, пока в Люфтваффе не решат проблемы с разработкой немецкого торпедоносца.

Устроит вас такой вариант, как временное решение?

- Для этих машин мне придется отнять у Люфтваффе всех низкорослых пилотов. - невесело усмехнулся Редер. - И это все равно не решит всех проблем.

- Сейчас снова будете требовать создания морской авиации неподконтрольной Люфтваффе? - Фюрер хитро прищурился, глядя на командующего Кригсмарине. - Ладно, не отвечайте, Редер. Все ваши доводы на этот счет мне известны.

- Тогда не вижу причин их повторять. - адмирал вновь пожал плечами.

- Хотел сделать вам сюрприз официальным порядком, но удержаться просто не могу.

- Гитлер извлек из ящика письменного стола бумагу, украшенную орлом со свастикой и протянул ее Редеру. - Ознакомьтесь, герр гросс-адмирал. Сегодня я подписал этот указ, еще несколько дней уйдет на прохождение его через бюрократов...

Эрих Редер аккуратно принял документ из рук Фюрера, прочитал, и с удивлением погледел на Гитлера.

- Не ожидали? - тот довольно улыбался.

- Не ожидал? - эхом отозвался глава Кригсмарине. - Это весьма и весьма слабо сказано, герр рейхсканцлер. Я надеялся убедить вас в необходимости создания нормальной морской авиации, но получить под свое начало легион "Кондор"... У меня нет слов.

- У Геринга есть. Можете хорошо пополнить свой словарный запас, если спросите - какие именно.

Бухта Эккендорф 19 декабря 1938 г., около двух часов дня - Да что ж я, как в море выйду, так непременно тонуть начинаю? - прорычал Карл, вычерпывая воду.

- Это ты срочное погружение отрабатываешь. - отозвался Вермаут, также изображающий из себя помпу.

Зимой выйти в Балтийское море на парусном ботике, не по принуждению, а так, для собственного удовольствия, могут либо самоубийцы, либо германские морские кадеты.

Что, как понял Карл, практически слова-синонимы. Вслух, конечно, говорить этого он не стал - еще не хватало чтоб за труса приняли. А потом высказывать что-то, кроме ругательств, смысла уже и не имело...

Беседа с Вермаутом, произошедшая шестнадцатого числа, имела вполне логичные последствия. Отто, парень заводной и бесшабашный, поговорил с парой ребят из их экипажа, со знакомым кадетом с третьего, выпускного, курса, и - вуаля. На девятнадцатое Геббельсу было назначено "испытание морем и парусом", как поэтично выразился Адольф-Корнелиус Пининг, тот самый старшекурсник и исполняющий обязанности капитана их богоспасаемого корыта.

"Богоспасаемое корыто" было позаимствовано все тем же Пинингом в Клубе Военно-морской регаты. Нет, он не был его членом, поскольку не являлся еще офицером (мичманские погоны кадета тут в расчет не принимались), однако же финансировался клуб из "закромов Кригсмарине", так что старшекурсники Военно-морского училища всегда могли рассчитывать на принадлежащие клубу малые суда - сугубо в целях повышения мореходной квалификации.

В море все пятеро кадетов вышли сразу после полудня - благо, в этот день занятия закончились рано. Несмотря на совсем не ранний час, утверждать, что погода их начинанию благоприятствовала, означало бы покривить душой. Еще с утра с моря на город и его окрестности напал туман, и, хотя, к двенадцати дня изрядно и рассеялся, над морем по-прежнему стояла некоторая дымка, изрядно затрудняющая обзор: уже в сотне метров опознать хоть что-то было совершенно невозможно, а в двух сотнях и разглядеть нельзя. Карл даже подумал, что на море штиль и плавание отменяется, однако же ничуть такого не бывало. Ветерок, пусть и не сильный, был, и даже свинцово-серые воды бухты вздымались в небольшом волнении. Почему ветром не уносило туман для Геббельса так и осталось тайной.

- Пряма погодная аномалия. - пробурчал он себе под нос.

Первые полчаса все было вполне нормально, если не считать, конечно, того обстоятельства, что с парусом, как выяснилось, Карл не то что управляться не умел - он его, похоже, никогда и не видал даже. Обстоятельство это вызвало несколько насмешливых, но не обидных комментариев со стороны сокурсников, после чего его дружно начали обучать хождению под парусом, да и вообще, как что тут называется, показывать. Еще через полчаса Карл из разряда "балласт" перешел в категорию "балласт который хоть что-то уже понял" и даже несколько приободрился, однако тут и ранее слабенький бриз окончательно стих, а волнение наоборот, усилилось. Не до уровня шторма, конечно, но вот на некрупную зыбь тянуло вполне.

Старенький ботик начал покряхтывать, волны, иной раз, перехлестывать через низкий борт "богоспасаемого корыта", и Пининг принял решение возвращаться.

Ничего страшного, в принципе, не происходило. Ну, подумаешь, ветра нет - есть весла. Ну, подумаешь, намочило ледяной водичкой - на веслах и согреемся. А то, что берег не

виден - так направление-то известно. Мичман поудобнее устроился у румпеля, как вдруг раздался встревоженный голос Вермаута:

- Дольф, у нас проблема. Серьезная проблема, дружище.

Проблема действительно оказалась несколько большей, чем можно было бы ожидать, и называлась она "течь". Причем нехилая такая течь - из днища ботика бил настоящий фонтанчик, стремительно наполняя суденышко соленой влагой.

- Арндт, Райс, давайте-ка на весла! - скомандовал Пининг. - Вермаут, Геббельс, что стоим? Хватаем ведра и вычерпываем воду. Карл, я сказал вычерпываем, а не затыкаем щель курткой! Или ты снова в ледяной водичке побарахтаться решил?

Думаешь амнезия пройдет? Все, навались!

Последующие события ассоциировались у Карла исключительно с мельканием ведра, заковенными ладонями и ногами - несмотря на все их с Отто усилия вода поднялась почти до середины икр, и заполненный забортной водичкой бот еле-еле двигался, готовясь вот-вот отправиться на дно.

Сколь долго это все продолжалось Карл, впоследствии, сказать бы не смог даже под угрозой расстрела. Скрипели уключины, стонали борта, а сидящий у румпеля Пининг мерным, лишенным эмоций голосом, задавал ритм гребцам. То, что лицо у него при этом было белым, словно мел, Геббельс не видел.

А Адольфу-Корнелиусу было страшно. Страшно до колик, до мороза в кончиках пальцев, страшно неимоверно, всепоглощающе, так, как никогда в жизни страшно не было. Нет, боялся он не только и не столько за себя. Даже не так. Правильнее было бы сказать, что боялся он не смерти, своей, или товарищей. Этого, конечно, тоже, но даже в минуту смертельной опасности он, как это и свойственно юности, всерьез о летальном исходе не задумывался. Потонет лодка, доберемся своим ходом, мол...

Страшило его другое - опозориться. Первый раз в жизни выйти в море в качестве капитана - пускай и такого углого суденышка - и не справиться. Вот это было бы совсем поганно. Ему даже рисовалась встреча с Богом после того, как они, все пятеро, дружно уйдут на дно.

Представлялся ему Бог, отчего-то, благообразным старцем в мундире гросс-адмирала, на троне и с трезубцем в руке. И он, маленький, промокший и промерзший перед Ним.

"Ну что, - интонации в речи воображаемого Господа были язвительными и напоминали интонации Медора, когда тот зубоскалил, отправляя кадетов в особо неприятный наряд, только выговор у Бога был отчего-то не баварский, как у обербоцмана, а силезийский, как у Редера, - обосрамлился в первом же самостоятельном плавании, голубчик? Кап-пита-а-ан... Первый после Меня, понимаешь... Вышел, не в море даже, а в лужу, где не кораблям, а лягушкам только плавать, и сразу же на дно? Хвалю! Герой! Гордость и надежда немецкого флота!

Подводного, в прямом смысле этого слова, хе-хе. Я вот для чего сына своего вам на смерть посылал? Для того, чтобы он смертью смерть поправ воскрес на третий день и стал вам Спасителем, или чтоб всякие неучи несамостоятельные и сами тонули, и первокурсников-неумех топили, да еще и казенное имущество гробили?

Уйди с глаз моих долой. Девять кругов Ада вне очереди. А стоимость бота будешь выплачивать из жалования, кадет".

На этой "оптимистической" ноте Бог почему-то исчез, зато в тумане показались очертания берега с небольшим опрятным домиком недалеко от пляжа, а порядком нахлебавшееся воды "богоспасаемое корыто" заскребло килем по днищу.

- Земля! - радостно рявкнул Пининг и истово перекрестился. - Всем покинуть судно!

И едва не подал пример, лишь в последний момент вспомнив, что капитан покидает борт тонущего корабля последним.

Выбираться из бурного моря, это, однако, не фунт изюму. То волна в спину ударит, сбивая с ног, то, откатываясь от берега, назад потащит, в пучину, а если это еще помножить на усталость и температуру воды немногим выше нуля по Цельсию, то удовольствие вы-

ходит гораздо ниже среднего. Собственно, у пятерки морских кадетов имелись все шансы окочуриться в паре десятков шагов от спасения, однако либо Бог сегодня был в хорошем настроении, либо Дьявол задремал, а этого в высшей степени неприятного события не произошло.

- Линь ловите! - раздался громкий мужской голос, и в воду, рядом с Карлом, плюхнулся кусок каната, за который он не преминул уцепиться. Когда его примеру последовал весь экипаж "богоспасаемого корыта", линь натянулся, и кадетов, словно корабли на буксире (ну, или рыбу на леске - тут уж какая кому аналогия больше по нраву) поволокли к берегу.

Вытянутые могучим рывком кадеты попадали на гальку в нескольких шагах от кромки прибоя, содрогаясь от холода.

- Отставить валяться. - прохрипел Пининг, поднимая себя с земли неимоверным усилием. - Быстро всем скинуть одежду, пока не заледенела!

- Это лучше сделать в моем доме, герр мичман. - произнес неожиданный спаситель, смаывая линь. - И чем быстрее, тем лучше для всех вас.

Париж, Елисейский дворец 19 декабря 1938 г., четверть третьего часа дня (время берлинское) - Ну, Бонне, и как вы прокомментируете вчерашнюю встречу немецкого посла в Токио и японского министра иностранных дел Мацуоки? - Эдуар Даладьё, председатель Совета Министров, министр национальной обороны и военный министр Республики испытующе глядел на министра иностранных дел, постукивая не заточенным концом карандаша по столешнице. - Как понимать действия немцев?

- Как попытку продать свой недостроенный линкор. - спокойно ответил тот. - Если вас интересует, чем это все закончится, то, скорее всего, Япония, но после долгого торга, все же приобретет "Тирпиц" для своего флота.

- Меня интересует, почему это началось. - фыркнул Даладьё. - Гитлер начал переговоры о продаже "Зейдлица" полякам, теперь собирается продавать свой лучший корабль Хирохито, и, черт возьми, я хочу знать - с какой стати?

- А это не ко мне вопрос, а к Кампинши. - Бонне кивнул в сторону министра военного флота. - Корабли, это его епархия.

- Жорж, давайте не будем валить с больной головы на здоровую. - Сезар Кампинши поморщился. - Понятное дело, что Гитлер принял новую концепцию развития флота, и что это за концепция мы вскоре поймем. Вопрос-то в ином - почему он это сделал и зачем? Он ведь так рвался пересмотреть условия Версаля в отношении флота, получил, наконец, карт-бланш от Англии, и теперь, фактически, его труды идут насмарку?

- Ну, может это не так уж и плохо? - подал голос Поль Маршандо, министр финансов. - Можем изрядно сэкономить, отложив закладку "Клемансо". (13) - Нет, он издевается?!! - возопил Даладьё, и вскочив из-за стола начал расхаживать по залу совещаний совета министров, заложив руки за спину. Если бы в этот момент на сем полноватом коротышке была одета треуголка, он бы весьма напоминал иного французского государственного деятеля, жившего несколько пораньше. - Маршандо, вы идиот! Отложить строительство "Клемансо"! Ха! Три раза "ха"! Вы что, ничего не понимаете? Все вы, господа!

Председатель Совета Министров орлиным взором окинул всех членов этого самого совета, и продолжил свою пламенную речь, не переставая носиться по залу, словно взбесившийся колобок.

- Сколько сил, сколько времени потрачено! Мы скормили Гитлеру Австрию, с потрохами сдали Чехословакию, все для чего? Для того, чтоб усилить хищника у себя под боком? Да, для этого, но не только! Почему Германия не сожрала Чехословакию целиком, как вы это мне обещали, Бонне? Почему, вместо того, чтобы выглядеть в глазах всей Европы, и, в первую очередь, Польши и СССР, агрессором, с которым не стоит иметь дел, врагом, в конце-то концов, почему Германия начинает активно налаживать с поляками и русскими контакты? Почему, я вас спрашиваю? Почему они - борцы за свои права, а мы выглядим бледно и трусовато?

И это тогда, когда цивилизованные страны борются с коммунистической заразой!

Именно в это время Советы вдруг, ничего для этого не сделав, усиливают свои позиции! Но это-то еще ничего, это ладно. Не так уж страшно. Никуда немцы не денутся, если СССР нападет на Польшу или полезет на Балканы, ввяжутся в бойню с русскими, а там и мы, может быть, поможем. Но Англия! Черт меня побери, Англия!!!

Вы забыли о ней? Это сейчас у нас союз, но так было не всегда, и не всегда же и будет. У Великобритании нет постоянных союзников, но у нее есть постоянные интересы, и интересы эти лежат, прошу заметить вас, господа, именно там, где расположены наши колонии.

- Чемберлен не посмеет ввязаться в войну. - заметил Бонне. - Вся его политика...

- Вот именно, Жорж! Его политика! А если завтра в Англии к власти придет кто-то вроде Гитлера? Из Мировой войны англичане вышли весьма ослабленными, что не может их радовать. И не надо льстить себе надеждой на их миролюбие - те, кто в этом мире не способны отстоять своего, оказываются убиты и ограблены. Англичанам даже с Италией насчет нас договариваться не обязательно - они просто заблокируют наши корабли в портах, и захватят наши владения в Африке, Азии и Америке. Вы представляете, какая это катастрофа для Франции, то, что Германия сворачивает строительство флота? Если раньше, в случае неблагоприятного развития событий, мы могли бы рассчитывать на помощь немецкого флота против англичан, то теперь что? Пшик? А вы, Поль, говорите, отложить закладку "Клемансо"... О, я знаю Гитлера - если он не строит корабли, значит делает танки. Танки, самолеты, артиллерию, боеприпасы! Как вы полагаете, господа, против кого он это все применит? Молчите? То-то же. Наша задача, чтобы он применил их против СССР. А против Балтийского флота русских, сил у немцев все же хватит. Ну, а если и не хватит, то Владычица Морей поможет. Да и мы... возможно. Так-то, господа.

Побережье бухты Экендорф 19 декабря 1938 г., половина третьего часа дня. Замотанный в одеяло Карл сидел едва ли не внутри жарко пылающего камина ипил горячий глинтвейн, любезно приготовленный фрау Мартой Оберманн, супругой их неожиданного спасителя. От тепла и алкоголя глаза слипались, и слова герра Оберманна (а тот, попыхивая трубкой, что-то рассказывал Пинингу) текли мимо сознания. -...да, славное тогда было дельце. Я как раз незадолго до Скагеррака получил чин обермаата и назначение на "Дерффлингер"...

Карл зевнул и потер глаза. Ожидаемая выволочка от начальства училища предстояла еще минимум через пару часов, а сейчас ему более всего хотелось спать. -...заорет: "Шесть кораблей на зюйд-вест, удаление семнадцать миль". Я тогда нашему штабс-боцману Крюгеру и говорю...

Карл зевнул снова, аккуратно прикрыв рот ладошкой. Что и говорить, разбор действий Флота Открытого Моря и Гранд Флита в битве пре Скагерраке кадетам еще только предстоял, так что рассказ очевидца был бы на экзамене неплохим подспорьем, но поделаться Геббельс с собой ничего не мог. "Релакс", всплыло в сознании слово, означающее его теперешнее состояние. "Отходняк".

"Где я слов-то таких понабрался? Неужто в Данциге?" - лениво подумал он. -...тогда адмирал Хиппер отдал приказ разворачивать соединение на зюйд-ост, наперерез значит...

Герр Оберманн, как нетрудно догадаться, некогда служил в кайзеровском флоте, и по сей день не потерял выправки. Впрочем, он был еще совсем не стар - где-то под пятьдесят, хотя его густые темные волосы были более чем наполовину разбавлены сединой. -...и меня, взрывной волной, да за борт. Ну, думаю, конец тебе, обермаат Оберманн. Такой вот каламбур у меня со званием и фамилией вышел, только тогда мне уж не до смеха стало...

"А, вот к чему он свистит про службу. К нашему купанию, выходит. А я-то уж грешным делом решил, старичка на ля-ля пробило, уши новые нашел... Лоханулс, бывает".

- Вот так-то, молодые люди. Подняли меня на борт миноносца англичане прямо в разгар боя, потому как война-войной, а моряк моряку всегда помочь должен.

- Это точно, спасибо вам. - поблагодарил Вернера Оберманна Эрих Райс. - Мы-то ладно, а вот Карл второго купания за одну зиму мог и не пережить.

- Второго? - изумился старый моряк. - Да это как тебя, парень, угрозило?

- А он вообще у нас знаменитость. - усмехнулся Вермаут. - О его спасении Гадовым половина газет писала.

- Что ты несешь, не было на "Антоне Шмидте" Гадова. - сонно пробормотал Геббельс.

- Ого, тот самый "данцигский рыбак"? - изумился хозяин дома. - Читал, как же.

Да только не верил - думал опять Геббельс брешет.

Морские кадеты переглянулись и дружно расхохотались.

- Чего ржете, кони... морские? - пробурчал Карл, и, ответил на невысказанный вопрос Оберманна. - Фамилия у меня... Геббельс.

К молодому задорному смеху добавился басовитый хохот Вернера.

- Ну и ну. - хлопнул он себя по ляжке. - Надо будет Марте с дочками рассказать.

- Дочкам? - Геббельс моментально оживился. - А где они?

- Да на кухне, где ж еще. Не будешь же ты в таком непотребном виде барышням представляться... непотопляемый рейхсминистр?

- Вот тебе и прозвище, дружище. - Отто согнулся от хохота. - Будешь ты теперь...

- Сидеть на гауптвахте, вместе еще с тремя охламонами. - раздался от входа в комнату до жути знакомый голос. - Кстати, здравствуй Вернер.

- Привет, Курт. - кивнул герр Оберманн Медору, бесшумно возникшему на пороге.

- Выпьешь чего?

- Не могу, дружище, я на службе. - ответил обербоцман, хищно улыбаясь. - Ну, а с вами, герр Пининг, имеет огромное желание переговорить командир училища.

Просто неземное желание, если вам интересно мое мнение на этот счет.

Лондон, Даунинг-стрит, 10 19 декабря 1938 г., три часа дня (время берлинское) - И что вы на это скажете, Невилл? - Эдвард Вуд, лорд Галифакс вопросительно поглядел на хозяина кабинета, седовласого представительного джентльмена с породистым, хотя и чуточку одутловатым (годы и болезнь давали знать свое) лицом.

- Скажу, что это самая дешевая победа британского флота в истории. - ответил Артур Невилл Чемберлен, Премьер-министр Соединенного Королевства.

- Сдается мне, это заставит поумолкнуть партию виги, а?

- На какое-то время - да. Хотя очень скоро они начнут кричать, что немцы вооружают Японию, что это-де угроза нашим колониям, что мы должны защитить свои интересы на востоке, развязав войну на западе, ну или, хотя бы, ни в коем случае не дать новейшему германскому линкору добраться до Японии. Черчилль не преминет вспомнить историю с прорывом двух немецких крейсеров, в Турцию перед самым началом Мировой войны и провести аналогии, а его вес, несмотря на то, что он отошел от дел, довольно велик.

- Может быть, стоит ему напомнить, что именно он за успешный прорыв "Гебена" с "Бреслау" и отвечал, э? - лорд Галифакс изогнул бровь.

- Не стоит. - покачал головой Чемберлен. - Кто старое помянет - тому глаз вон. Ответь лучше, есть какая-то реакция от СССР и США?

- А как же. - Вуд усмехнулся. - Сталин хранит подчеркнутое молчание, Рузвельта грозят разорвать в Конгрессе на тысячу маленьких Президентов. Так каковы же будут наши действия?

- А никаковы. Как я понимаю, Гитлер решил, что зона интересов его флота не выходит за пределы Балтийского моря, что наводит на интересную мысль. И, если я прав, то все пока идет так, как и надо нам. Вот пусть и идет.

Киль, Военно-морское училище 19 декабря 1938 г., пять часов вечера - Потрясающая глупость и безрассудство, господи. Просто потрясающая.

Командир роты, штабскапитанлейтенант Вернер-Отто фон Шпильберг прохаживался перед четырьмя вытянувшимися по стойке "смирно" кадетами, заложив руки за спину, и не глядя на проштрафившихся Арндта, Райса, Геббельса и Вермаута. Впрочем, выдержке офицера-воспитателя надо было отдать должное: голос его оставался ровным и не выражал никаких эмоций по поводу инцидента, а шаги были размеренными и неторопливыми.

Обербоцман Медор, доставивший оконфузившихся юношей на автомобиле командира училища скучал в уголке, терпеливо дожидаясь своей очереди сказать пару "ласковых" слов.

- Кто-то из вас является настолько опытным моряком, что не боится быть застигнутым волнением моря на утлом суденышке? Самонадеянно, господа. Особенно с вашей стороны, Геббельс. Особенно с вашей. Вы все могли погибнуть, но если это-то вас может и не волновать - в конце концов, сохранность ваших глупых голов кажется вам вашим личным делом, - то подумайте о другом. Родина взяла на себя труд выучить вас, сделать офицерами, она тратит огромные суммы на ваше воспитание, она выбрала вас, в обход, быть может, не менее талантливых и подходящих для ношения формы молодых людей. Да не менее, а более, если учесть сегодняшнюю вашу выходку, господа. В ответ страна требует от вас только прилежания и дисциплины, и так-то вы отплатили Германии за заботу? За данный вам шанс войти в элиту общества - число офицеров Кригсмарине? Стыдно, стыдно господа. Взять увольнение только для того чтобы утопить казенное плавсредство...

Господа, над нами же смеяться будут. Да любой паршивый лягушатник теперь может заявить, что немецкие подводники умеют топить только свои суда, да при этом терпеть бедствие сами. Я не желаю знать, чья это была идея, хотя и догадываюсь по вашему виноватому виду, Вермаут. Однако, старшим по званию в вашей команде самотопов был Пининг, и основную тяжесть наказания понесет он. Подумайте о том, как вы подвели своего старшего товарища, а также о том, достойно ли такое поведение будущих офицеров. Кто-то хочет что-то ответить в свое оправдание? Нет?

Я так и полагал. Что ж, сейчас отправляйтесь в лазарет, а как только флотильенарцт Кугель вас оттуда выпустит, проследуете на гауптвахту. Я налагаю на вас трое суток ареста. Все, господа, не смею вас задерживать.

- Зверь. - выдохнул едва сдерживающий слезы Йоган Арндт, когда за их спинами затворилась дверь кабинета. - Вылюбил и высушил.

Сам же штабскапитанлейтенант, проводив их задумчивым взглядом, повернулся к Медору.

- Что думаешь? - спросил он.

- Держались неплохо, да и лоханку свою дотащили до берега, хотя как они это сделали я ума не приложу. Немного подтянуть дисциплину, и получатся хорошие офицеры. Лихие и бесстрашные. Будет кому флот передать.

- Согласен. - задумчиво произнес фон Шпильберг. - Пригляди за ними.

- А с Пинингом что?

- А что с Пинингом? Получит пару недель ареста, может научиться думать, когда корабль для морской прогулки выбирает. - пожал плечами ротный.

Вашингтон D.C., Белый дом 19 декабря 1938 г., около одиннадцати утра (время местное) - Эти мне японцы... - пробурчал сенатор Джеймс Фрэнсис Бирнс, помешивая чай в чашке. Чай был выше всяких похвал, однако ожидать чего-то иного в овальном кабинете было бы, по меньшей мере, глупо. - Эти желтые макаки готовы из кожи вон вылезти, лишь бы доставить неприятности белому джентльмену. Посол Отт тоже хорош - поперся к Мацу... как там эту обезьяну, Корди?

- Мацуока. - Госсекретарь Корделл Халл вежливо улыбнулся и отхлебнул глоток из своей чашки.

- Вот я о чем и говорю. - фыркнул сенатор от Южной Каролины. - Что ему стоило отправиться к нему сегодня, в понедельник? Я и так почти не отдыхаю, а тут меня будят посреди ночи, вываливают на голову этакий ушат помоев, а поделать я ничего не могу, потому что один сенатор - на рыбалке и будет только утром, второй в загородном особняке без телефона, третий вовсе у любовницы...

- Не надо прибедняться Джеймс. - Франклин Делано Рузвельт укоризненно покачал головой. - Ты сделал очень много.

- Но недостаточно. - отрезал Бирнс. - Конгресс требует твой скальп, и если ты согласишься эту сделку, то он его получит.

Рузвельт провел ладонью левой руки по виску и невесело усмехнулся.

- Незавидная, прямо скажем, добыча. Вот лет тому назад так десять...

- Ты еще не был президентом. - заметил сенатор. - Джентльмены, шутки в сторону, с этим чертовым линкором надо что-то делать.

- Вообще-то Галифакс связался со мной через посла. - заметил Халл, аккуратно ставя чашку на журнальный столик. - Англичане пришли к выводу, что Гитлер решил ограничить зону своих военно-морских интересов Балтикой, а это может означать только одно. Он готовится воевать с Советами.

- Сначала ему придется сожрать Польшу, французы ввяжутся в драку с немцами за своих союзников, англичанам придется им помогать, и в результате что? Большая война в Европе? - поинтересовался Бирнс.

- Вовсе не обязательно, Джейми. - покачал головой Госсекретарь. - Вовсе необязательно. Ты когда ни будь интересовался, какие Польша имеет территориальные претензии к СССР?

- На кой черт мне сдались эти... А что, большие?

- Ну... Где-то с треть Польши, если не с половину.

- Хо-хо, а у Мощицкого губа не дура! - хохотнул сенатор. - А все же жаль.

Немцы и поляки на пару русских сожрут и не поморщатся, так что большой войны не выйдет. А как можно было бы нажиться на поставках...

- А еще нам придется вдвое, если не больше увеличить китайцам поставки по бросовым ценам, потому что из СССР они технику получать перестанут сразу, и это для нас не очень-то хорошо. Казна пуста, черт бы подрал идиота Гувера, а дать япошкам вылезти из китайской трясины нельзя - сразу же начнут искать новый кусок пирога, который можно урвать. - поморщился Президент.

- Брось, ну увеличим немного поставки. - усмехнулся Бирнс. - Какую там технику Советам могли китаезам поставлять?

- Да ты знаешь, не самую плохую, судя по докладам. - отметил Президент, и отпил глоток уже порядком остывшего чая. - Даже хорошую.

- Франк, не смейся, у меня больная спина. - фыркнул сенатор. - Да они даже не знают, как сделать танк! Один слизали у французов, второй украли у нас.

- С той поры они его неплохо усовершенствовали.

- Кто? Эти дикари? Эти татары?

- Ну, не все же там татары. - отметил Халл.

- Да. - неожиданно легко согласился Бирнс. - Не все. Главный у них - грузин.

- Джентльмены, мы отвлеклись. - произнес Рузвельт, когда все трое отсмеялись.

- Усилить Японию новым линкором крайне нежелательно. Она давно вышла из Морского договора и теперь пытается догнать нас на море. Успешно пытается. И чем дольше они провозятся в Китае, тем лучше для нас - экономика начинает оживать, новые корабли строятся, безработица падает...

- Ну пусть кто ни будь другой "Тирпиц" купит, что ли. - развел руками сенатор.

- Бразилия какая ни будь.

- На какие миллионы? - поинтересовался Халл. - Или вы готовы выбить в Конгрессе для нее кредит?

- Ну... Ну, не знаю. Мы тоже не потянем.

- И если начнем мешать этой сделке открыто, нас не поймут ни в Англии, ни в Германии, ни в Японии. - печально заметил Рузвельт. - Если бы договориться с гэнро Киммоти, он сторонник дружбы между Японией и США, но он уже слишком стар, а князь Коноэ нынче в силе... Нет, боюсь что ничего не выйдет, хотя пробовать надо.

- Ну, корабль, насколько я знаю, еще даже не спущен на воду. - произнес Госсекретарь Халл, и улыбнулся.

- Ты имеешь в виду?... - приподнял бровь Бирнс.

- Именно. - ответил Халл. - Совершенно верно господин сенатор, сэр. Ты совершенно точно угадал мои мысли. Необходимо сделать так, чтобы Германии самой нужно было это корыто. И нужно как воздух!

- Хм. - произнес Рузвельт. - Тогда война Гитлера и Сталина вдвойне не в наших интересах. Пускай лучше *tovarishi* помогают нам держать японцев в Китае, а Германия воюет... да, пожалуй - с Францией. Собирайся, друг мой, ты летишь в Берлин. Нам давно нужно было э-э-э-э пригласить их офицеров к нам на учебу, в рамках обмена опытом.

- Думаешь, они клюнут на приманку? - хмуро спросил Бирнс.

- Ну конечно. - Президент радушно улыбнулся своему соратнику. - Они тщатся доказать первенство германской нации над остальными, хотя любому дураку понятно, что первое место Богом предназначено для нас, англосаксов. (13) Где-то в Германии, Лаборатория 116 23 декабря 1938 года, около пятнадцати часов дня Иногда бывают секреты, которых простым смертным лучше не знать - целее будут.

Государственная тайна к таким вот, неприятным во всех отношениях секретам, безусловно относится, отчего местоположение объекта, носящего скромное название "Лаборатория 116" знало весьма и весьма ограниченное число людей.

Руководил лабораторией (под присмотром чина из СС, разумеется, но ведь мы все взрослые люди, геноссе, мы понимаем, что такое режим секретности) некто профессор Эрвин Шульц. Человек он был небесталанный, одаренный даже, однако в личной жизни глубоко несчастный. Супруга его, Марта, в девичестве Реттих, полностью оправдала свою фамилию, (15) бросив бедолагу профессора десять лет назад, всего через год после свадьбы, ради молоденького аспиранта-еврея. Можно ли представить, насколько идеи национал-социализма сразу стали близки бедняге Шульцу?

Впрочем, пугаться не стоит - профессор занимался вовсе не медициной, так что людей он если и мучил, то исключительно своих подчиненных и то во имя работы и в силу взрывного темперамента, который недруги именовали мерзким характером.

Занимался Шульц радиоэлектроникой... в некотором роде.

Будучи ученым, исследователем, он изучал радио и электромагнитные волны, что, согласитесь, совершенно невозможно без знания устройства приборов, их самостоятельного совершенствования под личные нужды, а то и вовсе - собирания по винтику и проводочку.

Как и при каких обстоятельствах он познакомился с Гиммлером истории неизвестно.

Достоверно установлено только то, что случилось это еще до прихода НСДАП к власти, и что при упоминании имени профессора рейхсфюрер морщился и тер левую скулу.

Впрочем, таинственные обстоятельства знакомства ничуть не помешали Гиммлеру, когда оказалось необходимо организовать лабораторию по изучению радиоэлектронных приборов из будущего, вспомнить о Шульце, и охарактеризовать его Фюреру как "человека не привыкшего сносить насмешки... хм... судьбы с христианским смирением, отступить перед... гм... трудностями, а также, безусловно, склонного к нестандартному подходу... кхе-кхе... в научных изысканиях, и, несомненно заслуживающего... ммм... высочайшего доверия". Правда, некоторые данные указывают на участие в назначении профессора и Германа Геринга, который во время беседы Фюрера с Гиммлером и Шульцем, ошивался в приемной Гитлера с наидовольнейшим выражением лица. Будучи принят следующим, он вышел от рейхсканцлера ровно через семь минут, под громкий хохот вождя германского народа.

Как бы то ни было, мобильник и MP3-плеер были переданы на изучение в "Лабораторию 116", и теперь всемогущий рейхсфюрер СС прибыл проверить результаты. Ими, надо прямо сказать, он остался крайне недоволен.

- Это немыслимо, непостижимо геноссе Шульц! - кипятился он, поблескивая стеклами своих очков и надувая и без того пухлые щеки. - Проклятье, да это же саботаж! Мы доверили вам новейшую лабораторию с самым точным и совершенным оборудованием, и что? Что я вижу?

- А что вы видите? - Эрвин Шульц долготерпением тоже не отличался и начал заводить-ся "с полоборота".

- А ничего не вижу! Результата нет! Нет, нет и нет результата!

- Как нет? Мы уже изготовили опытный образец радиостанции на десять процентов меньше и легче существующих аналогов, к тому же более надежную. - повысил тон профессор.

- Это не результат! С этим справится и инженер-кустарь! Самоучка справится!

- Я неоднократно требовал более совершенное оборудование, мне его не хватает. - про-рычал Шульц.

- Каких именно приборов вам не хватает? Вам мозгов не хватает!!! Оглянитесь - все са-мое совершенное оборудование для изучения вокруг вас.

- Оно недостаточно совершенное!

- Так изобретите подходящее!

- А я чем весь этот месяц занимался?! - взревел профессор.

- Херней! - энергично заявил рейхсфюрер, рейхсляйтер и т.д, и т.п. - Эти технологии обошли нас на какие-то шестьдесят лет.

- А у меня их не было, этих лет! - громыхнул кулаком по столу Шульц. - У меня был жалкий поганый месяц на то, чтобы понять как эти штуки вообще работают!

Окружающие, и из свиты Гиммлера, и из сотрудников лаборатории, взирали на эту кар-тину с тихим ужасом, а вот Гиммлер вдруг успокоился, снял очки, протер, вновь нацепил их на нос, и заговорил уже иным, совершенно спокойным тоном.

- Резонно. Так говорите, новый образец рации?

- Испытываем. - буркнул Шульц, которого все еще подмывало гаркнуть на посетителя. - В приборах было несколько оригинальных технических решений, обкатываем. Через год-два сможем уменьшить рации в полтора-два раза, а вот про надежность сказать сложнее. А персональные рации-телефоны ждите не ранее чем лет через десять, и то - если повезет.

- Понятно. Есть продвижения в иных областях?

- Негусто. - честно сознался Шульц. - Пока только теоретическая часть, но...

Он развел руками.

- Вечно с вами, учеными, так. - вздохнул Гиммлер, чем вновь заставил вспыхнуть про-фессора. - Говорите, что вам нужно в первую очередь. Попробуем через другие лаборато-рии изготовить. От первостепенных задач, между прочим, отвлечь.

- Во-первых, микроскопы, которые смогут разглядеть схемы артефактов, а во-вторых, паяльники тоньше человеческого волоска. Сможете достать, партайгеноссе? - голос Шуль-ца прямо-таки лучился ехидством.

- Паяльники обещать не стану, а вот насчет более совершенных микроскопов - постара-юсь помочь. Честь имею.

Киль, Военно-морское училище 24 декабря 1938 г., пять часов вечера - Слушай, Карл, а ты куда собираешься на зимние каникулы? - Йоган Арндт оторвался от мытья полов и посмотрел на Геббельса. - Пара дней до отпуска осталась.

Заболеть после спасения с "богоспасаемого корыта" никто из них не заболел - спасибо заботе герра Оберманна и его домочадцев, - однако ж по освобождению с гауптвахты всем четверым (отчего бы это?) начали доставаться самые грязные и неприятные наряды, при-чем гораздо чаще, чем раньше. Конкретно сейчас Йоган и Карл надраивали полы в длин-нящем коридоре в хозчасти. Эта часть училища отапливалась чисто номинально, так что парни согревались ускоренным выполнением наряда, а вода в ведрах не сильно отлича-лась по температуре от той, в которой не столь давно умудрились искупаться пятеро морс-ких кадетов.

- Не знаю... - Карл-Вильгельм тоже оторвался от работы и растерянно поглядел на при-ятеля. - К тетке, наверное.

- Ку-уда? - хохотнул Йоган. - В Данциг? Это кто ж тебя туда, в иностранное-то государ-ство, будущего-то офицера и хранителя жуууутких военных тайн о способах утопления

кораблей в бухте Эккендорф пустит? Тебе ж припишут дезертирство и переход на сторону врага.

- Данциг нам не враг. - наставительным тоном произнес Карл. - Мой однофамилец утверждает...

Тут парни не выдержали и оба расхохотались - "родство" Карла с министром моментально стало темой для шуток всего училища.

- Слушай, ну зачем тебе к тетке? - спросил Арндт, когда оба они отсмеялись. - Ты ее и не помнишь же. Да и она тебе, ни в госпиталь, ни сюда ни разу письма не прислала, ты ж рассказывал.

- Ну а куда я поеду? - погрузился Геббельс. - Буду, значит, в экипаже околачиваться. Не турнут же меня на улицу?

- Турнуть конечно не турнут. - согласился Йоган. - Но и веселого мало.

- Не трави ты душу. - нахмурился Карл, вновь берясь за швабру, которую успел прислонить к стене.

- Эй, приятель, ты чего? - возмутился Арндт. - Я тебя к себе в гости позвать хотел.

Амнезирующий пришелец из будущего недоуменно воззрился на приятеля.

- Поехали, говорю тебе. - горячо начал убеждать тот. - Я тебя с кузиной познакомлю.

- Да ну тебя. - вспыхнул Карл.

- Ой-ой-ой, вы глядите какой образец целомудрия, покраснел-то как. - снова расхохотался Йоган. - А кто с дочками герра Оберманна, в одном пледе на голое тело, собирался знакомиться, Отто что ли?

- Иди в пень. - пробурчал окончательно смутившийся юноша. - Если я этого не помню, значит этого не было. А я не помню!

Последнюю фразу он прорычал жутким голосом, в котором Арндт, если бы видел этот фильм, легко опознал бы Чужого из одноименной ленты.

- Ну ладно, ладно! Ты - образец порядочности и настоящий офицер. - Йоган демонстрировал белоснежную, но до жути ехидную улыбку. - Слушай, поехали. Ну?

- Да неудобно как-то...

- Неудобно целоваться с девушкой, стоя на потолке - то у тебя фуражка свалится, то у нее подол задерется. - назидательно произнес Арндт.

- Ты б хоть родителей сначала спросил. - буркнул Карл. - Может им это не понравится?

- Слушай, ты прям дикий какой-то. С какого черта им это должно не понравиться?

Приехал сын на побывку, с другом... Не понимаю я тебя, честное слово.

- Ну ладно, ладно! Хватит меня уже тут опускать.

- Куда? - опешил Йоган.

- Ниже плинтуса. - охотно пояснил Геббельс.

Пару мгновений друг недоуменно смотрел на него, а потом расхохотался, да так, что едва не сполз по стенке на пол.

- Ну ты притягиватель. - простонал он. - То нормально говоришь, то ляпнешь такое... Надо будет запомнить это выражение. Надо же: "Опушу ниже плинтуса"! Ой, не могу, я сейчас уписаюсь.

- Мыть сам будешь. - сказал Карл и тоже захохотал. Больно уж заразительно умел смеяться Йоган.

- Ну все, решили? Едешь? - спросил Арндт, когда приступ хохота наконец отпустил обоих.

- Да от тебя разве отвяжешься? - хмыкнул Геббельс. - Кстати, я давно тебя хотел спросить - ты откуда? Я твой выговор определить не могу.

- У-у-у-у. - протянул Йоган. - Тебе интересно куда мы едем, или где я родился?

- Э... Ну, и то, и другое.

- Едем мы в берлинские окрестности. - парень выдержал поистине театральную паузу.

- Ну не томи же, дружище. - укоризненно сказал Карл.

- Из Испании. Правда мы уже девять лет как вернулись на родину отца. А мама - она испанка.

- Етишкин кот, так это у тебя кожа смугловатая? А я-то думал ты летом на каком-то курорте так обзагорался!

Йоган возвел очи горе, попытался придать своей хитрой мордашке невинное выражение (от чего она стала еще хитрее) и ангельским голосочком - ну прямо херувим, или певчий из церковного хора сказал:

- Клянись что никому не скажешь.

- Ты еще где-то рождался? Все! Все, клянусь, иначе прямо тут помру от любопытства, и мой холодный труп будет на твоей совести, которой у тебя нету!

- Ну-у-у, понимаешь, матушка в свое время обещала назвать первенца в честь своих дедушек, а папа не смог ей воспротивиться, так что мое полное имя - Йоган-Мигель-Альба-но Арндт.

Йоган перевел взгляд на ошалелое лицо Карла и прыснул.

- Держу пари - мама будет называть тебя "Карлитто".

Москва, Кремль 27 декабря 1938 г., одиннадцать часов утра (время берлинское) - Ви предполагаете, товарищ Кузнецов, что Гитлер опять перехитрил всех, и даже товарища Сталина? - хитро глядя на Наркома ВМФ спросил Вождь. - Вот, например, и товарищ Ворошилов, и товарищ Берия считают, что последние шаги Германии с абсолютной точностью говорят о том, что Германия собирается нападать либо на Польшу, либо на нее и Советский Союз.

- Либо - вместе с ней. - негромко произнес Берия.

- Спасибо, Лаврентий. Такой вариант тоже вполне возможен. - Сталин продолжал глядеть на адмирала. - Что же вы молчите?

- При всем моем уважении к товарищам, - твердо произнес Кузнецов, - Лаврентий Павлович не моряк, а Клименту Ефремовичу стоило бы вспомнить уроки франко-прусской войны. В тот раз мощнейший броненосный флот Франции полностью блокировал порты пруссаков, что не помешало французам блестяще капитулировать в самые сжатые сроки.

- Товарищу Кузнецову тоже следовало бы припомнить уроки войны, причем достаточно недавней. - нахмурился Берия. - Далеко ли в Империалистическую немцы прошли во Франции, даже и без блокады с моря?

- А вот тут ты, Лаврентий, не прав. - крикнул Ворошилов. - Если б Николашка не загнал на убой в Восточную Пруссию две наши армии, сожрали б лягушатников, вмести с ихними лапками. Правда, после этого взялись бы уже за нас.

- И вы, товарищ Кузнецов, предполагаете скорое вторжение Гитлера во Францию? - Сталин начал забивать трубку табаком.

- Совершенно не обязательно. - ответил нарком ВМФ. - В случае планируемой войны с Англией, Германии будет достаточно перейти к рейдерской войне надводными и подводными судами. Линкоры и линейные крейсера для ведения рейдерской войны непозволительно дорогая роскошь, хотя, в случае столкновения с тяжелыми кораблями противника уцелеть шансов у них неизмеримо больше. К тому же Германия уже обладает надводным флотом, способным потягаться с французами или уничтожить любой из флотов Балтийского моря в эскадренном бою, а также дружескими отношения с Италией. Таким образом я предполагаю, что в ближайшее время Германия начнет строительство подводных лодок и рейдерских кораблей, а для высвобождения верфей и ресурсов пытается сбывать ненужные и затратные при строительстве тяжелые надводные корабли третьим странам.

- Значит вы предполагаете, что линкоры и линейные крейсера устарели как класс? - Сталин раскурил трубку.

- Никак нет, Иосиф Виссарионович. Я полагаю, что Гитлер не собирается соревноваться с англичанами в крупных боевых кораблях, повторяя ошибку кайзера, а приступит, в случае войны с ней, к морской блокаде и неограниченной подводной войне. Проще говоря - будет пиратствовать, пока не перетопит все их транспорты.

- Тогда я правильно понимаю - вы полагаете, что нападение Германии на Польшу или Советский Союз исключено?

- Я, как военный человек, никогда не исключаю ничего нападения на мою Родину и разрабатываю соответствующие планы для обороны и наступления. - уклонился от прямого ответа адмирал. - Но в случае войны с Германией флоту останется только сражаться и погибнуть.

- Вот как... - Сталин сделал две короткие затяжки. - Мне понятна ваша позиция, товарищ Кузнецов, садитесь. Есть мнение, что советскому народу немецкий линкор гораздо нужнее, чем народу японскому. Просто необходим. Товарищ Литвинов, передайте послу фон дер Шуленбургу, что советское правительство будет радо принять господина Риббентропа в Москве. А вы, товарищ Кузнецов, разработайте пожалуйста план развития подводного и противолодочного флота СССР. Я... - Вождь пару секунд попытался трубой - ...полистаю на досуге.

Шарлоттенбург, Зесенер-штрассе, 15 30 декабря 1938 г., без пяти два дня - Ансельм, старина! - отец Йогана обнялся с вошедшим моряком, лицо которого отчего-то показалось Карлу знакомым. Он поклясться мог, что никогда его не встречал, но ощущение знакомства с этим высоким сухопарым мужчиной с темными волосами никак не желало его покидать. - Вырвался все же, морская душа! Ого, уже капитан цур Зее? Поздравляю. За какие тебя прегрешения раньше срока повысили?

- За безупречную службу Германии, конечно. - весело ответил мужчина, высвобождаясь из объятий. - Где у тебя тут вешалка?

- Дядя Анс... - рванулся было навстречу гостю Йоган, но резко замер, одернул парадную форму морского кадета, и отдал честь согласно устава. - Здравия желаю, герр капитан цур Зее.

- Здравия желаю, кадет Арндт. - мужчина с легкой добродушной усмешкой козырнул в ответ.

- Герр капитан, разрешите вам представить моего друга и однокашника. - сказал он не выходя из позы "стойка-смирррна-говорю-с-начальством".

- Разрешаю. - улыбнулся капитан цур Зее.

Стоявший в дверном проеме ведущем в гостиную, а потому ранее незамеченный вновь прибывшим Карл, сделал несколько уставных шагов вперед, щелкнул каблуками и лихо козырнул.

- Морской кадет Карл-Вильгельм Геббельс, честь имею представиться.

Лицо мужчины приняло растерянное выражение. Он вяло отдал честь младшему по званию, и как-то сдавленно произнес.

- Капитан цур Зее Ансельм Борг. Вольно, кадеты.

- Красавцы, а? - Арндт-старший хлопнул Борга по плечу. - Орлы!

- Что? А, да, конечно. Прости, голова закружилась. - капитан помотал головой.

- Так где, ты говорил у тебя вешалка?

Парни прибыли в Берлин нынче же днем, полуденным поездом, с корабля на бал в прямом смысле слова. Если считать кораблем училище, разумеется.

Погода в германской столице стояла мерзопакостнейшая. Стеной валил мелкий сухой снег, столбик термометров уверенно стремился к абсолютному нулю, а пронизывающий ветер бросал снег в лицо и ледяными пальцами пробирался под одежду, выстуживая даже самые горячие души.

- Наверное, зря я сообщил домой, что приезжаю завтра утром. - Йоган поежился.

- Наверное. - согласился Карл. - А, кстати, зачем?

- Да дурь в голову ударила. - невесело усмехнулся Арндт. - Решил продемонстрировать какой я взрослый и самостоятельный, а то надоела эта опека.

Он скривился, и тонким голоском произнес:

- Мигелито, одень шарф, на улице холодно. И не гуляй долго, я волнуюсь.

- Обо мне бы кто так позаботился. - пробурчал Геббельс, придерживая левой рукой поднятый воротник.

- Мндя уж. - вздохнул его приятель. - А могли бы на машине добраться. Дурак я, дурак...

- Погляди на это с другой стороны. Сделаешь родне приятный сюрприз.

- Тоже верно. - вздохнул Йоган. - Ну что, пошли?

Автобусы, к счастью, ходили невзирая на погоду, так что где-то через час парни уже были на месте. Увидав вполне себе немаленький двухэтажный особняк в центральной части Шарлоттенбурга, Карл покосился на приятеля и мрачно спросил:

- А твой отец, он вообще - кто? Лучше подумай, прежде чем отвечать, потому что если он окажется каким-нибудь генералом, и я буду вынужден все время отпуска ходить по стойке "смирно" и строевым шагом, то в жизни тебе этого не прощу.

- Военные в друзьях у него водятся, и в немалых чинах. - хитро прищурился Йоган, глядя на стремительно мрачающего Геббельса вздохнул, и серьезным тоном добавил. - Ладно, не кисни, а то у всех соседей молоко свернется. Инженер он. Один из ведущих инженеров Фердинанда Порше. Танки зубилом клепают.

- Зубилом? - изумился Карл. - Это как?

Арндт расхохотался.

- Пойдем. - подтолкнул товарища он. - Папа сам тебе все расскажет, зуб даю.

- Вот ты в кого такой словоохотливый. - пробормотал Геббельс, двигаясь к двери.

На стук дверь открыла пожилая горничная, смуглая, с иссиня черными волосами.

Увидав Йогана она просто-таки просияла:

- Молодой синьор приехал! - воскликнула женщина. - Мадонна, да проходите же быстрее, такая погода на улице! Не хватало еще, чтоб вы простыли.

- Здравствуй, Мануэла. - Йоган улыбнулся и обнял горничную. - Я тоже по тебе соскучился.

- Пойду, доложу синьоре, она обрадуется. - женщина явно смутилась столь вольным поведением хозяина.

- Ага. - ответил Арндт. - Карл, ты так и будешь стоять столбом на пороге?

Давай, скидывай шинель, а то она сохраняет под собой только уличный мороз.

Вешалка слева от тебя.

Покуда парни снимали верхнюю одежду и обметали с сапог снег (сухой - не сухой, а налипло его на ноги прилично), Мануэла мухой успела сгонять к хозяйке дома, и та появилась на лестнице, ведущей на второй этаж, именно в тот момент, когда молодые люди взялись за свои дорожные чемоданчики.

Матушка Йогана оказалась женщиной достаточно высокой и статной, с горделиво посаженной головой, и теми хищными, но в то же время мягкими и чисто женскими чертами лица, которые характерны для женщин из благородных семейств Кастилии.

Как и у большинства испанцев, многовековое владычество мавров на Пиринеях сказалось на цвете ее кожи, а вот три беременности (Йоган упоминал, что у него есть сестра и брат) на ее фигуре никак не отразились. "Алая роза в летнем саду ночью", пришло в голову Карла поэтическое сравнение. Было в этой женщине что-то жаркое, неистовое, необузданное даже, прикрытое внешней красотой, как лицо маской на венецианском карнавале.

- Мигелито, я с ума сойду с тобой! - воскликнула она, стремительно спускаясь к кадетам. - Ну почему ты не сказал, что приезжаешь сегодня? Отец бы вас встретил, а так - эта ужасная погода! Как вы добились?

Оказавшись рядом с сыном женщина заключила его в объятия.

- Пустое, мама. Нормально мы добились, на автобусе. - Йоган чмокнул мать в щеку и аккуратно освободился из объятий. - Познакомься с моим другом, Карлом Геббельсом. Карл, это моя мать, фрау Анна Арндт, в девичестве Сильва-и-Тахо, хотя она предпочитает обращение "донья Анна".

- Ах, Карлито, я так рада что ты приехал. - на сей раз настал черед Геббельса оказаться в объятьях. Он даже не успел вымолвить ни одной приличествующей случаю фразы. Йоган ухмыльнулся, как бы наглядно демонстрирую невысказанное: "А я говорил - именно так она тебя и будет звать". - Я так рада, что Мигель подружился со столь достойным юношей, как ты.

- Мама... - страдальчески вздохнул Йоган и закатил глаза.

- А что такого? - удивилась донья Анна. - Я действительно рада.

И, повернувшись к Карлу, который также успел выбраться из дружелюбных объятий фрау Арндт, добавила:

- Мигелито много писал о тебе и твоих приключениях. Знаешь, у него никогда не было настоящих друзей...

- Мама! - Йоган повысил голос.

- Все, все умолкаю. - улыбнулась донья Анна. - Мальчики, время - почти четверть второго. Быстрее переодевайтесь к обеду.

- О, шайзе! Как я мог забыть? - простонал ее сын.

- Что за выражения, молодой человек? - нахмурилась фрау Арндт. - Йоган-Мигель-Альбано Арндт, если вы позволите себе такое в приличном обществе, то опозорите и себя, и вашего отца, и свою форму.

- Прости, мама. - смутился Йоган.

- Все, время. Время, молодые люди. Гости начнут собираться через полчаса.

Мануэла, покажи нашему гостю его комнату.

- Мам, я сам покажу. - поморщился как от зубной боли Йоган.

- Ну вот. - печально вздохнула донья Анна. - Дети вырастают, и родительской заботе в их жизни места не остается. Идите, молодые люди. Время поджидает.

Карлито, мой сын покажет тебе твою комнату.

- Что за обед такой? - вполголоса поинтересовался Карл, когда молодые люди двинулись по лестнице.

- Склероз мой - враг мой. - прорычал Йоган. - Отец каждый год, тридцатого декабря, собирает своих друзей на торжественный обед. Чиновники, военные в звании от штабс-капитана, ученые. Все с женами и детьми.

Юноша поморщился.

- Готовься, будет очередная ярмарка невест. И, извини, надо быть в парадной форме и ходить по стойке "смирно". - Йоган виновато посмотрел на приятеля. - Погляди на это с другой стороны. Заведешь кучу полезных знакомств.

- И надолго это?

- На весь вечер.

- Спасибо тебе. - с чувством произнес Карл. - Век тебе это помнить буду...

Мигелито.

Йоган зарычал.

- Не называй меня так.

- Как скажешь, Ми... милый друг. - с невинным выражением лица произнес Геббельс.

- Вот, скотина какая. - улыбнулся Йоган. - Входи, это твоя комната.

Он толкнул одну из дверей.

- Ванная в конце коридора, туалет - в противоположном конце. Давай, переодевайся. Нас ждут - Йоган страдальчески возвел очи горе - почтенные матери семейств, дочери почтенных матерей и их совместные матримониальные планы.

Парадная форма морского кадета была аккуратно сложена в чемоданчик так, чтобы ее не нужно было гладить. Карл повесил ее "отвисать" на плечики, быстро сменил белье, мысленно посетовал на то, что душ принять уже не успевает, начистил до зеркального блеска сапоги, и скоренько побрился. Не то, чтобы у него на подбородке что-то особенно густо росло, но, как говаривает обербоцман Медор, "хрен с ней, с пробоиной, но порядок на корабле должен быть".

Припарадившись, Геббельс спустился в гостиную, где Йоган, также облаченный в парадную униформу, разговаривал со среднего роста, слегка полноватым огненно-рыжим мужчиной с изумрудно-зелеными, как и у Йогана, глазами и аккуратной бородкой. Из радиолы негромко доносились звуки "Über die Hugel und Weit weg" недавно появившегося, но уже завоевавшего бешеную популярность ансамбля Nachtwunsch, основанного оперными певцом и певицей. Карл как-то не особо интересовался музыкой (по крайней мере - после того, как оказался в Киле. Там на это просто не хватало времени), однако мелодия показалась ему смутно знакомой.

- Отец, позволь тебе представить моего друга. - сказал Йоган, едва Карл переступил порог. - Карл Геббельс, я писал вам с мамой о нем. Карл, это мой отец, Дитмар Арндт.

Мужчина поднялся, и сделал несколько шагов навстречу Карлу, протягивая руку для рукопожатия. У губ герра Арндта и в уголках глаз пролегли характерные морщинки, часто встречающиеся у людей которые много смеются и улыбаются.

- Очень рад, молодой человек. - голос у йоганова папеньки был глубокий, басовитый, "с трещинкой", а рукопожатие крепким. - Присаживайтесь. Мой старший сын уже рассказал вам о приеме?

- Э-э-э... В общих чертах, герр Арндт.

Дитмар улыбнулся, и указал рукой на кресло.

- Присаживайтесь, юноша. Сигару?

- Спасибо, нет. - покачал головой Карл. - Курить вредно.

- В самом деле? - удивился хозяин дома. - Никогда об этом не слышал.

- А ты попробуй закурить на субмарине - и не такое услышишь. - рассмеялся Йоган.

- Ах да, и впрямь, постоянно забываю, что мой сын решил быть моряком, который не видит моря. - глаза герра Дитмара смеялись. - А я, пожалуй, выкурю одну.

Он открыл хьюмидор на журнальном столике, извлек оттуда средних размеров сигару, откусил кончик специальными щипчиками, крепившимися цепочкой к жилетке его строгого костюма, тщательно и с видимым удовольствием раскурил ее, выпустил несколько облаков ароматного дыма, после чего вновь обратился к Карлу. "Über die Hugel und Weit weg" по радио сменилась на "Tief Still Ganz" того же ансамбля.

- У нас с друзьями традиция. - пояснил Арндт-старший. - Каждый год, тридцатого декабря мы устраиваем торжественный обед. Прощаемся со старым годом, так сказать. Большинство моих друзей - ученые и инженеры, однако есть среди них и политики, и военные. Люди мы уже не молодые, все добились некоторого положения, так что я предполагаю, вас будут смущать звания некоторых моих гостей.

- Скорее всего. - осторожно кивнул Карл. Он никак не мог взять в толк, куда клонит герр Арндт.

- Так вот, совершенно напрасно. - вместо указующего перста отец Йогана воздел к толку дымящийся кончик сигары. - Это неформальные посиделки, к тому же молодежи там будет также вполне достаточно. Вас не должны смущать ни звание, ни возраст собеседника. Говорите что думаете, прямо, и ничего не бойтесь. Хорошо?

- Я постараюсь, герр Арндт.

- Очень хорошо, Карл. Ничего не бойтесь и не стесняйтесь. Даже самые великие из людей, скажу вам по секрету, всего лишь люди.

Во входную дверь раздался стук.

- Ну, вот и первые гости. - Дитмар широко улыбнулся, и смешливые морщинки от уголков глаз разбежались в разные стороны. - Пойдемте встречать? Мануэла, я открою сам!

На пороге стоял мужчина в шинели, с погонами капитана цур Зее.

Аэродром Авила (Испания) 30 декабря 1938 г., три часа дня (время берлинское) "Над всей Испанией безоблачное небо". Генерал-майор Вольфрам фон Рихтхофен, командующий легионом "Кондор", поглядел на затянутые низкой облачностью небеса и сплюнул. Настроение было ни к черту, а тут еще погода не ахти какая.

Из облаков вынырнули два Messerschmitt Bf-109 и пошли в сторону аэродрома.

Генерал сощурился, стараясь рассмотреть бортовые номера машин, и удовлетворенно кивнул. На посадку заходили командир 3-й эскадрильи 88-й истребительной группы, капитан Вернер Мельдерс, и его ведомый.

Машины зашли на аэродром безупречно - сказывался большой летный опыт пилотов, - прокатились по полосе, несколько раз чихнули моторами и застыли. Пилоты начали выбираться из кабин, а техники уже спешили осмотреть "мессеры".

- Здравствуй, Вернер. - генерал приблизился к машине капитана. - Что скажешь?

- Над всей Испанией безоблачное небо. - хмыкнул Мельдерс. - Так что пятнадцатого (16) я себе сегодня не сыскал.

- Да искать особо некого осталось. - флегматично кивнул фон Рихтхофен. - Франко вот вот дожмет республиканцев, так что скоро, видать, возвращаемся в Германию.

- Ну и слава Богу. - спокойно ответил капитан. - Надоело уже воевать и убивать. Меня вообще в этом месяце должны были на родину отправить.

- Угу. - командующий легионом снова флегматично кивнул. - Но не отправили.

Кстати, поздравляю.

- С чем? - опешил Мельдерс.

- Да с тем... Мы, с завтрашнего дня, становимся моряками. Легион Кригсмарине переподчинили, утром приказ пришел. Готовь теплую одежду, Вернер. На Балтике нынче холодно.

Шарлотенбург, Зесенер-штрассе, 15 30 декабря 1938 г., около четырех дня - Вы полагаете, молодой человек? - генеральный инспектор подвижных войск задумчиво смотрел на Геббельса.

- Конечно, герр генерал-лейтенант. - убежденно ответил Карл. - Это же получается даже не эсминец, а вспомогательный крейсер. Пушка так себе, и брони почти нет, или нет совсем. Одна радость, что быстроходный.

- Интересно вы проводите аналогии между танками и кораблями. - хмыкнул Хайнц Гудериан. - Значит, следуя вашей логике, надо превращать танки в линкоры?

- Лучше в линейные крейсера, они быстроходнее. - улыбнулся Карл. - Скорость ведь является существенным фактором и на море, и на суше, герр генерал? Броня, и калибр орудий, полагаю, тоже. Таким образом, у кого броня толще, и пушка больше, тот в поединке и выигрывает. Что танк, что корабль.

- Если экипаж умеет пользоваться пушкой. - усмехнулся "быстроходный Хайнц". - Танки, вообще-то, предназначены для прорыва укреплений и развития наступления, юноша, а не для дуэлирования с себе подобными машинами.

- Военные корабли тоже нужны для нарушения морских коммуникаций противника, однако сражения между ними иногда случаются. - парировал Карл.

- Туше. - рассмеялся Гудериан, и повернув голову вправо громко произнес. - Фреди, ты слышал? Флот нас критикует.

- Правильно делает. - ответил Фердинанд Порше приближаясь. - Сколько танков вышло из строя при аншлюсе? Треть? А вот у них такого не бывает, не говоря уже о том, что по туристическим справочникам они во время боевых действий не ориентируются. (17) Кстати, я тут недавно имел беседу с Герингом. Ты в курсе того, что он требует в новой спецификации на Pz-IV?

- В курсе. По должности положено. - вздохнул генерал танковых войск. - Интересно, с чего это такая забота о бронетехнике со стороны главкома Люфтваффе?

Впрочем, требования хорошие, вон, даже и морской кадет Геббельс их поддерживает.

Верно, геноссе?

- Прошу прощения, господа, но я не видал этой спецификации. - смутился Карл. - Да и вряд ли что-то понял бы в ней. Я, все же, далек от конструирования, к тому же и информация, наверняка, не по моему допуску секретности.

- Также мне секрет Полишинеля. - усмехнулся Порше. - Крупповская конструкция ОКВ перестала устраивать, хотят усилить и броню, и орудие. И, если получится, скорость.

- Вот видите, Вермахт вашу точку зрения разделяет, Карл. - весело подмигнул юноше Гудериан, чем окончательно ввел его в смущение.

- Разделяя-а-а-ет. - насмешливо протянул Порше. - Ладно, броню нарастить не так уж сложно. С этим и у Крупа справятся. Только нет пока у Германии длинноствольных танковых орудий на семьдесят пять миллиметров. K.w.K. L/34.5, даст Бог, через годик доведут до ума, так ему и этого мало... Хайнц, умерил бы ты его аппетиты что ли? Тогда б и я, может, удачи попытал.

- А если... - Карл пресекая, не желая влезать в беседу, тема которой никак не входила в категорию тех, в которых он мог блеснуть глубокими познаниями. Порше и Гудериан с интересом посмотрели на него.

- Да вы не тушуйтесь, продолжайте. - предложил изобретатель.

- Ну... Не знаю, может быть это покажется вам невежественным... - Геббельс замялся. - А что если применить швейцарские восемь-восемь? В Рейхе ведь Flak этого калибра производят, а стрелять из них не обязательно по воздушным целям, если снаряд бронебойный, верно?

Генерал изогнул бровь, и с улыбкой поглядел на мгновенно задумавшегося Порше.

- А что... - наконец вымолвил тот. - Интересная идея. Танкового орудия такого еще нет, но подумать над его концепцией можно. Хайнц, пойдём-ка побеседуем с хозяином, пусть выскажет свое мнение. Извините, мы вас покинем, молодой человек.

Карл проводил людей, стоявших у истоков создания танковых войск Германии несколько ошалелым взглядом.

- Что ты им сказал? - появился рядом с ним ухмыляющийся Йоган. - Надеюсь они отправились к папеньке не с тем, чтобы пожаловаться на тебя?

- Нет, на тебя. - криво улыбнулся Геббельс. - Вернее на твое аморальное поведение.

- Это чем же оно аморальное? - подивился Арндт.

- Он еще спрашивает! - делано возмутился его гость. - Ввел на всех молоденьких фрой-лян свою монополию, друга будущего семейного счастья лишаешь.

Йоган с дружелюбной улыбкой поглядел на стайку девушек их, примерно, с Карлом возраста, которых он развлекал беседой последние минут двадцать, отвернулся и скривился, как от доброй пинты касторки.

- Успокойся, к тебе сегодня только приглядываются, а меня уже год как женихат пытаются. Наешься еще этого счастья. И вообще, я тебя обещал познакомить с... А вот и она!

Арндт ухватил приятеля за руку, и потащил к выходу из зала, в которой общество развлекалось светскими сплетнями, ожидая окончания сервировки стола и последних запаздывающих визитеров.

- Альке! Я уже боялся, что ты не придешь! - воскликнул он, стремительно пролавирировав между гостей. - Что же ты заставляешь меня волноваться, кузина?

- Как же я могла не прийти, Ханно? - услышал Карл девичий голосок, и очутился перед... Ну, он решил, что ангелом.

- Карл, это моя кузина, Аделинде Арндт.

Серые глаза, русые, с чуть заметным каштановым отливом волосы, тонкое умное лицо, чем-то напоминающее мордочку лисички, а фигура... Геббельс лишился дара речи.

Москва, Наркомат обороны 30 декабря 1938 г., четыре часа дня (время берлинское) - Григорий Иванович, ну хоть ты, как начальник ГАУ, (18) на Клима повлияй. - печально произнес Буденный, присаживаясь на стул.. - Ну не машины ж это, а безобразия. Как на такой монстре многобашенной советским танкистам воевать?

- Эх, Семен Михалыч, - вздохнул Кулик, - ты же ж знаешь, ему надобно, щоб во время парада погрознее смотрелись, а не щоб ездили быстро и стреляли метко. А вы опять с ним поцапались чи шо?

- Смысл с ним, дураком, цапаться? - поморщился Буденный. - В одну из бригад тяжелых танков нынче с инспекцией ездили, а там...

Старый кавалерист махнул рукой. Именно в силу своего кавалерийского прошлого он-то как раз и осознавал - один из немногих высших командиров РККА, и как бы не лучше даже немца Гудериана, - какую роль займут танки в будущих войнах XX-го века. Т-26, Т-28 и Т-35 он в этом будущем не видел.

- Ничего, Семен Михалыч. - улыбнулся Кулик, извлекая из сейфа коньяк и пару стопок.
- В будущем году БТ-7М серийно запускаем, да и ветераны Испании два прототипа сейчас обкатывают: А-20 с сорокопяткой и А-32 с семидесяти шести миллиметровой Л-10. Советская инженерная мысль на месте не стоит.

Он наполнил ароматным напитком пару стопок, и подвинул одну из них Буденному.

- И ГАУ за этим пристально наблюдает, а где может - там и помогает, ты уж мне поверь. Выпей-ка вот лучше, для сосудов и от нервов полезно.

Маршал и командарм 1-го ранга стукнулись краями стаканчиков.

Шарлотенбург, Зесенер-штрассе, 15 30 декабря 1938 г., четверть пятого вечера Негодник Йоган умудрился устроить все так, что Карла посадили между ним и Аделиндой, отчего юноша смутился окончательно. В те краткие несколько мгновений, что Арндт представлял Геббельса своей кузине, он ужасно растерялся и не знал что сказать - спасением стал призыв доньи Анны проходить в столовую.

Теперь же Арндт напропалую болтал с кузиной, постоянно пытаясь втянуть однокашника в беседу, однако тот отделивался только невнятным замечаниями.

Незаметно наблюдавшая за этим донья Анна легонько улыбнулась, и, склонившись к сидевшей по соседству мачехе Аделинды негромко шепнула:

- Поговори сегодня с падчерицей, Юльхен. Дурой она будет если упустит этого парня.

- О чем ты? - фрау Клара-Юлия Арндт недоуменно воззрилась на хозяйку дома.

- Тише. - та глазами указала на Геббельса. - Кажется однокашник моего сына рядом с Аделиндой скоро и вовсе сомлеет.

- Хм... - задумчиво отозвалась ее гостья, все так же неслышно для окружающих.

- Мальчик прехорошенький. Ты думаешь?

- Хорош собой, далеко неглуп - можешь спросить у Хайнца или Фреди, у них после беседы с ним глаза горели, словно фары авто, - к тому же будущий морской офицер, а это многое значит. Погляди, Боргу всего два месяца назад исполнилось тридцать восемь, а он уже капитан цур Зее. К тому же, если сын не приукрашивал в своих письмах, мальчик отличный спортсмен. Впрочем, сейчас услышишь сама.

Донья Анна повернулась в сторону молодых людей:

- Карлито, сын писал о твоих невообразимых достижениях в спорте. Ты не расскажешь мне поподробнее об этом?

На лицах у некоторых присутствующих дам отразилось легкое недоумение - фрау Арндт явно оказывала протекцию молодому человеку.

- Да, вроде, никаких таких достижений у меня нет... - ошарашено произнес Карл.

- Ну да, конечно! - фыркнул Йоган. - Я всего один раз в жизни видел, чтоб у Медора чепуха отвисла. Это когда ты первый раз показал, что на брусках и турнике можно вытворять. А кто в матче против второго экипажа три из четырех мячей в ворота забил, я что ли?

"А вот это мы недопродумали. - печально подумал Ансельм Борг, внимательно прислушиваясь к разговору. - Ничто не стоит на месте, спорт тоже, а моторные навыки блокировать гипнозом невозможно. Разве что устроить паралич".

- Ну, ты еще расскажи как замечательно я плаваю. - буркнул Карл. - В бассейнах под открытым небом.

- Непотопляемый рейхсминистр. - Йоган хрюкнул. - И расскажу.

- О чем вы, молодые люди? - Клара-Юлия Арндт изобразила недоумение.

Вот тут присутствующим в столовой матронам стало понятно, что не донья Анна провоцирует охоту на молодого человека, защищая сына от преждевременной женитьбы, а что охота эта уже началась. Известно о юноше было до обидного мало, но если уж свер-

хосторожная троюродная тетка Йогана проявила интерес... По крайней мере Альбину, старшую из падчериц, она выдала замуж так, что все присутствующие от зависти сгрызли себе локти до самых лопаток.

- Тетя Юлия, да Карл же у нас самая натуральная знаменитость. Помните, в газетах писали, что парень выжил, проведя в зимнем море целый час? Так вот, это про него.

- Далеко пойдете, юноша. - флегматично подлил масла в огонь Борг. Причем сделал он это вполне намеренно.

- До бухты Эккендорф, не дальше. - еле слышно пробормотал Карл.

- О чем ты? - округлила глаза Аделинде.

- Нишкни. - шепнул Йоган. - Я тебе потом расскажу, без родителей.

- Кстати, про спорт. - подала голос ринувшаяся на перехват майорша Виоланта фон Ив.

- В центре города, на днях, открыли новый каток. Мы как раз завтра собирались посетить - Анна, милочка, не желаете покататься вместе с нами?

- Боюсь, я просто отвратительно держусь на коньках. - улыбнулась донья Анна.

- А ты, Карл? - спросила Аделинде. - Хорошо умеешь кататься?

- Э... А я не помню. У меня амнезия.

- Что вы говорите, молодой человек? - подал голос пожилой профессор медицины Якоб Юлос. - Это последствие переохлаждения? Занятно, крайне занятно. Я бы с удовольствием вас понаблюдал - такое встречается отнюдь не каждый день.

Судя по взглядам присутствующих девиц, акции Карла, при известии о его амнезии, выросли еще на пару пунктов. Это же так романтично, когда твой воздыхатель ничерта не помнит. Это так загадочно...

Борт судна "Швабенланд", центральная Атлантика 03 января 1939 г., ближе к полудню (время берлинское) Судно двигалось по тропическим водам самым малым ходом.

- Бывали когда-нибудь в южном полушарии, герр Ран? - задумчиво спросил Альфред Ритшер, склонившись над картой и производя какие-то вычисления.

- Нет, герр капитан. Все больше Франция, Испания... Думал, отправят в Тибет, а послали в Антарктиду.

- Тибет? - столь же задумчиво спросил полярник. - Сбор информации и составление карт для Японской Императорской Армии?

- Кто-то в экспедиции и этим, наверное, будет заниматься. - Отто вытер лоб носовым платком. - Фууууу, жара... Нет, я из другого подразделения. Ищем забытые знания нордической расы, или хотя бы ключи к ним. "Наследие предков", может слышали?

- Да, приходилось краем уха. - Альфред кивнул, погруженный в свои мысли. - А в Антарктиде что искать собираетесь? Записи древних пингвинов?

- Зря вы так, герр капитан. - обиделся Ран. - Искать мы будем Туле. Прародину.

Вы же помните, что писал вам Гиммлер?

- Помню. - Ритшер снова кивнул и взглянул на хронометр. - Однако, вы правы, жарко, да и традиции надо соблюдать...

Полярник перевел рычаг хода на "Все стоп".

- О какой традиции идет речь, герр Ритшер? - удивился Ран.

- Однако, экватор...

- Что?

- Сейчас поймете. - Альфред подмигнул двум матросам поздравнее. - Макать штурмбанфюрера ребята!!!

Несколькими секундами спустя ничего не понимающий Ран, в компании еще пары человек, впервые пересекающих экватор, отправился за борт.

- Древние знания, древние традиции... - Ритшер поковырял в ухе. - Эта тоже древняя.

Шарлотенбург, Зесенер-штрассе, 15 03 января 1939 г., полдень - Копуша, долго ты там? Мы на сеанс опаздываем!

- Нет, вы только поглядите на него. - сказал Йоган, появляясь на лестнице. - О, Небеса, давно ли этот вьюнош, краснел и мялся лишь узревши Альке? Мою кузину... -...с коей

познакомил, его один хитрейший негодяйчик. - подхватил Карл. - Не выйдет из нас ни Гомера, ни Шекспира, дружище, незачем язык ломать.

- Вот так вот и разбивают мечты о литературном призвании всякие жестокосердные герои-любовники. - хмыкнул Арндт.

- Скажешь тоже... - пробормотал Геббельс. - Герой-любовник...

- А то - нет? - расхохотался Йоган.

Идея с посещением катка, высказанная за обедом, была обществом поддержана, хотя и несколько своеобразно. Отцы и матери семейств решили, в большинстве своем, что это забава молодежная, так что Карл, Йоган, остальные присутствующие юноши и девушки получили общественное задание: завтра же посетить каток, и, если выяснится, что Геббельс на коньках кататься не умеет, дружными усилиями его этому научить. Сопровождалось это указание заинтересованными взглядами девушек, слегка ревнивыми - парней, и постной физиономией Йогана, с трудом удерживающегося от ехидной улыбки и таких же комментариев по поводу происходящего.

На следующий день выяснилось, что на льду Карл держится более чем уверенно, а когда он вошел в раж, и исполнил "тройной тулуп"... Девушки визжали.

От восторга, разумеется.

- А он, похоже, не на шутку тобой увлекся. - покуда Геббельс, на пару с очередной претенденткой на руку, сердце и прочий ливер, демонстрировал чудеса высшего ледяного пижотажа, Йоган увлек на каток Аделинду.

- Скажешь тоже, Ханно. - вспыхнула та. - Он на меня ровным счетом никакого внимания не обращает. Мы и обменялись-то за два дня всего парой фраз.

- Вот это-то меня и убеждает. - ухмыльнулся ее кузен. - Так-то он балабол, навроде меня, а как рядом с тобой оказывается, так дар речи теряет. И глаза такие становятся, с паволокой...

- Балбес. - Аделинде легонько стукнула Йогана по лбу. - Послал же Бог братца.

- Бог бы такого не послал. - парировал тот. - А что, у парня нет никаких шансов?

- Ханно, ты меня смущаешь. Кто ж задает девушкам такие вопросы?

- Например - любящие родственники. - глубокомысленно заметил Йоган.

- Любящие родственники разогнали б от Карла этих вертихвосток, а не спрашивали бы всякие глупости. - насмешливо фыркнула Аделинде.

- Понял, не дурак. - довольно улыбнулся Арндт. - Разрешите исполнять, фройлян Альке?

Через пару минут, когда Карл освободился от партнерши, Йоган потребовал от него, чтоб "непотопляемый рейхсминистр" научил его "вот этому вот трюку... вот э..."

Тьфу, пропасть, да как ты его делаешь-то?", причем немедленно и прямо сейчас.

Обучение не заняло много времени - Йоган сдался почти моментально, после чего шепнул другу:

- Следующей кузину пригласи. - и встретив его недоуменный взгляд досадливо поморщился. - Ты ей понравился, дубина стоеросовая.

- Ну... - Карл явно растерялся. - А... Как же так? Вы же с ней вроде...

- Что?

- Ну... Вы же с ней вроде. Вместе.

- Ты что, идиот? - опешил Йоган. - Она ж моя сестра.

- Так... С троюродными вроде можно... встречаться.

- Вот мы и встречаемся. Когда я в гости захожу. - прошипел Арндт. - А если под "встречаемся" ты подразумеваешь то, о чем я подумал, то можешь идти к черту.

Извращенец.

- Извини. - Карл покраснел. - Я думал, что вы пара, вот и не хотел мешать.

- Благодетель, е-мое... - возвел Йоган очи горе. - Познакомлю я тебя со своей девушкой, чтоб не сомневался, познакомлю. В Киль вернемся, и познакомлю.

- Ого! Так ваше сердце несвободно, герр Арндт? - Геббельс бросил взгляд на девиц, которых они сопровождали на каток. - Бедные фройлян, они так на тебя рассчитывали.

Ответить Йоган не успел (а очень хотелось) - оба молодых человека приблизились к своим спутникам.

- Что, не по зубам наука? - беззлобно усмехнулся Курт Гудериан.

- Сами попробуйте, фенрих. (19) - огрызнулся Йоган. - Это тебе не на танках кататься.

Младший сын Гейнца Гудериана добродушно рассмеялся.

- Аделинде, не... не составите мне пару? - чуть запнувшись спросил Карл у кузины своего однокашника.

- С удовольствием. - улыбнулась та, и подала ему руку.

Первые полминуты они катались молча - Геббельс никак не мог придумать, с чего начать разговор, так что Аделинде пришлось брать инициативу в свои руки.

- А вы слышали, Карл, фрау Рифеншталь начала съемку нового фильма, "Сквозь время на авто". Говорят, что фантастического. Интересно, правда? Она ведь никогда не снимала фильмов этого жанра.

- Ну, человеку искусства надо пробовать себя в разных жанрах. - с готовностью поддержал разговор юноша. - Кто знает, может быть фантастические фильмы, это то, что принесет ей наивысшую славу.

- Ну, славы-то ей и так хватает. - заливисто рассмеялась Аделинде. - Вы ведь наверняка видели ее картины, и не одну?

- Честно говоря - понятия не имею. - улыбнулся Карл. - В училище нам демонстрировали только обучающие фильмы, а что я видел или не видел до своего предпоследнего купания в Балтийском море - просто понятия не имею.

- Предпоследнего? - изумилась девушка.

- Ах да, Йоган же так вам и не рассказал эту историю про пятерых непотопляемых кадетов... - слегка смутился Геббельс.

- Тогда я требую рассказа от вас, Карл. - Аделинде шутливо погрозила ему пальчиком. - И немедленно.

- О, Боже, опять мне позориться. - вздохнул молодой человек. - Хорошо, слушайте. Надумали господу Вермаут, Арндт и Райс проверить, умею ли я обращаться с парусом...

Следующие несколько минут были посвящены рассказу о утоплении "богоспасаемого корыта", причем к концу Геббельс разошелся, и начал изображать происходившее в лицах. Аделинде весело смеялась - юноша сумел изложить это досадное происшествие как забавный пустячок - что мешало ей держаться на коньках (трудно это, когда тебя всю аж распирает от хохота), так что молодые люди остановились у бортика.

- Вот так, фройлян, учитесь. - прокомментировал ситуацию Курт, который уже был помолвлен, а потому мишенью при стрельбе глазками не являлся. - Молчала, ничего не делала, и р-р-раз, в дамках.

Ответы, по смыслу своему, варьировались от "не больно-то хотелось" до "это мы еще посмотрим".

- Вот такой вот синематограф. - закончил свой рассказ Карл, как-то плавно незаметно для себя перешедший в беседе с Аделинде на "ты". - А ты говоришь, фантастика. Вот она где, фантастика.

- Да уж. - улыбнулась девушка. - А знаешь, в твоём предыдущем купании есть некоторый плюс.

- Не может быть. Какой же?

- Подумай сам, ты можешь заново открывать для себя любимые книги, мелодии, фильмы, наконец. Непременно посети синематограф на каникулах, предпочтительно не один раз, и чем раньше - тем лучше. Вот после катка сразу и иди.

Намек был более чем прозрачен, и Карлу не оставалось ничего иного, как пригласить с собой на это мероприятие Аделинде, которая милостиво согласилась его сопровождать. Йоган, парни и не растерявшие пыл к охоте за шкурой Геббельса девицы в этот день ре-

шили составить им компанию, однако в последующие дни от них (кроме Арндта, свято блюдущего интересы кухни) удалось избавиться. Впрочем, Карл и не думал просить Йогана не ходить с ними на сеансы - отношения не дошли еще даже до цветочно-конфетной стадии, так что посредник в таком щекотливом деле, как ухаживание за девушкой, казался Геббельсу совсем не лишним.

- Ну что, пошли? - Йоган накинул шинель. - И впрямь немудрено опоздать.

Поспешать придется.

Гуадалахара, вход в ратушу 04 января 1939 г., около половины четвертого вечера (время местное) Лейтенант Лопес последний раз затянулся сигаретой, щелчком отправил окурочек в полет, и отклеившись от выщербленной пулями и осколками стены ратуши, прислонившись к которой он курил, направился к своему танку. В здании, вход в которое он был оставлен охранять (и где он стрельнул сигарету у полноватого пехотного гауптмана), всю хозяйничали немцы и итальянцы.

Забравшись на башню, спускаться внутрь он не стал - просто наклонился над люком и устало поинтересовался у дежурящего в ней водителя:

- Что там слышно по радию, Манолито?

- Последних защитничков прижали к Хенаресу. - отозвался тот. - Переправиться они не могут, похоже будут сдаваться скоро.

- Ну и слава Богу. - вздохнул лейтенант. - Умаялся я что-то.

- Еще бы. - хмыкнул водитель. - Шесть дней из нашей жестянки не вылезали, почитай.

Изначально начало наступления планировали на двадцать третье декабря, но в штабе в очередной раз что-то переиграли, и началось оно аж на целую неделю позже, двадцать девятого.

В районе местечка Алгора сосредоточились достаточно серьезные силы: четыре немецких и два итальянских пехотных батальона, разведроты PSW 222, две дюжины немецких Pz IA и двадцать пять переданных немцами Франко Pz IA с испанскими экипажами. Артподдержку осуществляли аж три батареи 149-и, 105-и и 75-и миллиметровых орудий.

Первоначально перед наступающими стояла задача овладеть городком Алгора, что было не так уж и легко. В нескольких километрах от него горы подступали почти вплотную к реке Дульче, а прямо за выходом из этого "бутылочного горлышка" расположились позиции двух пехотных батальонов республиканцев, прикрытых окопавшейся в самой Алгоре батареей 75-и миллиметровых гаубиц. Еще один республиканский батальон расположился к юго-западу от них, на случай если франкисты попытаются перевалить через горы.

Получасовая артподготовка началась в 04:35, а затем танкисты и пехота получили приказ атаковать противника. Поддержки с воздуха, увы, не было.

В первой, самой тяжелой атаке Лопес не участвовал - испанским танкам элементарно не хватило места в "горлышке", - однако в бинокль он отлично видел все происходящее. Взрывы на позициях врага, рушащиеся здания и пожары в Алгоре, яростную атаку немцев из "Дроне", вялый и рассредоточенный огонь по ним из окопов...

Увы, республиканские артиллеристы, захваченные врасплох артобстрелом, уничтожены не были и намеревались драться. Впоследствии удалось выяснить, что обстрел уничтожил или вывел из строя порядка сорока процентов вражеских пушек, однако оставшихся оказалось достаточно, чтобы притормозить атаку сторонников Франко, уже практически прорвавших центр обороняющихся. В неверной предраассветной серости, когда уже не темно, но еще не светло, Лопес разглядел, как среди атакующих, один за другим, начали вспухать столбы из земли, огня и стали, как падали убитые и раненые пехотинцы, как разлетелся от прямого попадания гаубичного снаряда немецкий танк, да и огонь бронебойных пуль и тьяканье парочки противотанковых пушек стали более уверенными и эффективными.

- Какого черта мы тут торчим? - процедил он сквозь зубы и окинул взглядом загородившие дорогу автомобили с немцами, которые поспешно разгоняли с дороги, чтобы дать пойти на прорыв и его роте. - Вечно у нас бардак с выдвижением.

Первая атака не увенчалась успехом. Немцы отошли, испанским танкистам расчистили дорогу, а гаубицы вновь начали ровнять с землей позиции республиканцев и Алгору.

На этот раз артподготовка была немного длиннее, но уже без четверти восемь атака возобновилась вновь. На сей раз противопоставить франкистам республиканцы практически ничего не смогли - потери от артобстрела достигли критического уровня, так что танки и броневые автомобили легко миновали их разрушенные позиции и ворвались в Алгору (вернее в то, что от нее осталось), чтобы гусеницами раздавить остатки артиллерии. Прислуга стремительно разбегалась от орудий, и только одна пушка попыталась бить по атакующим прямой наводкой. В танк, правда, не попали, а вот стену чудом уцелевшей под обстрелом церкви разворотили. Второго выстрела расчета сделать не дали, выкосив пулеметным огнем.

Пехота тем временем прижала к берегу остатки сопротивлявшихся и вынудила их капитулировать, а перемахнувшие через горы итальянцы и свежий немецкий батальон, вышедший во фланг республиканскому резерву, в коротком сорокаминутном бою разгромили противника, отогнали на юг, к реке Аламинос, где и добились. Сдаваться они не желали, да макаронники, честно говоря, не особо-то и стремились брать пленных.

В то время, пока еще шел первый штурм Алгоры, гораздо дальше к северо-западу, три батальона легионеров и батарея 65-и миллиметровых гаубиц совершали марш на стоящий при слиянии Дульче и Канамареса поселок Ядраку.

Разведчики своевременно смогли обнаружить вражеские секреты и взять языка, сообщившего, что в поселении засел пехотный батальон противника. Наступавшие по восточному берегу батальон и батарея стремительно выдвинулись на позиции.

Артиллеристы дали пару залпов по первой линии обороны, после чего легионеры завязали с противником перестрелку, а снаряды некоторое время рвались в центре Ядраку.

Тем временем шедшие по западному берегу Канамареса батальоны стремительным рывком овладели мостами к поселку, сбив вражеские пикеты, и ударили обороняющимся в тыл. После яростного, но скоротечного боя уцелевшие республиканцы, во главе с командиром батальона, почли за благо капитулировать.

Почти сразу после этого высланные на юг, к местечку Мирларо, разъезды возвратились с тревожными вестями: сам городишко, а, соответственно и перевал, оказались под контролем республиканских солдат, уже поднятых по тревоге из-за донесшихся до них звуков боя. Просто чудом оказалось то, что они не пришли на помощь своим товарищам в Ядраку, расположенном буквально в паре километров, и не ударили в тыл штурмующим поселок легионерам.

Быстрое переформировавшись и оставив раненых, все три батальона стремительным маршем выдвинулись на Мирларо, намереваясь, после артподготовки, атаковать его с трех сторон - в лоб и с предгорий на флангах, однако тут франкистов ожидал пренеприятнейший сюрприз: за позициями противника расположилась батарея 75-и миллиметровых орудий, устроившая по настоящему горячую встречу атакующим.

Впрочем, прикрыть защитников сразу с трех направлений десятков орудий был просто не в состоянии, так что победа вновь досталась легионерам, хотя уже и гораздо большей кровью, чем при штурме Ядраку.

Овладев перевалом и переформировавшись, изрядно потрепанные батальоны двинулись на запад-юго-запад по северному берегу реки Бадиэль, к переправе на Торе дель Бурго, стоящего у впадения Бадиэль в Хенарес. Примерно в это же время, то есть уже ближе к вечеру, выдвижение по южному берегу реки начала и группировка овладевшая Алгорой (и уменьшившаяся на батальон итальянцев, отправившийся на юг, занимать Аламинос, Хонтанарес и Киенафуэнтос). Во второй половине следующего дня, механизированная группировка достигла города Ториджа, расположившегося в узкой горной долине между течениями рек Унгрия, Бадиэль и Хенарес.

Шедшая в авангарде разведрота PSW 222 приблизилась к окраинам Ториджа уже метров на семьсот, когда, взрываясь моторами, из-за ближайших домов появились республиканские танки Т-26, тотчас же открывшие огонь из пушек.

Восьмимиллиметровая броня бронеавтомобилей и против бронебойных пуль-то защиты толком не давала, а поразить танки советского производства с дистанции более чем двести метров их вооружение хотя теоретически и могло, но практически не позволяло, так что разведчики резво бросились в разные стороны, оставив на подступах к городу три подбитые машины. Еще одну, уже на дистанции в полтора километра, республиканцы поразили метким выстрелом, однако ее удалось отбуксировать и, впоследствии, починить.

Подошедшие следом танкисты атаковать Ториджа не решились - неизвестно было точно, сколько машин имеет противник, и не поставил ли минные поля. Немецкие Pz IIА и PSW 222 остались контролировать дорогу на Алгору, опасаясь контратаки республиканцев, а испанские Pz IА выдвинулись на юго-восточное направление от Ториджа, перекрывая путь на Брихуэга и Арчилла. У страха глаза велики - город обороняло всего десять Т-26 и два взвода милиции.

За вечер и ночь подтянулась артиллеристы, пехота и ремонтники. Последние до самого утра провозились с отладкой и ремонтом бронетехники.

Рассвет ознаменовался ураганным огнем гаубиц по Ториджа. Командир республиканцев благоразумно счел, что оставаться в этом аду не стоит, однако, не в полной мере представляя себе силы противника, вместо отступления скомандовал атаку. К несчастью для его подчиненных, франкисты предполагали и такой вариант развития, и встретили Т-26 нападением из засады, а ударившие в тыл Pz IА довершили разгром.

Размен фигур в этой нешахматной партии получился из соотношения 10 к 8, из которых (восьми) одну единицу составил бронеавтомобиль и четыре - испанские танки.

В то время, когда дело при Ториджа подходило к своему логическому завершению, маршировавшие всю ночь легионеры вышли к мосту через Бадизель. К их удивлению, он не только не был взорван - он не был даже заминирован, а в самом Торе дель Бурго, к тяжелому штурму которого они уже морально приготовились, не оказалось ни одного вражеского солдата. Командование обеих наступающих групп решило дать передохнуть своим солдатам (да и новый год, все ж таки), так что выступление в сторону Гуадалахары состоялось только утром первого января. К вечеру этого же дня произошло соединение наступающих в виду местечка Тарасена - последнего препятствия на пути к славной своими средневековыми храмами Гуадалахаре.

Тарасена - поселение некрупное, но расположилось для атакующих крайне неудачно.

С запада от него нес свои воды Хенарес, а с востока подступал горный массив, тот самый, что не давал атаковать с юга Ториджа. Именно тут, в еще одном "бутылочном горлышке", республиканцы и создали эшелонированную линию обороны из шести батальонов пехоты, их полевых орудий и батареи 155-и миллиметровых гаубиц.

Конечно, у наступающих был решающий перевес в тяжелой артиллерии (изрядно расстрелявшей боеприпасы в предыдущих боях), но защитники буквально зубами вцепились в эту землю, и все атаки первого и половину дня второго января оканчивались неудачей. Неудачей окончился и налет немецкой авиации - у республиканцев оказалось несколько истребителей "Рата", вынудивших бомбардировщики сбросить свой груз раньше времени и спастись бегством. Лишь ближе к вечеру второго числа, когда с востока, от Киенафуэнтоса, подошел и переправился через Унгрия, противнику в тыл, батальон итальянской пехоты, республиканцев удалось потеснить и утвердить красно-желто-красный флаг на руинах Тарасены.

Третьего января начались бои за окраины Гуадалахары, где ее защитники попытались закрепиться. Потратив последние заряды гаубиц и потеряв несколько танков, к ночи их удалось оттеснить из северо-восточной и восточной частей города. Бои за город продолжались всю ночь и половину следующего дня, обе стороны понесли серьезные потери, од-

нако уже к полудню судьба города была окончательно решена - немногие уцелевшие защитники были выбиты в его западную часть и прижаты к реке.

Гуадалахара пала.

Республиканскому правительству теперь необходимо было отзывать для защиты столицы часть войск из Каталонии, где в это время шли основные бои - этой операцией Франко открыл себе дорогу на Мадрид. Открыл, в основном, руками союзников.

Москва, Кремль 05 января 1939 г. четыре часа дня (время местное) - Польская сторона желал бы проведения границы по Даугаве. - заметил Риббентроп. - Это вполне логичное требование, если учесть то обстоятельство, что они согласны передать Германии Мемель. Польше нужен нормальный выход к морю, а протяженность побережья Литвы, остающаяся после удовлетворения Польшей наших требований, будет не так велика. Скорее даже, совсем мала.

- Это совершенно неприемлемое предложение. - отрицательно покачал головой Литвинов. - Латвия, если мы правильно поняли суть ваших предложений, переходит в сферу интересов Советского Союза, а поляки требуют фактического разделения ее пополам. Мы настаиваем на том, что Рижский залив должен полностью и без каких либо оговорок считаться нашей зоной влияния.

Максим Максимович быстро глянул на Молотова, получил утвердительный кивок с его стороны, после чего продолжил.

- Конечно, мы можем удовлетворить притязания Польши, уступив им часть побережья на юге Латвии, но не в таком объеме. Кроме того, польская сторона должна понимать, что в случае конфликта с СССР форсирование Даугавы не станет такой уж большой проблемой для РККА.

- Германии хотелось бы избежать конфликтов в окрестностях ее восточных границ. - дипломатично заметил Йоахим фон Риббентроп.

- СССР также не желает конфликтов в районе своей западной границы. - парировал Максим Максимович.

В переводе с дипломатического языка этот диалог означал ни что иное как:

"- Мы не позволим вам напасть на Польшу.

- А мы - вам".

Переговоры между немецкой и советской делегациями продолжались уже пять часов.

- Товарищ Литвинов рассуждает умозрительно. - вмешался в беседу Молотов. - Совершенно понятно, что президент Можицкий, руководствовался скорее военными, нежели политическими резонами. Однако Советское Правительство в моем лице заверяет вас, что никаких военных действий против Польши мы не планируем, и не намерены планировать в будущем. Да, у нас имеются некоторые территориальные претензии к Польше, однако они не настолько значительны, чтобы решать их военным путем.

- Миролюбие Советского Союза общеизвестно. - кивнул Риббентроп, припомнив, как русские надавали по шее японцам у озера Хасан.

- Господин министр должен понимать, что дипломатию Польши очень хорошо описывает пословица: "Аппетит приходит во время еды". - дождавшись пока Пауль Шмидт, личный переводчик Риббентропа, сможет передать этот его пассаж своему начальнику, Литвинов продолжил мысль. - Если сегодня, на предварительном согласовании позиций, мы удовлетворим их требования, то завтра поляки захотят получить и остров Сааремаа.

- Видимо, - улыбнулся фон дер Шуленбург, - господин Можицкий знаком с другой русской пословицей: "Проси вдвое больше, получишь столько, сколько желал".

- И все же, хотелось бы, в первом приближении, уточнить, о каком именно участке побережья Латвии, передаваемом Польше, может идти речь? - продолжил гнуть свою линию Риббентроп.

Молотов взял карандаш, подошел к висящей на стене карте Европы, и аккуратно отчеркнул прибрежный кусок латвийского побережья, проведя будущую границу по реке Вента.

- Примерно вот так. - произнес он. - В первом приближении.
Риббентроп задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.
- Президент Мошницкий не уполномочивал меня вести переговоры от его лица, но, полагаю, немецкая дипломатия сможет убедить его удовольствоваться этим предложением.
- Ну вот и славно. - ответил Молотов. - Господа, предлагаю сегодня сделать перерыв, а завтра подробнее обсудить вопросы с Буковиной, Финляндией и черноморскими проливами.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 06 января 1939 г., четверть двенадцатого утра - Ты что, совсем не отдыхал, Йозеф? - Гитлер смотрел на осунувшееся лицо своего "министра правды". - Или отпраздновал Рождество и Новый Год с особым размахом?

- Какое там, отпраздновал. - Йозеф Пауль устало махнул рукой. - С этой "программой культурно-исторического рывка" даже выспаться удавалось раз в две недели. Однако, - тут Геббельс довольно улыбнулся, - все готово.

- Знаю я, почему ты не выспался. - добродушно усмехнулся Фюрер. - Небось опять лично отбирал актрис на главные женские роли. И не оправдывайся, лучше по делу давай.

- По делу, так по делу. Хотя я, между прочим, примерный семьянин и отец.

- Ну-ну. - усмехнулся Гитлер. - Ладно, я не твой исповедник, чтоб ты мне в грехах каялся. Рассказывай, что у нас хорошего.

- Хорошего у нас следующее: стартовало три музыкальных проекта - остальная музыка никак не подходит для граждан Третьего Рейха. Ну, разве что Linkin Park...

Этот вопрос пока изучается. Конкретно запущено: "Rammschtein", "Nachtwunsch" и "Berliner hotel"... От ссылок на Токио мы решили отказаться - мало ли как у нас потом разовьются отношения с Японией.

- Это правильно. - кивнул рейхсфюрер. - Надеюсь, внешний вид у солиста "Berliner hotel" будет не как у прототипа?

- Да мне самому чуть с сердцем плохо не стало, когда я узнал, что это мальчик. - усмехнулся Геббельс. Не так уж он и преувеличил, поскольку его реакцией на крупный план Билла Каулица (была у Карла в мобильнике пара клипов Tokio Hotel) являлись слова "Страшноватая девочка, честно говоря". - Нет, конечно. Немного расхлябанности и вольности в одежде, ведь песни-то молодежные, - но в меру, строго в меру, и со стилизацией под фельдграу, - а так все вполне прилично. Два концерта они уже дали, а сегодня, без десяти двенадцать, запускаем их первую песню на радио.

- Непременно послушаю. - сказал Гитлер и сделал пометку в своем дневнике. - Что по фильмам?

- По фильмам... - рейхсминистр пошуршал бумагами. - Пересказ их моим однофамильцем, конечно, убог, но мы подключили лучших фантастов и сценаристов Германии, и, в качестве приятного дополнения, получили семь новых фантастических романов разных направлений. Писатели меня умоляли познакомить их с автором идей.

- И что ты? - усмехнулся Фюрер. - Пообещал знакомство?

- Нет, я сказал, что рейхсканцлеру некогда встречаться с ними. - иронично заметил Геббельс. - И что он уступает все права на идеи им.

- Так ты сказал им, что это мои фантазии? - расхохотался Гитлер. - И, конечно же, проследил за тем, чтобы слухи об этом распространились?

- Как можно? - обиделся Йозеф Пауль. - Конечно же проследил. На данный момент готовы десять сценариев: "Сверхлюди X", "Сквозь время на авто", "Батман", "Йозеф Бонн, агент 007" и "Войны среди звезд", все шесть частей... С "Войнами", конечно, пришлось перевернуть все с ног на голову, да имена изрядно исправить с названиями. Зато "Марш империи" случайно услышал полковник фон Штокгаузен, и теперь при каждой встрече требует, чтоб я отдал ему эту мелодию для гимна его полка "Великая Германия".

- Я бы разрешил - пускай у людей будут правильные ассоциации при звуках этого марша. - задумчиво произнес Гитлер. - Что вы там наисправляли-то, кроме того, что "хорошие", это Империя, а "плохие" - Республика?

Краткое изложение хитовых фильмов конца двадцатого и начала двадцать первого веков он читал, и "Star wars" произвели на него неизгладимое впечатление. Более того, ознакомившись с карандашными набросками основных имперских и повстанческих машин, выполненных Карлом (который рисовал, прямо надо сказать, не ахти), Фюрер выбрал время и лично нарисовал акварельные эскизы имперского Star Destroyer'a, TIE-файтера и фрегата Nebulon-B, который тоже решено было сделать имперским кораблем. А вот "Звезду Смерти" наоборот, сбавили войскам Республики, дизайн судов и истребителей которой был доверен фирме "Шиффсверфт Блом унд Фосс". Руководство компании несколько ошалело от предложения разработать макеты "игрушечных космических корабликов" для кино, но согласие дало. Инженерно-конструкторский же состав подошел к решению задачи с энтузиазмом и фантазией, выдав такое, что увидев результат Джордж Лукас - тут же скончался бы от разлития желчи и острого приступа зависти. X-wing в исполнении главного конструктора BV, Рихарда Фогта, получился ну очень оригинальным.

- Имена и названия, само собой, германизировали. - пожал плечами Геббельс. - Рыцарей Джедаев переименовали, а то название какое-то... На "юде" похоже.

Сделали их Махтриттерами. Убрали любые намеки на компы. Вейдера искалечили при аварийной посадке пассажирского лайнера, чтобы его маска и протезы выглядели погероичнее... Ну и так, по мелочам.

- Ладно, пришли мне копию сценария, я почитаю на досуге. - сказал Гитлер. - Все?

- Да не совсем. Во-первых, "Сквозь время на авто" уже снимается, за постановку взялась сама Рифеншталь, и требует чтоб "Йозефа Бонна" никому не отдавали, а придерживали для нее. Во-вторых, по фильмам решено выпустить сувениры, игрушки и настольные игры, а также озвучивать их на нескольких языках - чтобы устроить показ и продажу сопутствующих товаров сразу по всему миру. Фрик, когда увидал предполагаемые доходы, расцвел словно куст розы. В-третьих, по приключениям "Йозефа Бонна", "Сверхлюдей X" и "Батмана" решено выпустить также комиксы, сразу в немецком и английском вариантах. Тоже обещает быть прибыльным делом.

- В-четвертых есть? - поинтересовался Фюрер.

- Есть. Мы профинансировали съемки в Голливуде фильма "Техасская резня мясником топором". Пускай янки превращаются в тупых ублюдков побыстрее. В день премьеры фильма показ его на территории Германии мы запретим, а это будет картине лучшей рекламой.

- Ты хорошо поработал, Йозеф. - Адольф Гитлер вздохнул. - Но у меня будет к тебе еще одна просьба. СД удалось склонить к сотрудничеству этого Энштейна, сейчас он прибыл в Швейцарию, где и займется работой. Поищи у него в генеалогическом древе хоть капельку арийской крови. Необходимо, чтобы он был видным немецким, а не видным еврейским ученым. Ты меня понимаешь?

- Конечно. Вопрос престижа нации.

- Вот именно. И предоставь мне список особо отличившихся по программе культурно-исторического рывка. Надо будет наградить.

- Уже готов. - улыбнулся Геббельс и протянул листок с именами, фамилиями и званиями. - Там нет только одного человека, который сделал едва ли не столько же, сколько все остальные.

- И почему же его там нет? - удивился Гитлер.

- Потому, что он не из моего ведомства. Вертер Франк, следовательно гестапо.

Именно ему было поручено допросить моего однофамильца о содержании самых известных и кассовых фильмов его эпохи, и работу свою Франк выполнил мастерски.

Правда сразу после этого уехал на воды, нервы лечить, где до сих пор и пребывает.

Последний фильм, о котором оберштурмфюреру рассказал Карл-Вильгельм Геббельс, назывался "Горбатая гора".

Москва, Кремль 06 января 1939 года, полдень (время берлинское) - Да, позиция Германии по этому вопросу неизменна. - кивнул Риббентроп. - Финляндия, Латвия и Эстония

остаются в сфере интересов Советского Союза, и Германия не намерена держать в этих странах своих войск. Также Германия не имеет ничего общего с антисоветскими эскападами этих держав, а использует все свое влияние в строго противоположном направлении. Мы считаем проблему многовекового сотрудничества между нашими странами решающей. Это сотрудничество уже принесло России большие выгоды, а в будущем даст такие, что обсуждаемые сегодня вопросы покажутся незначительными. Следовательно, нет никакого повода делать из финского, латвийского и эстонского вопросов какую-то проблему. Вообще, если смотреть на вещи реально, между Германией и Советским Союзом никаких разногласий нет, поэтому, чем продолжать чисто теоретическую дискуссию, лучше обратиться к действительно важным проблемам.

- Господин министр, - ответил Литвинов, - вы выдвинули сегодня ряд вопросов, касающихся не только Европы, но и других регионов. Нам же хотелось бы обсудить сначала более близкую для Европы проблему Турции. Советский Союз, как черноморская держава, связан с рядом других государств, и в этом отношении также имеется ряд невыясненных вопросов. Упомянутое вами ранее намерение Италии и Германии предоставить гарантии Румынии не может вызвать с нашей стороны удовольствия. Такие гарантии, особенно подкрепленные дислоцированными в этой стране войсками стран-гарантов, направлены, если можно так грубо выразиться, против интересов Советской России.

- На определенное время это необходимо, а потому наш отказ от намерения предоставить гарантии Румынии невозможен.

- Это, - заметил Молотов, - затрагивает интересы Советского Союза как черноморской державы. Как наверняка известно германской стороне, черноморские проливы исторически являются воротами агрессии западных стран, таких как Англия и Франция, против России, примером чему могут служить и Крымская война, и интервенция во время войны гражданской. Таким образом, из соображений безопасности, отношения Советского Союза с другими черноморскими странами имеют очень большое значение. В данной связи у советской стороны имеется вопрос: какова будет реакция Германии, если мы предоставим Болгарии гарантии, аналогичные тем, что Германия и Италия предоставляют Румынии? Наш вопрос не означает, что мы собираемся предоставить их немедленно, не достигнув в этом вопросе единства с Германией, и, возможно, Италией.

- Что касается вопроса о проливах, - ответил Йоахим фон Риббентроп, - Фюрер пересмотрел этот пункт, и имеет в виду пересмотр заключенного в Монтре соглашения о них в пользу Советского Союза. Италия, в этом вопросе также занимает к вам благожелательную позицию.

- И все же хотелось бы прояснить вопрос с предоставлением гарантий Болгарии. - отомолчаться по этому вопросу Литвинов коллеге позволить не собирался. - Мы хотели бы особо подчеркнуть, что Советский Союз никоим образом не намерен вмешиваться во внутренние порядки этой страны. Они не будут изменены ни на йоту.

- Что касается вопроса о гарантиях Румынии, то вы должны понимать - эти гарантии являются единственной возможностью побудить Румынию без борьбы передать Бессарабию России. Кроме того, Румыния, ввиду своих нефтяных источников, представляет абсолютный интерес для Германии и Италии. Наконец, инициатива предоставления гарантий исходит от румынского правительства, которое само просит Германию взять на себя защиту нефтяного района с воздуха и на суше, так как Греция настроена пробритански, и Румыния не сможет чувствовать себя вполне в безопасности от воздушного нападения англичан, в случае эскалации конфликта из-за Абиссинии. Кроме того, Франция является также недружественной Италии державой, а Англия - ее союзник. Безусловно, Германия не потерпит нападения на кого-либо из своих союзников, однако после урегулирования конфликтной ситуации между Францией, Англией и Италией все германские солдаты будут из Румынии выведены. Отвечая же на ваш вопрос относительно германской точки зрения на русские гарантии Болгарии, я должен заявить: если эти гарантии будут даны на тех же условиях, что и итало-германские гарантии Румынии, то сразу встанет вопрос - а просила ли

сама Болгария о таких гарантиях? Германской стороне ничего о такой просьбе Болгарии неизвестно. Кроме того, прежде чем оформить нашу позицию по этому вопросу, нам необходимо выяснить позицию Италии. Решающий же вопрос состоит в том, считает ли Советская Россия, что пересмотр заключенного в Монтре соглашения даст достаточную гарантию соблюдения ее интересов на Черном море.

- В этом вопросе мы имеем только одну цель. Советский Союз хочет обезопасить себя от нападения через проливы и желает урегулировать этот вопрос с Турцией.

При этом, - Максим Максимович выразительно поглядел на Риббентропа, - предоставление Болгарии гарантий с нашей стороны значительно облегчило бы положение. Как черноморская держава Советский Союз имеет право на безопасность такого рода, и мы думаем достигнуть в этом деле взаимопонимания с Турцией.

- Это примерно отвечало бы ходу мыслей Фюрера, согласно которому через Дарданеллы могли бы свободно проходить только русские военные корабли, а для других военных кораблей пролив был бы закрыт. - заметил фон дер Шуленбург.

- Советский Союз хотел бы создать гарантию от нападения на Черном море через проливы не только на бумаге, но и на деле. - попытался дожать немецкую делегацию Литвинов. - Мы считаем, что смогли бы достигнуть договоренности по этому поводу с Турцией. В данной связи я снова вынужден вернуться к вопросу о советских гарантиях Болгарии и повторить, что внутренний режим страны затронут не будет. Этот вопрос относится к германской политике в целом: какую позицию заняла бы Германия насчет этих гарантий с нашей стороны:

- А я снова должен спросить: просила Болгария о гарантиях? - немецкий министр иностранных дел тоже съел на переговорах не одну свору собак. - В любом случае, прежде чем отвечать по существу, нам необходимо выяснить точку зрения дуче на этот вопрос.

- Господин министр, мы не требуем от вас сейчас никакого окончательного решения. - заметил в свою очередь Молотов. - Речь идет исключительно о предварительном обмене мнениями.

- Германия никоим образом не может занимать никакой позиции, пока не согласует ее с Италией. - отрезал Риббентроп. - Мы заинтересованы тут только во вторую очередь. Как великая дунайская держава, Германия заинтересована только в самом Дунае, а не в выходе из Дуная в Черное море. Если бы Рейх нуждался в каких-либо трениях с Россией, ему не нужен был бы для этого вопрос о проливах. Подводя итог всему вышесказанному я хочу сказать, что возможности обеспечить интересы СССР как черноморской державы будут внимательнейшим образом нами изучены, и вообще, мы считаем, что дальнейшие желания России относительно ее будущего положения в мире должны быть приняты во внимание. Для Советской России сейчас возник целый ряд больших новых вопросов, и как могучее государство, она не может стоять в стороне от крупных вопросов в Европе и Азии. Так, например, мы предполагаем грядущее потепление отношений между Советским Союзом и Японией. Что же касается японо-китайских отношений, совместную задачу России и Германии мы видим в их урегулировании. Однако, надо обеспечить Китаю почетный выход из войны.

В Токио в это время была глубокая ночь, но уже через десять часов после этих слов посол Отт должен был предложить японскому Министру Армии Итагаки Сэйсиро рассмотреть вопрос о приобретении у Германии партии легких танков Pz I и Pz II.

Генерал Итагаки ответит, что склонен к положительному решению в вопросе о закупке немецких танков.

Окрестности Баден-Бадена 12 января 1939 г., десять утра - Иду-иду. - Эльза Франк поспешила к двери снятого ими коттеджа. - Одну секунду, сейчас открою.

В Швейцарию они с мужем и детьми отправились еще в начале декабря, когда Вертер неожиданно получил длительный отпуск. Последние две недели перед этим знаменательным событием супруг приходил домой очень поздно и в сильно подавленном настроении. Нет, Эльза все понимала, служба у мужа такая, что врагу не пожелаешь. К тому же он ни

разу, как бы тяжело и плохо ему ни было, не сорвал раздражение на ней или малышах. Но как же иногда ей хотелось нормальной жизни, когда муж приходит с работы в одно и то же время, когда не надо каждый раз гадать, задержался он на службе, или его убили враги Рейха. Когда муж просто улыбается, когда она строит планы на будущее, а не выдает сардоническую усмешку при словах "давай через пару лет..." Стук в дверь повторился - настойчивый стук, уверенный. Так может стучать только человек, который точно знает - он в этот дом имеет право войти, и помешать ему в этом может только Бог. Так стучит хозяин, забывший ключи, или представитель власти, наделенный соответствующими полномочиями.

- Иду-иду. - вновь выкрикнула фрау Франк и распахнула дверь. - Чем могу быть полезна?

На пороге стоял молодой человек в форме СС, держащий в руке пакет с гербовыми печатями.

"Вот и кончился отдых", печально подумала Эльза, "А Вертер все такой же нервный и невеселый".

- Роттенфюрер Курт. - козырнул тот. - Оберштурмфюрер Франк проживает здесь?

- Да, проходите, герр Курт. - женщина посторонилась, пропуская курьера внутрь.

- Я сейчас позову его. Присаживайтесь, прошу вас. Я распоряжусь приготовить вам кофе.

- Благодарю. - молодой человек снял фуражку и положил ее на стол.

Вертер спустился в гостиную буквально через минуту после того, как Эльза послала за ним горничную. Спустился стремительно, как и полагает офицеру, которого призывает долг, однако без того обычного огонька в глазах, который жена всегда замечала у него, стоило прибыть гонцу с документами или вызовом на очередное срочное задание. Потухшим был его взгляд. Потухшим и усталым.

- Хайль Гитлер. - Курт вытянулся по струнке и вскинул руку в приветствии.

- Хайль Гитлер. - ответное приветствие Франка было вялым и апатичным.

- Вам срочный пакет, герр оберштурмфюрер. - молодой человек вручил пухлый конверт Франку.

- Что там? - поинтересовался тот.

- Не могу знать.

- Тебе поручают новое дело? - спросила Эльза.

Тот внимательно поглядел на конверт и нахмурился.

- Не похоже. "Оберштурмфюреру Вертеру Мартину Франку. Срочно. Лично в руки". А вот надписи "Секретно" нет. - он криво усмехнулся. - Может быть это запоздавший подарок на рождество от начальства?

- Прошу прощения, пакет не из гестапо, а из Рейхсканцелярии. - произнес Курт.

- Вот как? - удивился Франк. - Тогда я вообще ничего не понимаю.

Оберштурмфюрер вскрыл пакет и извлек из него два сложенных вдвое листа бумаги и обитую алым бархатом коробочку. Первым делом он открыл ее, после чего издал неопределенный хекающий звук.

- Что такое, дорогой? - взволновалась Эльза. - Какие-то неприятности?

- Да я бы не сказал... - задумчиво ответил Франк, доставая из футляра круглый значок с золотым ободком. Курт, все еще стоящий по струнке, разглядев что держит в руках получатель пакета радостно гаркнул:

- Позвольте поздравить вас с награждением, оберштурмфюрер.

- Спасибо, роттенфюрер, спасибо... - все так же задумчиво произнес Вертер Франк, посмотрел на обратную сторону кругляша и присвистнул. - АГ. Награждение по личному усмотрению Фюрера.

Он аккуратно положил кругляш на стол, так чтобы теперь и жена смогла увидеть Золотой партийный знак НСДАП, и взялся за бумаги.

- Так, это наградной лист, а это... Боже мой!

На втором листе было выведено всего несколько рукописных строк, стоявших, пожалуй, поболее только что полученного "Золотого фазана".

Уважаемый герр Франк.

Как мне сообщил д-р Геббельс, именно Вашим усилиям мы должны быть благодарны за полученные сюжеты для киностудии UFA. Думаю, что как человек, обладающий доступом к материалам дела, вам не составляет труда представить всю важность проделанной Вами работы, для меня же, в свою очередь, не подлежит сомнению проявленный вами высочайший профессионализм. Надеюсь, этот скромный знак признательности со стороны НСДАП, и моей лично, послужит на пользу вашей истерзанной нервной системе. Желаю Вам скорейшего выздоровления и возвращения на службу - Германии нужны такие офицеры как Вы.

С наилучшими пожеланиями,

Адольф Гитлер Вертер Франк аккуратно сложил записку пополам и убрал ее во внутренний карман.

- Скажите, Курт, вы на машине?

- Так точно.

- И отсюда едете на вокзал?

- Так точно.

- Дождитесь меня, мы едем вместе. - оберштурмфюрер повернулся к жене. - Дорогая, меня срочно вызывают в Берлин.

В глазах Франка зажглись столь знакомые его жене азартные огоньки.

Между Берлином и Килем, вагон N 5, купе 9 14 января 1939 г., полдень "Всеми на свете приходит конец, но особенно неприятно, когда конец приходит отдыху", флегматично подумал Карл, наблюдая за проплывающим за окном пейзажем.

Короткий зимний отпуск кадетов закончился, и молодые люди возвращались в Киль.

- Чего пригорюнился? - спросил Йоган, отрываясь от газеты. - Вы с кухней распрощались каких-то пару часов назад, а ты уже тоскуешь?

- Она писать обещала. - расплылся в улыбке Геббельс.

- Ммм, а дело то, похоже, пахнет свадебными колоколами. - не удержался от подначки Арндт.

- А с чьей подачи, а? - насмешливо фыркнул юноша. - Потрясающая наглость у этих свях. Надо будет намекнуть Медору, что тебе теперь положено сиреневый платок с формой носить.

- Мне? Да ни в коем случае. - усмехнулся Йоган. - Сам втрескался, а теперь валишь с больной головы на здоровую.

- Ах, на здоровую? - Карл насмешливо прищурился глядя на друга. - А кто утверждал, что его девушка в Киле ждет?

- Ну ладно, с больной на больную. - отпарировал Арндт. - Но валишь.

- Признавайся, поганец, кто она? - требовательно спросил Карл. - Который день муржишь мою, да - больную, голову, а не рассказываешь.

- Вот прям до меня тебе эти дни было. - хмыкнул Йоган. - Дочь профессора Биберкопфа, Марита.

- Что? Ты крутишь шашни с дочерью математика?!!

- Ну, почему шашни? - молодой человек смутился. - А может у нас все серьезно?

- Ты - и серьезно. Это новый анекдот такой? - хмыкнул Карл. - И не надо отгораживаться от меня газетой, как будто там пишут что-то до жути важное и интересное.

Выхватив у друга "Дер Ангриф", он хотел добавить что-то еще, но неожиданно замолчал, вчитываясь в статью своего высокопоставленного однофамильца.

- Читаешь, что ты такого опять наврал германскому народу? - хмыкнул Арндт.

- Угу. - кивнул Геббельс, не отрываясь от чтения. - Именно.

По прочтении статьи он потер лоб и нахмурился.

- Как-то неправильно это все, не так как-то...

"Дер Ангриф", 13 января 1939 г.

Величие германского народа не позволяет ему ущемлять права национальных меньшинств Германии. Такое поведение было бы просто недостойно представителей арийской расы, поскольку является проявлением слабости. Однако могучий германский дух, особенно теперь, в период его возрождения и подъема, чужд страхов и фобий в отношении других народов. Мы сильны, у нас нет внешних врагов, и нам просто некого бояться.

НСДАП, как выразитель воли германского народа, упорно и последовательно борется за очищение великой немецкой культуры от привнесенных извне влияний. Это наша взвешенная и последовательная позиция, верность которой определяется всей логикой исторического развития Германии. Мы - великий народ, и нет ничего удивительного в том, что мы хотим слушать нашу, а не чью-либо иную, музыку, смотреть наши фильмы, жить по нашим, немецким, законам. Это здравый и логичный подход для любого народа, что бы по этому поводу не утверждали международные плутократы, для которых нет ничего святого, кроме Золотого Тельца.

Мы ответственно заявляем: каждый народ должен жить на своей, исторически принадлежащей ему, территории. Территории, принадлежащей ему по праву. Для нас такой территорией является Рейх, населенный немецким населением, говорящем на одном языке, имеющем общий исторический корень, единые культуру и моральные ценности. Также и другие народы должны проживать в естественном ареале своего обитания.

Западные плутократы часто утверждают, что в Германии нарушаются права еврейского населения, что жители неарийского происхождения подвергаются гонениям. Это наглая и беспардонная ложь, призванная очернить Фюрера, НСДАП и весь народ Великой Германии.

Да, мы желаем, чтобы это была наша страна, для нашего народа, и это вполне понятное желание. Любой здравомыслящий человек в любой стране желает такого же для себя и инстинктивно борется с чужим влиянием. Что касается так называемых нарушенных прав еврейского населения, то разве это Германия не позволяет создать евреям свое государство, где они смогли бы жить по своим законам и правилам? "Нет", говорим мы. Германия прилагает все мыслимые и немыслимые усилия на дипломатическом поприще для того, чтобы евреи, насильно изгнанные некогда со своей родины, смогли возвратиться в свою Землю Обетованную и основать там свое государство. Фюрер делает все возможное, дабы евреи, так и не ставшие никогда "своими" для Европы, получили свою малую толику Азии. Мы уверены, что все люди доброй воли, должны объединиться в этом стремлении!

Конечно, мы не призываем Великобританию отказаться от своих позиций в исторической Иудее. Молодое еврейское государство, когда оно будет организовано, несомненно будет нуждаться в помощи и поддержке этой великой державы, так что еще в течение многих и многих лет англичанам придется нести груз протекционизма.

Однако, мы полагаем, что вся Лига Наций, весь цивилизованный мир окажут им в этом посильную помощь.

Фюрер уверен, и все честные члены НСДАП разделяют его уверенность в том, что вопрос о создании еврейского государства назрел и откладывать его более невозможно. Необходимо окончательно решить еврейский вопрос в Европе, и единственный приемлемый для этого путь - дать евреям построить свою государственность, свою страну, там, где она исторически и располагалась.

Хайль Гитлер!

Д-р Геббельс

Борт судна "Швабеланд", море Уэддела 19 января 1939 г., десять утра (время местное) - Запускай! - повинуясь команде начальника экспедиции паровая катапульта отправила судовой Dornier "Wal" в полет. Гидроплан рыскнул носом, но выправился и начал уверенный набор высоты. - А вы, герр Ран, можете начинать сбрасывать свои градусники за борт. Хотя, зуб даю, здесь вы ни черта не найдете.

- Почему вы в этом так уверены, герр Ритшер? - удивился Отто.

- Я эти воды на китобое не один год бороздил. - усмехнулся капитан. - Аномалии начинаются дальше.

- Аномалии? Вы ничего мне об этом не рассказывали!

- А вы не удосужились прочитать мою книгу, "Восемь лет в компании пингвинов". В этих водах творится один Бог знает что. Антарктида хранит в себе еще множество тайн, и мы лишь прикасаемся к ним время от времени, лишенные возможности проникнуть в их глубинную суть, но если бы я начал трепаться до того, как мы приступили к своей миссии, меня бы адмирал не понял.

- Редер? - удивился штурмбанфюрер.

- Канарис. - хищно усмехнулся Ритшер. - Вы что, действительно полагаете, что вы единственный, кто будет тут делом заниматься, а остальные так, на тюленей поглядеть прибыли?

- Первый вымпел сброшен! - прокатился над палубой голос наблюдателя.

Германия начала столбить себе землю на южном материке.

Берлин, Рейхстаг 20 февраля 1939 г., одиннадцать утра - Депутаты германского Рейхстага! - Адольф Гитлер выглядел усталым, но, в целом, довольным. Вчера из Москвы вернулся Риббентроп, и привез столь ожидаемый рейхсканцлером документ. - Я особенно счастлив, что могу сообщить вам одну вещь.

Вы знаете, что у России и Германии различные государственные доктрины. Этот вопрос единственный, который было необходимо прояснить между нами. Германия не собирается экспортировать свою доктрину. Учитывая тот факт, что и у Советской России нет никаких намерений экспортировать свою доктрину в Германию, я более не вижу ни одной причины для противостояния между нами. Это мнение разделяют обе наши стороны. Любое противостояние между нашими народами было бы выгодно другим, поэтому мы решили заключить договор, который навсегда устраняет возможность какого-либо конфликта между нами. Это налагает на нас обязательство советоваться друг с другом при решении некоторых европейских вопросов. Появилась возможность для экономического сотрудничества и, прежде всего, есть уверенность, что оба государства не будут растрачивать силы в борьбе друг с другом. Любая попытка Запада помешать нам потерпит неудачу.

Фюрер сделал небольшую паузу, чтобы выпить воды из стоящего на трибуне стакана.

- В то же время я хочу заявить, что это политическое решение имеет огромное значение для будущего, это решение - окончательное. Россия и Германия боролись друг против друга в Великую войну. Такого не случится снова. В Москве этому договору рады также, как и вы рады ему. Подтверждение этому - речь русского комиссара иностранных дел, Литвинова. Подтверждение этому - немедленная ратификация договора советским Политбюро и Секретарем ЦК ВКП(б). И вот сегодня я прибыл сюда, в Рейхстаг, в сердце Германии, чтобы убедить вас голосовать за ратификацию договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Германией. Все вы понимаете его огромное для нас, для всей Европы, значение, и я надеюсь на ваши благоразумие и патриотизм!

Договор был принят депутатами единогласно.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 18 января 1939 года.

За Правительство Германии

Й. Риббентроп

За Правительство СССР

М. Литвинов Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов СССР. Границей сфер интересов является южная граница Литвы, с вхождением в сферу интересов Германии Чехословакии и Данцига. При этом интересы Польши в отношении суверенного литовского государства признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить по границам "Линии Керзона".

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Тем не менее, представляется необходимость существования такового государства, как полноценного и независимого участника международных отношений.

Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Касательно статуса черноморских проливов, стороны пришли к соглашению о взаимных усилиях для достижения запрета на проход через них военных кораблей любых стран, за исключением военных кораблей СССР и Турции.

5. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 18 января 1939 года.

За Правительство Германии

Й. Риббентроп
За Правительство СССР
М. Литвинов

Воздушное пространство Китая 22 февраля 1939 г., около восьми утра (время местное) Веками несет воды в океан полноводная Янцзы, и нет ей дела до копошащихся на берегу людишек, на снующие по ее поверхности джонки, и даже до летящего над ней бомбардировщика СБ-1, с опознавательными знаками китайских ВВС, нет ей никакого дела.

Что за беда реке от того, что с востока пришли желтокожие люди, которые убивают таких же желтокожих, но говорящих на другом языке, живущих по ее берегам? Нет ей до этого никакого дела, как нет его и до жарких воздушных схваток пришельцев с белокожими северянами, (20) год назад разбомбившими японскую авиабазу близ Тэйбэя. И до пилота бомбардировщика, со смешной фамилией Хрюкин, нет никакого дела реке.

СБ-1 Тимофея Хрюкина шел в свободном полете на большой высоте. В небе плыли легкие облака, самолет то исчезал в них, то появлялся снова. Противника в зоне видимости не наблюдалось.

Уже два месяца русские летчики вели охоту на неуловимый "Ямато-мару", совершая полеты над Янцзы, побережьем, атакуя военные корабли, морские транспорты, пароходы, доставлявшие в Китай технику, войска и многое-многое другое. За последние десять дней в районе Дунлю удалось потопить двенадцать больших кораблей и около сорока катеров, а еще порядка двадцати транспортов получили серьезные повреждения. Эти потери вынудили японцев стать гораздо осторожнее.

Вот и теперь, едва завидев басовито гудящий бомбардировщик, рассекающие речную гладь суденышки торопливо жались к берегу. Боги их знают, этих северных варваров - а вдруг решат, что речная лоханка является достойной целью для тяжелых бомб?

Ведущий свободную охоту бомбардировщик достиг побережья, и пошел над кромкой прибрежных скал. Ветер дул с берега, медленно оттесняя пелену тумана в море.

Пустое, без единого дыма море. Вылет обещал быть безрезультативным.

- Что за?... - начал было штурман, приглядываясь к берегу.

- Перехожу в атаку! - рявкнул в ответ командир экипажа, выворачивая штурвал.

Цель они заметили одновременно. В глухой бухте стоял, затянутый маскировочными сетями, корабль, обозначенный командованием как одна из самых прерогативных целей для бомбовозов. "Ямато-мару".

Японцы отнюдь не спали, а внимательно наблюдали за машиной Хрюкина, и едва она начала ложиться на курс атаки, открыли плотный заградительный огонь из зениток и стрелкового вооружения. Увы, благие ками были сегодня не на стороне храбрых солдат тэнно - штурман дал поправку, Тимофей повернул машину на цель, и бомбы ахнули вниз. Возле самой трубы "Ямато-мару" вырос столб черного дыма и пламени, еще одна бомба разорвалась у самого борта, и одновременно, как по команде, зенитный огонь оборвался. Последний пунктир траассирующих пуль медленно поднялся в воздух, и все прекратилось.

На втором заходе экипажу СБ-1 было отлично видно, что судно начало крениться на левый борт, а палуба полна людьми, выбегающими из трюма и прыгающими за борт.

Сбросив последние бомбы, на сей раз, правда, не поразившие цель, бомбардировщик взял курс на базу. Встречаться с истребителями, которые вполне мог вызвать капитан "Ямато-мару", у Тимофея Хрюкина не было ни малейшего желания.

После доклада о поражении, и возможном потоплении "Ямато-мару", с аэродрома, на разведку, срочно были подняты в воздух два истребителя, пилоты которых подтвердили: корабль перевернулся вверх килем и затонул.

Командир авиагруппы, Полюнин, доложил командованию о потоплении японского авианосца. Что ж, наверное можно его было назвать и так - "Ямато-мару" действительно нес на своем борту самолеты. В трюме, и в разобранном виде.

Закупленный в 1915-м году у Италии транспорт занимался снабжением ВВС Японской Императорской армии в Китае.

Берлин, улица Тирпиц-Уфер, 72-76 06 марта 1939 г., четверть десятого утра - Это действительно так срочно, Ансельм? - Франц Вильгельм Канарис имел на это утро собственные планы, поэтому срочная просьба об аудиенции, поступившая от руководителя аналитической группы абверштелле (21) "Аусланд"-К его совсем не порадовала.

- Более чем. - капитан цур Зее Борг потер красные от недосыпа глаза. За эту ночь он ни разу не прилег, проверяя и перепроверя поступившую накануне вечером информацию. - Франция начала переговоры с Норвегией о закупке запасов тяжелой воды.

Вице-адмирал пару секунд мучительно соображал, что бы сие могло означать, а потом недоверчиво поглядел на одного из немногих людей, который обладал полным доступом к информации по "Объекту К".

- Атомная бомба? Черт меня подери! Что еще удалось узнать?

- Не очень много. - честно признался Борг. - Инициатива исходит от профессора Фредерика Жолио-Кюри, декана Коллеж де Франс. Это крупный ученый в области физики, занимается проблемой деления атомного ядра. Работал в Германии под руководством профессора Вольфганга Гентера, сочувствует идеям коммунизма, и, при этом, ярый патриот Франции. По неподтвержденной информации, последнее время занимается проблемой создания атомного реактора, для выработки дешевой электроэнергии.

- А где реактор, там и бомба. - задумчиво произнес Канарис. - Что у нас есть на этого Гентера?

- Совершенно неблагонадежен. - печально усмехнулся Борг. - Считает, что ученые не имеют национальной принадлежности, а результаты их исследований должны быть доступны каждому и всем...

Порт города Киль, борт учебного барка "Хорст Вессель" 04 апреля 1939 г., пять минут девятого утра - Не спать, кадет, адмирала проморгаешь. - весело заметил стармех, проходя мимо.

Отстоявший всюнощную вахту Карл мрачно поглядел в спину Деду. Баковую новость о сегодняшнем визите инспектора учебных заведений Кригсмарине, адмирала Альфреда Заальвехтера, он уже слышал, но в силу юности и наивности надеялся успеть подремать пару часов в кубрике.

Последнюю неделю, покуда вернувшийся из Копенгагена "Хорст Вессель" вымачивал якоря, курсанты Военно-морского училища, сменившие своих предшественников из Мариеншуле, наводили на корабле порядок. Перед рейсом Киль - Санта-Круз де Тенерифе - Пернамбуко - Киль, который барку предстояло начать пятого апреля, корабль собиралось посетить высокое начальство, дабы дать кадетам пару отеческих наставлений. Зная крутой нрав адмирала, за несколько дней до смотра корветтенкапитан Бертольд Шниббе объявил аврал, так что в день "явления Христа народу" корабль, и так бывший в превосходном состоянии, просто блестел как матросская пряжка.

- Что у вас за вид, кадет? Брюки не глажены, лицо небритое - как пятилетний! - это уже Геббельса окрикнул старпом. - Немедленно приведите себя в порядок, построение через двадцать минут!

Хочешь жить - умей вертеться. Хочешь жить без лишних нарядов - умей вертеться быстро. Шустро приведя себя в порядок, Карл таки не опоздал на построение.

Торчать на палубе кадетам пришлось не так уж долго - пару минут спустя после приказа "становись", к трапу подъехала машина, из которой выбрались Заальвехтер и пара его адъютантов.

Едва поднявшись по трапу адмирал замер, и ткнул пальцем в палубу.

- Это, что за спичка, герр капитан?! - рявкнул он. - Это корабль Кригсмарине или лесовоз?! Везде бревна как на лесопилке валяются!

Услышать такое и кадетам, и постоянному экипажу, обидно было до ужаса - неделю корабль драили. Да и в наличие спички на палубе никто, строго говоря, не поверил.

Однако тут уже не растерялся Шниббе. Хорошее чувство юмора было далеко не самым распространенным качеством среди немецких моряков, однако капитан "Хорста Веселя" являлся в этом плане исключением.

- Четверо кадетов, убрать это бревно живо. - капитанский палец по очереди ткнулся в членов экипажа "богоспасаемого корыта".

Никогда в жизни Заальвехтер со смотрами на корабль, где служил Шниббе, больше не хаживал... Хотя убрали с палубы, конечно же, не адмирала.

Польско-литовская граница 30 апреля 1939 г., без десяти пять утра Басовито гудят моторы, без напруги, по деловому, проплывают под крыльями "Лошей" спящие городки и поселки. Пока еще спящие. Скоро, очень скоро раздастся грохот палящих орудий на юго-восточной границе, загремят разрывы авиационных бомб, рыкнут моторами Wz 34, TKS и 7TP, застучат звонкой дробью копыта уланских лошадей. Скоро, очень скоро. Через десять минут армия "Модлин" двинется из под Вильно и Сувалки на Каунас. Через десять минут начнется война. А пока - спи Литва. Спи, гляди прекрасные сны о былом величии и победах. Спи, пока еще можно.

Еще вчера возможно было решить дело миром. Пусть выдвинутый Польшей ультиматум, удовлетвори Литва его требования, практически ставил крест на литовской независимости, но не пролилась бы кровь. На чью помощь рассчитывали депутаты Тарибы, когда отказывались даже обсуждать, по их выражению, "этот акт вопиющей дипломатической наглости и хамства"? На СССР? Вряд ли. С Советами у прибалтов, из-за их живоглотско-националистической политики нелады аж с 1919-го года. На Германию? Так им от Литвы, кроме района Клайпеды, ничего и не надо. На Францию и Англию? Для этих чем сильнее Польша, тем лучше, и вступаться за маленькую страну на задворках Европы они не станут, как не вступились за Австрию и Чехословакию.

Зря что ли Чемберлен сказал, что незачем врать себе и окружающим - никто не хочет и не собирается защищать тех, кто не может защитить себя сам.

Так на чью помощь рассчитывала Тариба? Неужто на Латвию и Эстонию? Блажен кто верует...

Плотный строй бомбардировщиков PZL-37 "Лошь", прикрытый спереди и с флангов истребителями сопровождения PZL P.24 неумолимо приближался к каунасской авиабазе, чтобы сбросить свой груз на взлетно-посадочную полосу, вывести ее из строя и не дать литовской авиации подняться в воздух. Полосы потом починить можно, а самолеты... Самолеты пригодятся польским BBC. Зачем переводить добро?

Вот и летят в сером предрассветном небе "Лоши" к Каунасу, Панявежису и Шауляю - перехватить на земле, упредить, нанести удар пока не опомнился противник, не затарахтели моторы ANBO-IV, Ansaldo A.120, Halberstadt CL.II, Friedrichshafen G.IIIa и Rumpler C.I, поднимая бомбардировщики и штурмовики навстречу "Модлин". Зачем Войску Польскому бомбы с неба? Бомбы ему не надо.

А в затаянном дымкой Балтийском море медленно проступают силуэты польских эсминцев, миноносцев, минзагов и канонерок, берущих в блокаду Мемель-Клайпеду, готовых немедленно открыть огонь по кораблю или суше - куда прикажет командование. Грозно смотрят в сторону берега 120-и миллиметровые орудия "Блушковицы" и "Грома", а прокрававшаяся в гавань субмарина "Орзел" уже готова начать торпедную атаку ближайшего к выходу судна. Десять минут. Именно столько осталось жить учебному крейсеру литовского флота "Президентас Сметона".

Рычат моторы. Хищно рычат, тянут машины к цели. Но что это? Что за стрекотание смеет прерывать рык этих уверенных в себе хищников? Почему от головного "Лоша" полетели вдруг обломки? Отчего дернулся он, задымил и, все ускоряясь и ускоряясь пошел к земле?

Сверху, из-за облака, выскочили два истребителя Gloster "Gladiator" Mk.I с двумя спосшими, словно сиамские близнецы, крестами на киле. Именно эти самолеты и открыли ураганный огонь по полякам. Не все, нет, не все спят в Литве в этот ранний час. Не спят,

например, пилоты пятой эскадрильи Воздушных сил Войска Литовского, капитаны Тумас и Сярайка, совершают патрулирование.

Совершали, покуда не увидали армаду польских бомбардировщиков. Им бы, по хорошему, броситься на каунасскую авиабазу, сжигая движки форсажем, сообщить, предупредить о нападении, да только времени у них на это уже нет. Не успеют пилоты выкатить машины из ангаров и поднять в воздух, слишком мало PZL-37 пролететь осталось. Быть может, "большой бум" от сбитого бомбардировщика разбудит сослуживцев, поднимет тревогу? Вряд ли, конечно. Далековато. Но лучше так сообщить, чем никак вообще - раций-то в литовских самолетах нет.

Легкими птичками бросились на перехват "Гладиаторов" восемь польских истребителей, надели со всех сторон, погнали вниз, к земле, огнем 7,7-миллиметровых пулеметов и 20-миллиметровых "Эрликонов" прижимая к поверхности. Минута - и хвостовое оперение машины Тумаса разлетается в щепки, самолет дергается, словно раненая птица, срывается в штопор... Нет больше на свете капитана Тумаса.

И почти сразу же, из верхней полусферы на машину Сарайки, который умудрился оторваться от противников, пикирует PZL P.24, за штурвалом которого лучший пилот звена, поручик Гнысь. Слишком поздно заметил его литовец, когда ничего уже сделать было нельзя - только погибнуть в кабине, насквозь прошитой пулями вместе с пилотом.

Юркими стрижами возвращаются истребители в строй, продолжающий движение к Каунасу. А подбитый, дымящийся "Лошь" совершает вынужденную посадку на поле, ломая стойки колес, пропахивая почву носом, но не взрываясь. Не вышел "большой бум". Машину, конечно, уже не починить, но хоть экипаж цел - тоже немало.

Рычат моторы, тянут машины на северо-запад. А когда уже меньше минуты полета осталось до цели, на южной и юго-восточной границах Литвы полыхнуло. Гулко ахнули батареи 75-и 105-и миллиметровых орудий, нанося удар по позициям Войска Литовского, с грохотом приземлились "чемоданы", вздымая ввысь фонтаны огня, земли и человеческой плоти, сея смерть и панику в рядах защитников. Потом еще залп, и еще, и еще... А польские танки и кавалерия, в это же время, стремительным маршем ринулись вперед, в атаку на позиции стянутых к границе Второго, Пятого, Шестого, Девятого пехотных и Второго уланского полков. За ними поспешила польская пехота, а десятка бомбардировщиков P.23, в это время, совершенно безнаказанно совершает заход за заходом на силы Четвертого Артиллерийского полка.

Через минуту или две после начала военных действий переломился от взрыва трех торпед "Президентас Сметона", унеся с собой на дно весь экипаж, а все семь 120-и миллиметровых орудия "Грома" грозно рывкнули, недвусмысленно указывая литовцам:

"Сидеть в порту и не высовываться"! Еще чуть позже, севернее Клайпеды, польская субмарина "Вилк" всплывает на поверхность для того, чтобы захватить сухогруз "Кястутис" идущий в Швецию.

Севернее Сейны Мазовецкая кавалерийская бригада поляков столкнулась со смешавшимися, совершающими срочную ретираду к Алитусу литовскими уланами, и после яростного, но скоротечного боя Второй Уланский полк имени Великой княгини Литовской Бируте прекратил свое существование, а бригада продолжила движение, спеша заблокировать в бывшей Алуште Первый Пехотный полк имени Великого князя Литовского Гядиминаса.

Впрочем, наступление из-под Сувалки было отвлекающим маневром - на это направление генерал Кутржеба выделил только одну пехотную дивизию и две кавалерийские бригады. Основная атака, силами пяти пехотных дивизий, двух кавалерийских бригад и сводного танкового полка совершалась с линии Вильно-Гродно.

Деморализованных артобстрелом солдат Второго Пехотного полка имени Великого князя Литовского Альгирдаса поляки смяли почти не заметив, палящий в белый свет как в копеечку Четвертый Артиллерийский полк взяли на пики уланы, однако успевший перегруппироваться Шестой Пехотный полк имени Пиленского князя Маргиса, встал насмерть и оправдал свое гордое имя, почти два часа удерживая основные силы "Модлин", и дав от-

ступить к Каунасу Пятому и Девятому полкам. Легендарный защитник Пилены мог бы гордиться такими потомками.

Солдаты Первого Пехотного, находившиеся буквально в нескольких километрах от позиций погибающих товарищей скрежетали зубами, но помочь ничем не могли - часть польской кавалерии успела переправиться на другой берег Нямунаса, а к западу от Алитуса показались передовые отряды вражеской пехоты.

За первые три с половиной часа войны Литва лишилась трех из девяти пехотных полков (два было уничтожено, один попал в окружение), один из четырех артиллерийских, и один из трех кавалерийских, а также девяти самолетов, шесть из которых погибли в воздухе, а три - на земле. Оставшаяся (22) авиация вылеты совершать не могла - поляки перепахали взлетно-посадочные полосы от всей, что называется, души.

Третий Пехотный имени Великого князя Литовского Витаутаса, 1-й Гусарский имени Великого гетмана Литовского Януша Радвилы и Второй Артиллерийский полки удачно отразили ложную атаку Войска Польского на юго-восточном направлении и даже перешли в наступление на Свечаны, 7-й Пехотный полк имени князя Жямайтов Бутигейдиса оборонял Клайпеду от возможного польского десанта, а Третий Драгунский полк Железного Волка выдвинулся на юг от Каунаса, прикрывая его от атак польских улан и теша себя надеждой на успешное деблокирование Первого Пехотного полка. Для обороны столицы у командования осталось всего два артиллерийских и четыре пехотных полка, причем Пятый и Девятый полки понесли потери до трети личного состава и вынуждены были бросить все тяжелое вооружение при отступлении.

Каким-то чудом бригадному генералу ВВС Антанасу Густайтису удалось поднять в воздух бомбардировщик ANBO-IV и два Fiat CR.20 ему в прикрытие, чтобы совершить авиаудар по наступающим полякам, однако успехом налет не увенчался (было уничтожено две телеги с провиантом, погибло трое и ранено пятеро польских военнослужащих интендантских частей), а на обратном пути литовские самолеты были перехвачены польскими истребителями PZL P.11. Бомбардировщик и один из истребителей были сбиты, второй истребитель, управляемый майором Ряуба, смог спастись бегством. На этом участие литовских ВВС в войне закончилось.

В самом Каунасе царили паника и беспорядки, с которыми растерянная полиция справиться была не в силах. Еще бы, польские разведчики и диверсанты вполне успешно действовали даже на территории СССР, подталкивая народы Кавказа к выступлениям против советской власти, а уж маленькая Литва была им и вовсе на один зубок.

К пяти часам дня армия "Модлин" вышла к окрестностям Каунаса, и через полчаса после начала боевого соприкосновения правительство Литвы запросило мира. В этот же день президент подписал, а Тариба ратифицировала, договор о воссоединении Польши и Литвы и создании нового государства - Речи Посполитой. Фактически, это был акт о полной и безоговорочной капитуляции.

Днем позже договор с Литвой утвердил польский Сейм.

Еще днем позже, в соответствии с секретным протоколом "Договора о дружбе и сотрудничестве между Германией и Польшей" от 27 февраля 1939 года, 3-я армия генерал-полковника фон Кюхлера заняла Мемель и Клайпедскую (теперь уже снова - Мемельскую) область. Покуда лилась чужая кровь, Германия прирастала новыми землями.

К чести поляков следует отметить, что солдатам и офицерам Войска Литовского уstraивать "Катынь" они не стали. Все литовские офицеры, какие пожелали, продолжили службу в объединенной армии, получившей название "Войско Республики Обоих Народов". 15 июня посол Германии в СССР, граф фон дер Шуленбург был вызван в Кремль, где Сталин сообщил ему, что "Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 18 января 1939 года".

Тем временем на советской границе с Эстонией и Латвией создавалась советская военная группировка, в которую вошли силы 3-й, 7-й и 8-й армий. В ситуации, когда Латвия и Финляндия отказались оказать Эстонии поддержку, Франция и Англия ограничились дип-

ломатическими демаршами и угрозой экономических санкций, а Германия открыто поддерживала Польшу и СССР, эстонское правительство пошло на переговоры в Москве, в результате которых 20 июня был заключен "Пакт о взаимопомощи", предусматривающий размещение на территории Эстонии советских военных баз и двадцати пяти тысячного советского контингента. Через десять дней аналогичный договор была вынуждена подписать и Латвия.

Дни независимого существования для этих двух балтийских стран были сочтены.

Близилось время столкновения крупных держав.

Сноски: (1) Морской кадет Рейнхард Тристан Гейдрих с 1922 года проходил обучение на учебном крейсере "Берлин" где старпомом служил Франц Вильгельм Канарис. В 1930 году, личным приказом адмирала Редера, офицер связи флагмана германского флота "Шлезвиг-Голштиния" обер-лейтенант Гейдрих уволен со службы на флоте с формулировкой "за недостойное поведение и нарушение кодекса офицера" (отказался жениться на девице, которой сделал ребенка). (2) Рат Эрнст фон, советник германского посольства в Париже. 07.11.1938 г. в г.

Париж убит Гершелем Грюншпаном, евреем, 17 лет. Убийство послужило поводом для "Хрустальной ночи" (9-10.11.1938), погрому еврейских магазинов в Германии, где 1/5 часть потерь экономики пришлась на витрины. Откуда, собственно, и название. (3) В 1936 году Гитлер поручил Герингу осуществление "четырёхлетнего плана" - программы перевода экономики Германии на военные рельсы. Собственно, его можно считать и министром экономразвития. (4) knaube - юноша, мальчик (старонем.) Слово устарело, по архаичности соответствует русскому "добрый молодец". (5) Цузе Конрад - немецкий инженер, пионер компьютеростроения. Наиболее известен как создатель первого действительно работающего программируемого компьютера (1942) и первого языка программирования Планкалкюль. (6) ОКВ - Oberkommando der Wehrmacht (Верховное командование Вермахта), с 04.02.1938 центральный орган управленческой структуры вооруженных сил Германии. (7) ОКХ - Oberkommando des Heeres. Верховное командование сухопутными войсками Германии. (8) В описываемый момент Мартин Борман занимал должность личного секретаря Адольфа Гитлера. (9) ОКМ - Oberkommando der Marine. Верховное командование Кригсмарине (ВМФ). (10) Рост Евы Браун составлял всего 165 сантиметров. "Маленькой нимфой" Гитлер ее и впрямь называл - это не выдумка автора. (11) Доктор Зигмунд Рашер проводил эксперименты по влиянию на человека низких температур, проводил эксперименты на живых людях. По невыясненным причинам Рашер был отправлен в концентрационный лагерь Бухенвальд в 1944 году. (12) Старый Борец (Alte Kämpfer) - Почетное звание членов НСДАП, вступивших в партию до прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г., или в Австрии до ее аншлюса в 1938 г., а также сотрудники полиции, вступившие в нее и после 1933 г., не прекращая службы. Пользовались значительными льготами и привилегиями, носили особый шеврон в верхней части правого рукава. (13) "Клемансо", французский линкор класса "Ришиль" (водоизмещение 44708 т.).

Заложен 17 января 1939 г., спущен на воду в июне 1943 г., достроен в реальной истории не был. (14) Цитата подлинная - автор ничего не придумывал. (15) Rettich (нем.) - редька. (16) В июле-ноябре 1938 года Вернер Мельдерс сбил 14 самолетов: 2 И-15, 11 И-16 (еще один И-16 не был засчитан), 1 СБ. (17) Командир 2-й танковой дивизии генерал Фейель не был снабжен картами Австрии при ее аншлюсе, и был вынужден для ориентирования на местности использовать справочник Бэдекера, которым обычно пользовались туристы. (18) ГАУ - Главное Артиллерийское Управление при Народном Комиссариате Обороны.

Аппарат, отвечающий за всю артиллерию РККА, включая танковую. (19) Фенрих - звание курсантов второго курса военных учебных заведений Германии. (20) В описываемый момент в китайских ВВС служило всего семь пилотов-китайцев. (21) Абверштелле - специальные отделы Управления разведки и контрразведки ОКВ (Абвер), создававшиеся, как правило, при штабах военных округов и военно-морских баз.

Отдел "Аусланд"-К занимался отслеживанием иностранных разработок, по направлениям, на основе полученной от Карла Геббельса информации, обозначенным как приоритетные. (22) Во вполне приличном количестве - 270 машин, если считать, конечно, правительственный Lockheed Vega 5B, борт N1 Литвы.

Часть II. Хотят ли в Пруссии войны?..

Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира.

В.М. Молотов, 31.10.1939 Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы.

Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну.

И.В. Сталин

Амстердам, улица Дамрак, 29 30 июня 1939 г., около полудня (время местное) "Господи, что вчера было-то?" - в висках, кузнечным молотом, бухали удары сердца. Казалось, что этот орган переместился из грудной клетки в пространство между ушами, и теперь трудился над превращением мозга в тщательно взбитую однородную массу. Ощущения в остальном организме также были далеки от нормы: невыносимо хотелось пить, внутренние органы, казалось, превратились в желе, которое кто-то изрядно встряхнул, а вкус во рту стоял столь мерзопакостный, что сравнить его было просто не с чем. Единственным положительным ощущением было ощущение того, что кровать под спиной очень мягкая.

"Интересно где я? Точно не в кубаре - качки нет", Карл приоткрыл глаза и огляделся, с трудом ворочая головой.

На кубрик комната не походила совершенно. Потому, хотя бы, что представить себе помещение на корабле Кригсмарине, оформленное в розово-оранжево-золотистой гамме, Геббельс не смог бы и с более тяжелого бодуна, чем нынешний.

Переборов слабость и накотившую тошноту, юноша поднялся, и обнаружил полное отсутствие наличия присутствия (фразочка принадлежала старпому "Хорста Весселя") одежды на теле. Обведя помещение слабо сфокусированным взглядом, форму обнаружить ему удалось. Китель комом валялся у порога, сапоги стояли у стула, на спинке которого висели и брюки, причем аккуратно заправленные в обувь брючинами, трусы обнаружились на люстре, как и один носок... Сборы заняли около четверти часа.

- Сурка образ ведете жизни, герр Геббельс! - едва открыв дверь в коридор Карл наткнулся на Вермаута. - Мы уже думали, что ты решил здесь надолго обосноваться.

- Где мы? - прохрипел молодой человек.

- Хм... В Амстердаме.

- Уже хорошо. А подробнее?

- А на что похоже?

Карл обвел мутным взором коридор с множеством дверей, отметил потускневшую и местами облупившуюся позолоту, потертый бархат, тусклые настенные светильники, фривольные картинки на стенах...

- Похоже на бордель. - произнес он. - По крайней мере не сильно отличается от подобного заведения в Ресифи. (23) - Вот что меня в тебе всегда поражало, так это способность делать моментальные и, что самое важное, правильные выводы. - хмыкнул Отто.

- Ну пошути, пошути. - Карл поморщился и прикрыл глаза ладонью. Голова грозила отвалиться в любой момент. - Будет на моей улице праздник, окажешься ты в таком же состоянии, напомню я тебе твою любовь, твою ласку... Как мы сюда попали?

- Ножками. Ты что, ничего не помнишь?

- Не то, чтобы совсем... - Геббельс сосредоточился, пытаясь вспомнить события хотя бы последних суток.

"Хорст Вессель" вышел из Киля пятого апреля, и взял курс на Канарские острова.

Не напрямую, конечно, с заходами в Дувр, Брест и Ла Корунья, но эти визиты в "дружественные порты вероятного противника", как о них выразился старпом, особого впечатления на Карла не произвели. На берег если и отпускали, то только сугубо по корабельным делам и в сопровождении офицера, а официальные визиты британских, французских и испанских офицеров сводились к построению на палубе, короткой прочувствованной речи о мире во всем мире, и как к этому стремятся военные Европы, после чего господа офицеры шли в офицерский салон, откусать чем кок послал, а кадетам предоставлялась возможность хоть капельку отдохнуть.

Гоняли кадетов во время похода, как сидоровых коз. Теоретические занятия перемежались вахтами, авралами и нарядами - загрузка была такой, что парни, уставшие от тяжелой работы, иногда даже засыпали на марсах. Впрочем, не обходилось и без курьезов.

Где-то за день пути до острова Тенерифе, на подталкиваемом Канарским течением корабле обнаружилось отсутствие якоря. Кто и как умудрился потерять в открытом море тяжеленную железяку выяснить так и не удалось.

Шниббе вызвал к себе боцмана, как (по словам все того же, отличающегося большой оригинальностью в формулировках старпома Вихманна) "ответственного за все безобразия на корабле, и, особенно на палубе", и поставил задачу: к прибытию в Санта-Крус-де-Тенерифе обеспечить "Вессель" якорем и закрепить его на правом борту. Как боцман будет выполнять приказ, его, судя по всему, не волновало.

За ночь, силами боцкоманды, на баке, из деревянных реек, был сделан каркас якоря в масштабе 1:1, который был обтянут старыми простынями, а затем выкрашен в черный цвет. И.О. якоря закрепили с помощью системы тросиков (украденных на сигнальном мостике) на положенном месте.

Командир был растроган и объявил боцкоманде благодарность.

И все бы было хорошо, да потом один тросик перетерся и якорь стал трепыхаться на ветру, а затем оторвался. И поплыл...

У команды была истерика. У капитана тоже.

Визит на Канары продолжался три дня. За это время кадетов в добровольно-принудительном порядке отправили смотреть на серебряный крест в национальном музее Тенерифе - Иглесия де Нуэстра Сеньора де ла Консепсион - который конкистадор Алонсо Фернандес де Луго водрузил после высадки на побережье Аназо в 1494 году и, собственно, давший название городу; сводили поглядеть на работу нефтеперерабатывающего завода; загнали в ратушу, где отцы города устроили бал в честь подрастающего поколения морских волчат; рассказали о героической обороне островов от английских попыток их прибрать к своим рукам и продемонстрировали старинные укрепления в Ла-Лагуне; дали пару часиков понежиться на пляже Тереситас - единственном на всем Тенерифе пляже с желтым, специально привезенном из Африки, песком. При этом господа офицеры тщательно следили за тем, чтоб кадеты не начали увиваться за местными барышнями, и вообще, блюли моральный облик истинных арийцев. Покуда командование занималось этим, несомненно - важным, делом, "истинные арийцы" дружно плескались, устраивали заплывы, играли в волейбол, и вообще, веселились как маленькие дети.

Дальнейшее плавание до Ресифи прошло в том же напряженном графике, и даже было озаменовано парочкой не слишком сильных - в 4-5 баллов - штормов. По прибытии в порт, шатающимся от усталости кадетам дали увольнения, и уж тут молодежь решила "оторваться".

Надо заметить, что привычный маршрут кадетов в такой ситуации (бар-бордель-бар-гауптвахта, иногда с заходом в полицейский участок) экипаж "богоспасаемого корыта" прошел лишь частично. Йоган и Карл, как имеющие сердечных друзей, решили сначала при-

купить для них сувениры, и прихватили с собой Вермаута и Райса. Исключительно во избежание "вы ж без нас нажрётесь, сволочи, а мы потом догоняй".

Выбор сувениров на ремесленном рынке Casa da Cultura оказался впечатляющим, так что друзья там подзадержались, и к жрицам любви (ну, что поделать, чувства-чувствами, а гормональный бум никто не отменял) проследовали минуя кабаки, так что вернулись из увольнения вовремя и трезвые.

Шниббе, видя трогательную картину - кадеты идут по трапу трезвые, но довольные, - едва не прослезился, так что за время стоянки молодым людям пришлось побывать и на экскурсии в расположенном неподалеку городе Олинда, славном своими старинными церквями и монастырями, куда корветкап отправил всех "отличников".

Скука была страшная.

Обратное путешествие в Киль прошло без заходов в порты и почти без приключений.

Корабль ходко, при ветре под парусами, а в штиль и на MANовском дизеле, двигался к родному порту, когда в непосредственной близости от Амстердама, движок вышел из строя. Механики поковырялись в своем хозяйстве, и вынесли вердикт: ремонту на три дня. Капитан подумал, затем подумал еще раз, и вызвал буксир. Через пару часов "Весселя" "взяли за ноздрю" (24) и оттащили в амстердамский порт, где вести ремонт и закупать запчасти не в пример удобнее, нежели в открытом море.

Конечно, Шниббе мог бы и дождаться окончания штиля, а не просить помощи, но с учетом направления дрейфа мог дождаться и мелей Гудвина, недаром прозванных "Великий пожиратель кораблей". Ну, не хотелось капитану, отчего-то, чтоб его корабль был "пожран".

Злой, из-за задержки в путешествии, Вихманн (в Киле его ждали жена и дочь) отпустил всех, не занятых непосредственно в ремонте, в увал, причем сделал это в своем неподражаемом стиле: "Чтобы я ни одного личного состава до послезавтра на борту не узнавал!" - Да, - прокомментировал Карл приказ (уже на пирсе, разумеется), - это задело не только кору головного мозга, но и саму древесину. Что, геноссе, сначала в бар, или в бордель?

Сначала пошли в бар, и, как теперь понимал Карл, напрасно.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 30 июня 1939 г., около двух часов дня - Значит, с Прибалтикой вопрос решен окончательно? - Фюрер внимательно глядел на главу германского МИДа.

- Да. Сегодня латыши подписывают договор с коммунистами и Ульманис уходит в отставку. - ответил Риббентроп, и поглядел на часы. - Вот как раз сейчас и должны подписывать. Все, эти пешки съедены.

- Стало быть, интересы СССР полностью удовлетворены? - уточнил Гитлер.

- Да не совсем. - поморщился рейхсминистр иностранных дел.

- Как - "не совсем"? - возмутился Фюрер. - Что значит - "не совсем"? Они что, не намерены выполнять свои обязательства?

- Они-то намерены. - вздохнул Ульрих Фридрих Вильгельм Йоахим. - Просто Мощицкий решил, что СССР, за транзит советских грузов по польской территории, платит мало, и попытался повысить пошлину.

- Скотина. - процедил сквозь зубы Адольф Гитлер. - Нет, каков подлец! Йоахим, нам нужны эти контракты с Советами и мы тут тоже заинтересованная сторона!

Какого черта дипломаты Рейха хлопают ушами? Ты уже подготовил ноту по этому поводу?

- Ноту-то я подготовил, да вручить не успел. - Риббентроп усмехнулся. - Русские сами разобрались. Отреагировали, надо сказать, моментально.

- Еще бы. - негромко хмыкнул Гейдрих. - Stalin veniki ne v`iajet, Stalin delaet grob`i.

- Так-так. - Фюрер поглядел на улыбающихся сподвижников. - И что же послужило причиной такому вашему радостному настроению? Йоахим, рассказывай, что за дворцовые тайны?

- Нет уж, Адольф. - посмеиваясь ответил министр иностранных дел. - Подробности люди Рейнхарда раскопали, ему и рассказывать.

Гитлер вопросительно поглядел на шефа СД.

- Ну, официальная нота, конечно, была составлена по всем правилам дипломатии... - группенфюрер насмешливо фыркнул. - Однако Сталин велел довести до польского посла и вербальную информацию. Собственно по смыслу она мало чем отличалась от ноты, но вот форма, в которую он эту речь облек... Литвинов сообщил ему о польских претензиях во время заседания СовНарКома, где Сталин присутствовал, а тот, со всей прямоотой своего пролетарского происхождения рявкнул: "Чего ляхи хотят?! А вот это они не видали?" - и показал кукиш. После чего добавил, прошу простить, но это цитата, насколько такое возможно перевести на немецкий: "Да я гроша ломаного этому поцу не заплачу сверх нормы! Я лучше втридорога, по Дунаю, через румын и венгров, товары буду возить! Да я на последние деньги шведский торговый флот до конца дней зафрахтую! Хрена лысого, а не деньги и границу по Венте этому жопнику! Я ему сейчас устрою борьбу за независимость литовского, украинского и белорусского народов и будет ему полный Коминтерн! Так и передай этой гниде, Максимыч. Дословно". Мощицкий решил, что ему будет куда как проще пойти на попятный.

Присутствующие на совещании посмеялись.

- А насчет Литвы, это довольно интересно. - заметил Риббентроп. - Сметона сумел добиться "на переходный период" достаточной автономии, да и не любят литовцы поляков. Если хорошенько раскатать, будет хороший повод поделить Польшу на пару со Сталиным.

- И что нам потом с этим "богатством" делать? - хмыкнул Гесс. - Поляки глупы, тщеславны, нечистоплотны и ленивы, кроме того - крайне безалаберны. Их даже в поместьях использовать не получится. Прибыли никакой, одна головная боль. Быть забором между русскими и Европой - вот единственное, на что они хоть как-то годятся.

- Ладно, - прервал дискуссию Гитлер, - по Советам у нас все?

- Почти. - Гейдрих нахмурился. - По данным Канариса, японцы вновь готовят инцидент с русскими и монголами. Обе стороны уже накопили достаточно серьезные силы в районе Халхин-Гола, достаточно малейшей искры, и степь запылает.

- Йоахим, как это понимать? - Гитлер тоже нахмурился.

Министр развел руками. После нападения японцев на заставу Номон-Хан-Бурд-Обо (25) германская дипломатия сделала все, чтобы погасить конфликт в зародыше. Видимо этого "всего" оказалось недостаточно.

- Русские не согласны на наше посредничество в урегулировании манчжурско-монгольской границы. - произнес он. - Видимо, обиделись на поставку танков Японии.

- Половину которых японцы тут же разобрали, чтобы изучить наши технологии. - пробурчал доктор Фриц Тодт.

- Любопытство - качество характерное для арийцев. - заметил Гесс.

- Глупое любопытство - качество характерное для обезьяны. - фыркнул Гитлер. - За ту цену, что они уплатили за полсотни Pz-I и Pz-II я бы продал им всю техдокументацию на эти консервные банки с гусеницами. Кстати, Гейнц, что у нас с новыми машинами?

- Усовершенствуем. - отпортовал Гудериан. - Броню усилили, над усилением орудий ведутся работы. Порше, опять же, разрабатывает две новые машины: самоходку на основе Pz-IV с орудием 8,8 Flak и танк на основе нового шасси с тем же орудием.

- И как он его впихивает в башню? - поинтересовался Тодт.

- Пока, честно говоря, с большим трудом. Но к осени-началу зимы намерен довести машину до ума, а в январе, если из этой затеи выйдет толк, запустить в серию.

- Это хорошо... - задумчиво произнес Фюрер, а затем отрывисто, словно на него снизошло вдохновение, приказал. - Ладно, не вмешивайтесь в русско-японские дела.

Я чувствую за действиями Японии руку американских плутократов. Пускай Сталин хорошенько прищемит им пальцы.

"И, быть может, приблизит Перл-Харбор", подумал он. Не все присутствовавшие были посвящены в факт существования пришельца из будущего.

На минуту в кабинете воцарилось молчание - дергать рейхсканцлера во время его мистических озарений крайне не рекомендовалось.

- Так, ну а что у нас по плебисциту в Данциге? - наконец, совершенно обыденным тоном, поинтересовался Гитлер.

- А там у нас все нормально. - отозвался молчавший доселе Геббельс. - Протоколы подсчета бюллетеней уже готовы, осталось только провести голосование.

Явка составит семьдесят три процента, из них девяносто один процент выскажется за вхождение в состав Германии.

- Ну и славно. - кивнул Фюрер. - Все свободны, кроме Геббельса. Идем, Йозеф, покажешь мне то, чем так хвалился.

Рейхсфюрер и рейхсминистр пропаганды и образования прошли в небольшой, всего на четыре ряда кресел, затемненный кинозал в соседней комнате. Гитлер сел в переднем ряду, а Геббельс лично встал к проектору.

По экрану замельтешили кадры, сначала пустые, без картинки, затем, в абсолютной тишине на экране появилась надпись, выполненная готическим шрифтом:

Кинокомпания UFA представляет фильм режиссера Лени Риффеншталь -Музыка не помешала бы. - пробормотал Гитлер себе под нос.

И музыка, ритмичная, навивающая некоторую тревогу и предчувствие приключений, не замедлила явиться. На экране же, рассматриваемый словно через дуло нарезного оружия, появился одетый в безупречный смокинг мужчина, прошел, провожаемый невидимым стрелком (казалось, что это ты, зритель, держишь в руках нацеленное на актера оружие) до середины экрана...

- Я ведь говорил сделать фильм цветным. - недовольно произнес Гитлер не оборачиваясь. ...резко развернулся в сторону кинозала, выхватывая пистолет, и выстрелил. Фюрер вздрогнул, картинка замерла. Экран, сверху вниз, начал закрашиваться красным цветом, словно это кровь с раны на голове заливала глаза зрителя.

- Густаф Грюндгенс в роли Йозефа Бонна, агента 007. - послышалось из динамиков.

- Цара Леандр в роли М. В других ролях...

На кровавой пелене, полностью поглотившей экран проступило название картины: "Казино "Ройал".

Киев, ул. Крещатик 02 июля 1939 г., около восьми вечера (время местное) Генералы, от комбригов до командармов 1-го ранга, самые обычные люди. Им тоже хочется порой передохнуть, отвлечься, пройтись по улицам и подышать свежим воздухом. Генералы, в конце-концов, такие же простые советские люди, так что неторопливодвигающийся по улице мужчина с петлицами комкора вызывал со стороны киевлян любопытные взгляды, и не более того.

Размышляющий о неожиданно полученном от Захарова, начальника оперативного отделения Генерального штаба, предложении плюнуть на отпуск и срочно перевестись на Дальний Восток, Георгий Жуков совершал променад, прикидывая все плюсы и минусы возможного нового назначения, и совершенно не обратил внимания на прилично одетого мужчину, оторвавшегося от чтения афиши на тумбе и стремительно догнавшего его.

Тот энергичной походкой миновал одного из лучших советских полководцев (о чем в СССР, правда, не знали) и свернул в подворотню. И лишь через несколько мгновений улицу огласил громкий женский визг - комкор, с широко распахнутыми глазами и выражением боли и изумления на грубом, мужественном лице, упал на колени и, спустя миг, завалился на брусчатку, демонстрируя окружающим торчащую из спины рукоять финки.

Канарис счел, что Советскому Союзу будет гораздо лучше обойтись без будущего Маршала Победы. Так сказать - а мало ли что?

Граница МНР и Манчжоу-Го (окрестности высоты Палец) 09 июля 1939 г., восемь часов вечера (время местное) Командир батальона тяжелых танков 7-ой мотоброневой бригады,

майор Бохайский, рассматривал силы наступающего неприятеля в бинокль, высунувшись из башенного люка своего Т-35. Видно было плохо - дующий с северо-запада ветер прямо в спины танкистам нес дым от чадающих японских танков ТК, Йи-Го и Ха-Го, и пыль из под копыт подходящих кавалеристов Лхагвасурэна, (26). Вид монголы имели весьма помятый - сегодня им хорошо досталось в сабельной сшибке с баргутской кавалерией. Взаимно, впрочем.

Вообще-то, сейчас батальон Бохайского должен был быть дислоцирован в районе Ленинграда, где тихонько формировалась 20-я бригада тяжелых танков, в составе столь же формируемого 10-го танкового корпуса. Однако, в преддверии скорой войны на востоке (ну, может и не совсем войны, но серьезного конфликта), 57-й особый корпус было решено усилить батальоном самых мощных советских боевых машин.

Сталин, правда, сомневался в целесообразности отправки Т-35 на берега Халхин-Гола, однако Ворошилов сумел убедить Вождя фразой: "Японцы поднаторели в строительстве линкоров. Так пускай знают, что у СССР они тоже есть - сухопутные". Мнением командования корпуса по этому поводу поинтересоваться никто не озаботился.

Когда к Улан-Удэ, по Транссибирской железнодорожной магистрали, прибыла гордость и краса харьковских танкостроителей, тяжелые танки Т-35, комдив Фекленко просто не знал, что делать с этими выкидышами танка Гротте, и не нашел ничего лучшего, как присокупить их к расположенной на левом фланге 7-ой мббр, (27) командир которой, полковник Чистяков, долго рассматривал прибывшую технику и чесал в затылке. Еще бы - на фоне БА-6, БА-10 и БА-20 его подразделения, Т-35 казались горами.

В последующие несколько дней, посмотреть на диковинки, выставленные в тылу расположения бригады, как "последняя линия бронеполковой обороны", приезжали все старшие командиры корпуса, и каждый гость интересовался у майора - как он умудрился добраться до позиций своим ходом, не потеряв ни одного этого сорока пятитонного чудовища. И получали неизменный ответ - "чудом". После чего Бохайский, в очередной раз, отправлялся в батальон, где озверевшие от жары танкисты сутками напролет занимались переборкой двигателей, заменой смазки, и прочими, не менее "приятными" делами.

Доволен во всем батальоне был, пожалуй, только командир третьей роты, старший лейтенант Максим Хальсен, поволжский немец родом из Энгельса. Перед переправой на восточный берег Халхин-Гола был часовой привал, и вылезший из своей машины немец, втянув в нос аромат ковыля, мечтательно произнес: "Эх, как у нас, в саратовских степях, прямо. Словно домой попал". После чего посмотрел на реку, и добавил - "Только Волга уж больно обмельчала". Офицеры, конечно же, посмеялись, однако название "Мелкая" или "Малая Волга" к Халхин-Голу в батальоне, а затем и во всем корпусе, приклеилось намертво. Дошло даже до того, что это наименование, в переписке с Генштабом, использовал сам Штерн.

Труды танкистов не пропали даром - к сегодняшнему нападению сто процентов машин батальона были боеспособны и готовы встретить хоть черта, хоть Бога, хоть инспекцию, хоть японцев. Из всех перечисленных, правда, реализовался только второй по неприятности (после инспекции) вариант. Японцы. 6-я отдельная армия генерала Огису Рюхэя начала атаку в половине пятого утра, сразу по всей протяженности спорной территории - от озера Одом-Нур на севере, до гор Хулат-Улиин-Обо и Эрис-Улайя-Обо на юге и юго-западе.

В 6 часов 15 минут началась мощная артиллерийская подготовка и авиационный налет на советско-монгольские позиции. К счастью, разведка не прозевала японские приготовления, и комдив Фекленко успел отвести большую часть войск с первой, ложной, линии обороны и поднять истребители на перехват.

В воздухе сражение завязалось жаркое - советские И-15 и И-16 схватились с японскими Ki 10-II и Ki 27. Более опытным японским пилотам удалось связать боем эскадрильи прикрытия, и часть Ki 31 и Ki 32 смогла прорваться и сбросить свой смертоносный груз, невзирая на яростный зенитный огонь, после чего, подошел черед начала наземной операции.

В девять утра перед позициями 7-ой мотоброневой бригады появились четыре десятка Ха-Го и Йи-Го 3-го и 4-го танковых полков. Маленькие юркие танчики, за которыми следовала поддерживаемая семью ТК-ашками пехота, стремительно приближались к окопам 161-го стрелково-пулеметного батальона, намереваясь без особого труда прорваться через позиции капитана Егоркова, почитая противника деморализованным артподготовкой и авиаударами.

К большому разочарованию японских танкистов, им сегодня на собственной шкуре предстояло узнать значение излюбленной поговорки майора Бохайского "Ваши нынче не пляшут". Меткий огонь противотанковых и башенных сорокопятак довольно быстро сократил количество японской бронетехники до тридцати одной единицы, после чего броневые автомобили перешли в контратаку, а подошедшие час спустя Т-35 довершили разгром первой волны наступления.

Собственно, в этот раз, повоевать танкистам Бохайского почти и не довелось - увидав приближающихся бронированных исполинов, поливающих врага огнем из 76,2-мм и 45-мм пушек да 7,62 пулеметов, японцы попытались было проверить их на прочность своими бронебойными снарядами, однако 57-и миллиметровые Тип 90 и 97 на Йи-Го и 37-и миллиметровые Тип 94 на Ха-Го (не говоря уже о 6,5-мм пулеметах шедших с пехотой "Токубецу Кенинся") и против БТ-5 были слабоваты, а тридцатимиллиметровая броня тяжелых танков оказалась им и вовсе не по зубам.

Видя количественное и качественное превосходства противника, японский командир очень быстро решил, что пора предпринимать отступление, пока от его бронетехники хоть что-то осталось, что и было исполнено со всей возможной поспешностью.

Едва противник отступил, как полковник Чистяков приказал отойти и своим бойцам - вовремя. Первые гаубичные снаряды начали рваться на оставленных позициях минуту спустя после того, как тягач-эвакуатор утащил последний подбитый Ба-20.

После артобстрела, естественно, позиции занимались красноармейцами заново.

За день японцы пробовали "на зубок" позиции 7-ой мотоброневой бригады еще пять раз, и батальон Бохайского понес свои первые потери - три танка было уничтожено авиаударами (к пяти вечера японцам удалось полностью завладеть инициативой в воздухе), а один Т-35 был подбит танком Ха-Го, сумевшим прорваться для выстрела в упор. Удача японца на этом, впрочем, закончилась - случившийся рядом танк Хальсена протаранил японца, отчего тому пришел быстрый и неприятный конец.

Еще шесть танков частично вышли из строя от поломок и незначительных повреждений и были отбуксированы в тыл, а из девяти пяти броневых автомобилей повреждена или уничтожена была почти треть. И вот, под самый вечер, очередная атака.

- Начнем встречу гостей, пожалуй. - задумчиво произнес Бохайский, закрывая крышку люка.

После гибели командира бригады, он, как старший из офицеров, принял командование ею на себя.

"Правда", 10 июля 1939 г. - "Битва за Малую Волгу" Малой Волгой зовут солдаты-красноармейцы Халхин-Гол, в нескольких километрах от которого проходит монгольско-манчжурская граница. Называют ласково, любя, как младшего брата нашей великой реки. Брата, может, и далекого, но оттого не менее родного и любимого. Брата, который нуждается в защите и заботе.

Широко раскинулись вокруг Халхин-Гола степи, широкие и привольные, такие же, как в низовьях Волги. Бывает, на несколько дней пути в них не повстречать ни единого человека, только сусликов да байбаков. Издревле пасут в этих степях своих мохнатых лошадок монголы, и звучит там лишь посвист ветра да протяжная песня пастуха, перегоняющего коней с пастбища на пастбище.

Но - чу! Что за грохот поднялся утром 9 июля у Малой Волги? Что за многочисленный стук копыт, равного которому не знала степь со времен Чингиз-хана?

Что за грохот, какого никогда не ведала седая степь?

Это японские милитаристы, подталкиваемые международной буржуазией, решили покончить с молодой монгольской Республикой. Поперек горла им стоят коммунисты Монголии! Много месяцев наращивали они мускулы своей военной машины для подлого удара, и - решились.

С жутким кроважидным оскалом пошли самураи на Советскую Монголию, стремясь растерзать молодое государство рабочих и крестьян, да не тут-то было! На пути их, перед Халхин-Голом, встал доблестный 57-й корпус Красной Армии. Штыком и гранатой встретили красноармейцы агрессора, встали насмерть. Потому что не было такого в истории, чтоб отогнал нашу армию противник за Волгу. А Халхин-Гол - Малая Волга.

Будет изгнан империалистический агрессор! Как бешеную собаку, загонят его бойцы Красной Армии и Монгольской Народной Республики в жалкую его конуру, да и прикончат без жалости и пощады! Храбрости советских и монгольских солдат - Слава! Империалистическим агрессорам, от нас, коммунистов - позор!

Внешний рейд Кильской гавани, борт учебного барка "Хорст Вессель" 10 июля 1939 г., около десяти утра - Ну и махины... - ошарашено прошептал Райс, глядя на выходящие из гавани "Гнейзенау" и "Шарнхорст". Буксиры уже отцепились от этих бронированных левяфанов, и теперь, постепенно набирая ход, оба корабля выходили на морской простор.

- А то, брат! - отозвался кто-то из кадетов. - Это тебе не наш малыш "Вессель", а линейные крейсера.

- Циликакс и Ферсте (28) себе сейчас все головы сломают, пытаюсь понять, что за желтые сигналы "Вессель" на реях развесил, так что не будут ли любезны господа морские кадеты закрыть рты, покуда местные птицы не начали кормить их червячками, и продолжить уборку парусов? - раздался снизу окрик боцмана. - Вы еще на "Шлезвиг-Гольштейн" бы вылупились. Ручками, ручками работаем, а не глазками, молодые люди. Это и вас, непотопляемый рейхсминистр, касается!

Карл фыркнул, и вернулся к выполнению поставленной задачи. Как и все, находящиеся на реях кадеты, он отвлекся от работы, провожая взглядом прекрасные в своей мощи боевые корабли - гордость Кригсмарине, - так что обращение боцмана лично к нему показалось Геббельсу придиркой. Подумаешь, засмотрелся на пару мгновений дольше, нежели остальные...

В Амстердаме барк проторчал не три дня, как обещал Дед, а целую неделю.

Двигатель-то починили в срок, но что-то, перед самым выходом, гикнулось в хозяйстве "короля воды, говна и пара" (29) - пришлось подзадержаться. Конечно, в открытом море кадетов непременно бы привлекли к ремонту, но в порту Шниббе решил, что будет себя чувствовать куда как спокойнее по выходу в море, если ремонт произведут исключительно профессионалы.

Зато, за время вынужденной стоянки, молодым людям продемонстрировали недавно вышедший приключенческий фильм режиссера Фрица Ланга "Бавария Фриц и Ковчег Завета", о похождениях молодого немецкого археолога. На протяжении всего фильма (позанимствованного Виххманом со случившегося тут же "Эмдена") Карла не оставляло два ощущения: то, что где-то он уже это видел, и то, что все в фильме идет как-то не так, как должно. Впрочем, не смотря на это, а также идиотское имя главного героя, приключения археолога с хлыстом и револьвером ему понравились, так что для себя он решил непременно побывать и на анонсированной в конце фильма второй части, "Бавария Фриц и Святой Грааль". Когда ее снимут, конечно.

На мачтах линейных крейсеров взвились сигнальные флаги - "Шарнхорст" и "Гнейзенау" приветствовали возвращающийся в порт "Хорст Вессель". Над палубой пронесся свист боцманской дудки, приказывающий спускаться кадетам, закончившим уборку парусов, барк салютовал вымпелам боевым кораблям, после чего замолотил дизель, и "Вессель" двинулся в порт.

- Э-э-эх. - потянулся Арндт. - Еще полторы недели, и отпуск.

- Экзамены сдать не забудь. - посоветовал Вермаут.

На причале кадетов ожидал Медор, который, невиданное дело, улыбался. Не скалился, как это с ним бывало довольно часто, а именно улыбался, нормальной человеческой улыбкой.

- Ну что, орлы... из тех, что деревья клюют. - обратился он к кадетам, когда те, с вещами, выстроились на пирсе. - Наслышан о ваших похождениях.

Покуда суть да дело, пока молодые люди покидали места вахт согласно расписания, забирали вещи из кубриков, строились, Медор, с новенькими погонами гауптбоцмана на плечах, успел переговорить со Шниббе и Виххманом.

- Что сказать?.. - он выдержал театральную паузу. - Молодцы, хвалю! Честь училища не посрамили, все кабаки и бордели в портах стоянки взяли на абордаж.

- Не все! - раздался откуда-то из строя дерзкий и, одновременно, возмущенный выкрик.

- Виноват. - поправился гауптбоцман. - Все, на какие хватило финансов. На сегодня все могут быть свободны, но завтра, в восемь ноль-ноль, быть в экипажах.

Вопросы есть? Вопросов нет. Всем разойтись. А вас, Геббельс, я попрошу остаться.

Карл опешил. Он определенно не мог припомнить за собой ничего такого, что заставило бы Медора обратить внимание именно на него.

- Вольно, кадет. Вольно. - произнес подходя гауптбоцман.

- Поздравляю с присвоением звания! - Карл щелкнул каблуками.

- Спасибо. - кивнул Медор. - Но все равно, была команда "вольно".

Корветтенкапитана фон Шпильберга тоже не забудьте поздравить. Как раз он-то и желает вас видеть, причем срочно.

- А... что случилось, герр гауптбоцман? - осторожно поинтересовался Геббельс.

- Расширяют нас. - вздохнул тот. - Подводников теперь гораздо больше требуется, так что ежели вдруг надумаете идти по штурманской части, в Мариншуле переводиться уже не надо. В связи с этим и звания досрочно присвоили многим. - тут Медор насмешливо фыркнул. - Ах, черт, вы же про себя спросили. Не знаю, кадет. Честное слово - не знаю. Могу точно сказать, что с учебой это связано вряд ли. Я бы был в курсе.

Гауптбоцман поглядел на часы.

- Садитесь в машину, я вас подброшу в училище. - он мотнул головой в сторону служебного "Опель-Кадета KJ38", числящегося при их учебном заведении. - Заодно расскажете как поход прошел.

Медор, как неожиданно выяснил по дороге Карл, мог быть и вполне адекватным собеседником, что для Геббельса, привыкшего к постоянной язвительности и злым шуточкам гауптбоцмана, стало настоящим откровением. Тот от души посмеялся над историей с плавающим якорем, внимательно осмотрел купленные для Аделинде подарки (тут уж сам Карл проболтался. На вопрос "А как получилось, что вы четверо в Ресифи вернулись на борт трезвыми", он ответил совершенно честно и по существу, после чего гауптбоцман вежливо (sic!) попросил (sic!!!) продемонстрировать покупки) и похвалил вкус молодого человека. После чего даже припомнил, какие подарки он привозил из плаваний своей невесте, а потом, соответственно, жене.

Видеть Медора "с человеческим лицом" было настолько непривычно, что Геббельс поневоле начал подозревать какой-то подвох.

- А вы что думаете, кадет, унтер-офицерский состав существует лишь для того, чтобы сырыми есть младших по званию? - рассмеялся гауптбоцман, видя его растерянность. - Разумеется, мы так же кушаем, дышим, любим, страдаем, только если вас не гонять в хвост и в гриву, как же из вас сделать настоящих моряков?

На "Весселе", поди, мои придирки вспоминали с этакой мечтательностью: "Вот бы Медора сюда - он так не гоняет".

- Ну, - смутился Карл, - честно говоря - да. Особенно поначалу. А... можно вопрос?

- Да ради Бога.

- Скажите, герр Медор, вот вам уже тридцать шесть, вы в училище не первый год... Как так получилось, что вы еще не офицер?

- Думаете, не предлагали пойти на курсы? - хмыкнул гауптбоцман. - Еще как, и едва ли не в приказном порядке. Я ведь из рядовых матросов в унтера с португеей вышел. Только кто ж вас по плацу и спортзалу будет гонять, если меня куда-то переведут с повышением? Нет, кадет, вот отправят из училища по ротации, тогда и будет смысл думать об офицерских погонах. А пока я на своем месте и при своем деле. Кстати, мы приехали.

Автомобиль тормознул у КПП. Карл попрощался с Медором, которому еще предстояло получать со складов амуницию, и поспешил в кабинет командира роты. После обязательных уставных приветствия и доклада ("По вашему приказанию явился"), Геббельс поздравил командира с повышением в звании и получил предложение присаживаться.

- У меня для вас скверная новость, кадет. - без обиняков и экивоков произнес Шпильберг. - Пока вы находились на борту "Хорса Веселя" погибла вдова вашего дяди, фрау Эльза Геббельс, и все трое ваших племянников. Примите мои соболезнования.

- Как? - выдохнул Карл. Теперь он на собственной шкуре узнал значение слова "ошарашить" - ощущения были такие, будто бы по голове пришелся удар набитого песком мешка.

Юноша "поплыл" - он слышал и понимал все, что ему говорят, но как будто бы откуда-то издалека, с расстояния.

Конечно, он никак не мог испытывать особо теплых чувств ни к тетке, ни к племянникам - ведь он их совершенно не помнил (если уж быть точным, то он их никогда и не знал. Более того, люди это были совершенно нереальные, выдуманные, но Карлу-то сие было неведомо). Однако любому человеку, если только он не отшельник, не добровольный изгой, приятно и тепло осознавать, что есть, где-то там, близкие и родные люди, люди, связанные с тобой узами крови. Люди, которые придут на помощь, даже если и не очень хочется. Твои тылы, выражаясь военным языком.

И вот теперь Карл вдруг осознал, что он остался один во всем этом мире. Мире подлом, жестоком - один одинешенек.

Нет, "скупая мужская слеза", как любят выражаться романисты, не прокатилась по его щеке. И острого приступа жалости к себе он не испытал. Он был именно что "ошарашен" - растерян, пришиблен свалившейся новостью, но не более того.

- Пожар. - ответил корветтенкапитан. - Дом выгорел в считанные минуты.

Спасти не удалось никому.

- Мне... наверное... нужно съездить... - слова давались как-то с трудом, их приходилось из себя выталкивать, выпихивать наружу непослушным языком.

- Не стоит. - покачал головой Шпильберг. - Не стоит, поверьте опытному человеку. Похороны уже состоялись две недели назад, да если бы и нет - вы бы не смогли никого опознать. Во-первых, у вас амнезия, а во-вторых, обгоревшие трупы...

Да и не увидите вы там ничего, даже закопченных стен. Юридическое управление флота взяло на себя хлопоты по оформлению вашего наследства и продало участок и развалины под стройку.

- Простите? - помотал головой Карл. - Я не совсем понимаю.

- Ну что же тут непонятного? Ваш дядя в свое время приобрел небольшой дом на окраине Данцига. После его гибели дом наследовали жена и дети, а после их гибели - вы, как единственный родственник. Фрау Эльза была сиротой. Наследие Великой войны... Кроме того, как выяснилось, ваш дядя был крайне предусмотрителен и застраховал дом, в том числе и от пожара. Страховка еще не истекла, так что и страховая сумма подлежит выплате. Так как на момент открытия наследства восемнадцать вам еще не исполнилось, Кригсмарине, как ваш законный опекун - вы все же в военном заведении учитесь, - взяло на себя заботы по оформлению вашего наследства на себя. Ну, а поскольку двадцать девятого июня вам исполнилось восемнадцать лет, вы совершеннолетний и можете получить все причитающиеся вам денежные средства в финчасти - начальник ее предупрежден и ждет вас.

- Двадцать девятого? - как-то растерянно произнес Карл. - А я и не знал...

"Нехило ж мы мой день рождения отметили", мелькнула у него мысль.

- Амнезия, понимаю. - кивнул командир роты. - Еще раз примите мои соболезнования, а теперь прошу меня извинить. Дела.

- Да-да, конечно. - пробормотал Геббельс поднимаясь.

- И не забудьте посетить финчасть, кадет. Долго такую сумму мы в кассе держать не можем.

Монголия, 2 км. к востоку от р. Халхин-Гол 19 июля 1939 г., около восьми утра Задумавшийся о невеселых перспективах ВрИО командира бригады, майор Бохайский, порезался бритвой и чертыхнулся.

За девять дней боев от седьмой мехбригады осталась едва ли четверть, да и приданный ей батальон тяжелых танков из двадцати семи машин потерял уже пятнадцать. Четыре из них, правда, были вполне способны вести огонь, но вот передвигаться самостоятельно им в ближайшее время не грозило.

Самым неприятным было то, что вклинившиеся между бригадой и 24-м мотострелковым полком японцы сумели наладить прорыв и практически отрезали левый фланг корпуса от основных сил еще четыре дня назад, создавая угрозу окружения у высоты Палец и заставляя растягивать невеликие силы бригады по все увеличивающемуся фронту.

Принявший командование флангом корпусной комиссар Лхагвасурэн приказал отходить к Халхин-Голу - его 15-й и 17-й кавполки 6-ой кавалерийской дивизии также понесли значительные потери и не могли удерживать наступающего неприятеля.

Сейчас под контролем советско-монгольских войск оставался лишь предмостовой плацдарм, и то, что большую часть гаубиц 60-го и 82-го полков, а также 61-ой гаубичной бригады удалось не только спасти, но и переправить на западный берег, радовало мало. Еще немного, еще небольшое усилие, и стоящая южнее 9-я мотоброневая бригада, почти лишенная тяжелой артиллерии, не сможет удержать свой предмостовой плацдарм, и японцы перейдут через Халхин-Гол, отрезая весь корпус от тыла. Судьба левого фланга в этом случае была незавидна - окружение и полное уничтожение становились неизбежны. 24-й мотострелковый, 149-й стрелковый полки и 5-ю стрелково-пулеметную бригаду зажали между Халхин-Голом и Хайластын-Голом (попутно выбив все имеющиеся в их составе Т-37А), отчего отступить пришлось и остальным силам центра, оставив переправу через приток к Малой Волге врагу. Мост, конечно, взорвали, ну так японцы тоже не пальцем деланные - починить все можно.

Правда, на правом фланге 8-я кавалерийская дивизия маршала Чойбалсана, при поддержке 8-й мехбригады, успешно провела наступление, наголову разгромила смешанную японско-манчжурскую бригаду и грозила перерезать дорогу на Хайлару, да и с прибытием позавчера асов испанского неба, во главе с самим Яковом Смушкевичем (добирались они силами транспортной авиации, потому и появились в авиаполках уже на восьмой день боев), резко изменилась ситуация в небе. "Генерал Дуглас" и его опытейшие бойцы в первый же день так умудрились намекнуть японцам на необходимость умерить свои амбиции, что те уже третьи сутки безуспешно приходили в себя, и уже СБ-1 заходили в атаку на их позиции, а не Ki 31 и Ki 32 - на советско-монгольские.

Собственно этим, наверное, и объяснялось сегодняшнее затишье. А может быть самураи просто вымотались наступая? Или передислоцировали силы для решающего удара? Бохайский не знал.

- Командир! Командир! - к майору подбежал Хальсен.

Бохайский снова чертыхнулся, вытер полотенцем лицо от остатков пены и недружелюбно поинтересовался у своего начштаба (начальник штаба бригады, майор Лисовский, был тяжело ранен в первый же день боев, так что на эту должность назначили старлея, чему несчастный немец безумно "обрадовался"):

- Что, японцы сдаются? Чего орешь?

- Командир, приказ из штаба корпуса. Завтра утром начинаем наступление.

- Они что там, охерели?! - взорвался Бохайский. - Чем я им должен наступать?

- Вот этим, наверное. - старлей кивнул куда-то за спину майору.

Бохайский обернулся в указанную сторону, и увидел на западной стороне реки, где-то еще очень далеко, облако пыли.

- Монголы? - мрачно поинтересовался он.

- Никак нет. - хмыкнул Хальсен. - Подкрепления наконец добрались, из тех, что еще до начала боев сюда направляли. БТ-5 и БТ-7 в количестве восьми батальонов, и четыре полка пехоты. Все, Егор Михайлович, конечно, нам не дадут, но...

Немец умолк, и с хитрым прищуром поглядел на командира.

- Знаешь что, Максим Александрович? - хмыкнул Бохайский. - А ведь, похоже, наша головная боль с командованием бригадой и ее штабом закончилась. Попроси-ка ты политрука довести до личного состава новости.

Кумерсдорфский танковый полигон 19 июля 1939 г., шесть вечера. Несколько генералов, стоя на специально выстроенной трибуне, внимательно наблюдали за маневрами прототипа, передвигающегося по полю. Танк разработки Фердинанда Порше, здоровенный, и пока довольно неуклюжий, с трудом вскарабкался на пригорочек, повернул квадратную башню с 88-и миллиметровой "пушкой Арндта", и выстрелил по цели. Снаряд оставил в 50-и миллиметровом бронированном листе рваное отверстие.

- Впечатляет. - буркнул себе под нос Манштейн.

Бронированная машина, тем временем, перекатилась через небольшой ров, покрутилась над окопом, в пару минут закопав его собственными траками, преодолела, значительно пробуксовывая, еще одну горочку, после чего остановилась на специально подготовленной площадке. Экипаж покинул танк, после чего расположенные спереди и сбоку 20-и и 37-и миллиметровые противотанковые пушки начали обстреливать прототип бронебойными снарядами с двух сотен метров.

- Да, действительно впечатляет. - произнес фон Браухич, не отрываясь от окуляров бинокля.

Снаряды отлетали от брони экспериментального PG-1, как горох от стены.

При разработке машины, Порше, не мудрствуя лукаво, взял за основу танк, так никогда и не пошедший в серию - разработанный для СССР Танк Гротте, для чего, конечно, пришлось привлечь к работам и его создателя.

Прообраз, впрочем, был кардинальным образом переделан. Получившийся в результате танк изрядно отличался от ТГ и больше всего напоминал коробочку. Отказавшись от многобашенной схемы (хотя Гротте и настаивал на установке башенки с пулеметом поверх основной башни), башню с KwK 36 L/47 (30) перенесли ближе к передку танка, увеличили бронирование до 60-и миллиметров в лобовой части и 45-и миллиметров по бортам и корме, впихнули в нутро майбахавский движок, установили "шахматную" подвеску Книппкампа, в результате чего получилось то, что получилось. Не очень маневренная (но и не так, чтоб совсем уж неповоротливая) и довольно медлительная угловатая коробка с мощным оружием и двумя пулеметами.

- Проходимость скверная, да и скорость не ахти. - отметил Гудериан. - Дорабатывать машину надо. Хотя, да, впечатляет.

Заключение комиссии по результатам испытания танка Порше-Гротте PG-1 (выдержки) ...длина корпуса 6500 мм., ширина корпуса 3315 мм., высота 3150 мм... боекомплект пушки 84 снаряда... в общем и целом, соответствует новой спецификации на танк Pz-IV Ausf. F, притом существенно от него отличаясь... необходимы следующие доработки: - улучшить проходимость танка за счет увеличения ширины траков; - увеличить скорость движения по пересеченной местности с 15 км/ч до, как минимум, 20 км/ч и до 30 км/ч по шоссе с имеющихся 25 км/ч; - увеличить запас хода до 120 км по шоссе с имеющихся 90 км, и до 70 км по пересеченной местности с имеющихся 55 км...

После устранения недостатков принять танк PG-1 на вооружение с присвоением обозначения Pz-V "Donner".

Киль, Военно-морское училище 20 июля 1939 г., час дня - Сдал? - к вышедшему из аудитории Карлу повернулось сразу несколько встревоженных лиц. Еще бы, последний экзамен в сессии - никому не хотелось оставаться на переэкзаменовку, вместо того, чтобы отправиться в отпуск, по домам.

- Нет. - хмыкнул Геббельс. - Это Бибенкопф сдался.

- И как он? Лютует? Валит? - посыпались со всех сторон вопросы.

- Да нет, пришибленный сегодня какой-то. - пожал плечами Карл. На экзамен он отправился первым.

- Еще бы. - усмехнулся Вермаут. - Не удивительно.

- Что ты имеешь в виду? - удивился кто-то из кадетов.

- Йоган, иди сдавать, дай нам тут посплетничать. - вздохнул Отто.

- Я и сам могу рассказать. - фыркнул тот, но совету последовал.

- Ну все, - хохотнул Вермаут, - считайте что сессия у нас в кармане.

- Да что случилось-то? Рассказывай! Не томи! - кадеты столпились вокруг Отто, разом позабыв и про экзамен, и про связанные с ним тревожнения.

- Ну, господа, право это даже неприлично, столь мало интересоваться жизнью товарища. - ответил тот. - Вчера Бибенкопф застукал Арндта, когда тот целовался с его дочкой.

Кадеты разразились насмешливыми возгласами и свистом.

- Это еще не все! - Вермаут указал пальцем вверх, призывая однокашников к тишине. - Математик собирался затеять скандал, однако наш Казанова, ничуть не смущаясь, заявил, внимание, что после окончания училища намерен просить руки Мариты.

Вокруг снова разразилась буря эмоций, хотя теперь уже в ней превалировало удивление.

- Надо ли объяснять, как герр Бибенкопф был "счастлив" услышать такое от первейшего раздолбая во всем училище?

- Отто, ты скромничаешь. - раздался чей-то насмешливый голос. - На самом деле он только второй.

- Если бы я был таким раздолбаем, как ты говоришь, то жениться пришлось бы мне. - усмехнулся Вермаут. - Так что второй как раз я, получается. Даже третий. У нас, вон, еще непотопляемый рейхсминистр есть.

- Иди ты. - вспыхнул Карл.

- И пойду. Вот Йоган выйдет из аудитории, и я пойду. А ты иди вещи собирай и отправляйся покупать любовное гнездышко в Шарлоттенбурге.

- Вот ну ничего ему рассказать нельзя. - пробормотал Геббельс. - Сам-то собрался?

- А то! Еще с вечера.

Жить все лето у Арндтов Карл счел неудобным - как ни настаивал на этом Йоган. К тому же наследство неожиданно оказалось довольно крупным, так что от увещеваний друга он отмахнулся, и заявил, что лучше купит себе небольшой дом или квартиру.

Во время своих недолгих отпусков кадет собирался поселиться там, в остальное же время - сдавать. Йоган в ответ обозвал его жилищным магнатом, а вот Отто, неожиданно, поддержал, и даже вызвался помочь в выборе жилья. С тем, само собой, чтобы погостить потом недельку.

"Мели, мели языком", подумал Карл, отворачиваясь. "Мы и тебе девушку найдем. А то смотрите какой холостяк закоренелый нашелся".

Вашингтон D.C., Белый дом 20 июля 1939 г., около полудня (время местное) - Браво, браво Корделл. - сенатор Бирнс похлопал в ладоши. - Двух зайцев одним ударом. И японцев на русских натравил, и переговоры по покупке "Тирпица" сорвал.

- Второе прямо вытекает из первого, Джеймс. - вежливо улыбнулся Госсекретарь.

- Гитлер заигрывает с Советами и не поддержит их врагов. К тому же Сталин и так имел виды на "Тирпиц" и "Лютцов". Собственная программа строительства флота выполняется очень медленно, вот и крутятся tovarischî как могут.

- Да, программа у них амбициозная. - кивнул Рузвельт. - Планируют Англию переплюнуть по кораблям.

- Фантазии. - фыркнул Бирнс. - Проектирование. У СССР нет таких строительных мощностей.

- Пока - нет. - согласился Президент. - Однако, мир меняется. Как ты полагаешь, Корделл, япошки сцепились с русскими надолго?

Госсекретарь пожал плечами.

- Зависит от того, кто одержит верх при Номон-Хане. - ответил он. - Если русские, то вряд ли. Возвращением Порт-Артура они не грезят, да и заварушка на востоке им попросту не нужна. Конечно, если китайские коммунисты спихнут Чай Кан Ши, большая война практически неизбежна, да только силенок у китайцев на переворот не хватит. Ну, а если победу одержат японцы, то тут вторая русско-японская война становится объективной реальностью. Не отдаст Сталин монголов на съедение, да и щелчки по носу не спускает.

- Ты полагаешь, японцы смогут повторить свой успех 1904-го года? - поинтересовался Рузвельт у Халла.

- Очень в этом сомневаюсь. - ответил Госсекретарь. - Тихоокеанский флот Советов, конечно, они утопят не напрягаясь, это верно. Даже высадку во Владивостоке могут устроить. А вот на суше им против СССР делать нечего. На западных границах русских сейчас на редкость спокойно, так что Сталин сможет перебросить на Дальний Восток значительные силы, и сотрет японцев в порошок. Не сразу, конечно, год или даже два у него это займет, но в одиночку Хирохито не выстоит.

- За два года в Европе может произойти очень многое. - задумчиво произнес сенатор Бирнс. - И, в любом случае, ослабленная войной Япония нам выгодна, как и СССР, впрочем.

- Да. - кивнул Франклин Делано. - Косоглазым стоит помочь.

Париж, Елисейский дворец 21 июля 1939 г., половина одиннадцатого утра (время местное) - И чем нам это может грозить, Жорж? - поинтересовался Даладье у своего министра иностранных дел.

- Да, собственно, ничем. - пожал плечами Бонне. - Если Советы увязнут в Китае так же, как и японцы, то конкуренцию в других регионах ни одна из противоборствующих сторон не сможет нам составлять минимум год. Ну а там, глядишь, и в Китае можно будет усилить свои позиции. Опять же, поставка техники и вооружений обеим сторонам дело прибыльное...

- А что с Германией? - председатель Совета Министров испытующе поглядел на своего собеседника.

- Гитлер пока осторожничает. - Жорж Бонне слегка помрачнел. - Его мнение - Рейх может выступить против СССР только в том случае, если последний увязнет на востоке. Или, что тоже вполне возможно, если Красная Армия покажет свою несостоятельность, неспособность вести современную войну. Кроме того, он выставил два условия.

- Очень интересно. - оживился Эдуар Даладье. - И какие?

- Первое - в походе на Россию, кроме Вермахта и Войска Республики Обоих Народов будет участвовать и французский контингент. Он не просит много солдат, он просит обозначить наше присутствие в борьбе с коммунистами. Дивизия-две, не более.

- Это можно. - немного подумав ответил председатель Совета Министров. - Кроме того, можно будет провести наступление совместно с японцами и, если удастся склонить на свою сторону Иненю, и с турками. Англичане, полагаю, тоже поспешат присоединиться - в конце-концов, перебросить свои части в Сирию из Египта им будет не столь сложно. Поддержать франко-японские силы в Китае из Индии и Сингапура, полагаю, они тоже не откажутся. Главное, чтобы эти бестии не наложили лапы на кавказскую нефть в обход нас.

- А если нам не удастся убедить Иненю начать войну с СССР?

- Главное - пускай позволит пройти по своей территории нам. - усмехнулся Даладье. - Иначе мы пройдем по ней без его соизволения.

- Нам трудно будет оправдать такие действия против Турции. - заметил Бонне. - Как перед мировой общественностью, так и перед своим народом.

- К черту общественность! - фыркнул глава Республики. - Меня больше волнует то, что придется потратить время, разгоняя этих янычар. Так что, Жорж, ты уж расстарайся, но обеспечить нам хотя бы дружественный нейтралитет турков.

Министр иностранных дел кивнул. В принципе, он не считал поставленную задачу столь уж невозможной.

- Ладно, что там за второе условие у Гитлера? - поинтересовался Даладье. - Ты, кажется, говорил что их два?

- Второе - Чехословакия. Перед вторжением в СССР он хочет включить Чехию в состав Германии. Мощицкий, кстати, его поддерживает, да и Хорти тоже. Поляки на пару с венграми облизываются на Словакию.

Председатель Совета Министров, министр национальной обороны и военный министр Республики на некоторое время задумался.

- Немцы хотят получить промышленно развитую Чехию... - наконец произнес он. - Что ж, хорошо. Формально, разумеется, мы осудим такие действия всех трех стран, но мер никаких не предпримем. Сообщи Гитлеру, что мы согласны на его условия. Ну-с, а про Румынию что скажешь?

- Вот с Румынами все не столь хорошо - Кароль II и Калинеску ни в какую не желают воевать с русскими. Если только те не оттяпают у них Бесарабию с Буковиной, конечно. Венгры, опять же, точат зубы на Северную Трансильванию, а это также осложняет дело.

- Ну, если румыны потеряют какие-то территории, то это может привести к власти более сговорчивых политиков. - задумчиво произнес Даладье. - Да и позиция Турции тут на многое влияет. Обеспечь мне поддержку Иненю, Жорж. Уговаривай, улещивай, даже, если хочешь, угрожай. Не в том турки положении, чтобы спорить с Францией.

Лондон, Даунинг-стрит, 10 21 июля 1939 г., около полудня (время местное) - Не думаю, что идея выступить в поддержку Японии открыто - хорошая. - произнес лорд Галифакс. - Гораздо большего мы добьемся поддерживая Чай Кан Ши.

В конце-концов, Китай еще совсем не так давно находился в полном нашем распоряжении, и я не вижу причин, почему такое положение не может установиться вновь. Поддерживая борьбу китайцев за свою независимость, мы сможем полностью закабалить их экономически. Мне ли вас учить, Невилл, как это делается? Товарные кредиты, военные поставки, услуги "консультантов"... Денежные кредиты, которые непременно разворуют, наконец. Несколько лет - и Поднебесная у нас в кармане.

- Все это так, но если русские победят японцев, их позиции в Китае усилятся за счет местных коммунистов. Сможет ли их прижать Чай Кан Ши? Я в этом серьезно сомневаюсь. Все то, что вы мне сейчас изложили, Эдвард, конечно нужно сделать, и это будет сделано непременно, но сначала необходимо устроить серьезную войну для СССР. И не с Японией - ни те ни другие не устроят друг другу хорошей бойни. С Германией. Вот уж кто с охоткой пойдет на восток.

- Между Германией и СССР лежит Польша. - заметил Эдвард Вуд. - А поляки в особой любви к немцам не замечены, как, впрочем, и наоборот.

- Ну и замечательно. - пожал плечами Премьер-министр. - Пускай Гитлер еще и Польшу сожрет. Он, полагаю, будет такому только рад.

- Но Польша - союзник Франции, как и наш! - изумился Галифакс. - Я не представляю, как мы объясним Парламенту такую жертву.

- Да не будем мы ничего объяснять. - поморщился Чемберлен. - Объявим войну Германии, и все. А воевать не станем. Пускай Гитлер обломает зубы о восточных соседей, выдохнется, а тогда... Тогда можно будет и нам оружием побряцать. В Ливии не так давно нашли нефть. Через год-другой там появятся скважины, буровые вышки - все, что нужно - Муссолини об этом позаботится. Вот тогда мы придем туда на все готовое. Без лягушат-

ников, правда, тут не обойтись, ну да поделим как-нибудь. Заодно и Китаем займемся по твоему плану.

- А туда не попробует влезть Франция? - поинтересовался лорд Галифакс.

- Ну что вы, Эдвард. - усмехнулся Чемберлен. - Они будут заняты войной с материковой Италией.. какое-то время. Мы ведь совсем не стремимся сталкивать лбами флот макаронников и Роял Нэви?

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 21 июля 1939 г. три часа дня,

- Это, несомненно, происки мировой плутократии. - заявил Гесс. - Война с СССР может принести нам успех... Да, может. Огромные территории, ресурсы - все это верно. Но может привести и к катастрофе. Нет, я не сомневаюсь в величии германского народа. Но вопрос не в том, победим мы русских, или нет, а в том, какой ценой нам это дастся.

- Нам стоит думать и о том, какой ценой нам дастся победа над Великобританией. - невозмутимо заметил Канарис.

- Нет, геноссе. - Гитлер обвел пристальным взглядом всех участников совещания.

- Нам нужно думать о том, как устроить новую Великую войну, и самим не оказаться втянутыми в нее. Хотя бы до времени.

Москва, Кремль 21 июля 1939 г., девять вечера (время местное) - Ви хотите развязать большую войну в Манчжоу-Го, товарищ Ворошилов. - мягкие сапожки Вождя бесшумно ступали по ковру, покуда он крошил в трубку табак из любимых своих "Герцеговина-Флор". - И у вас есть для этого основания - численно превосходящий враг понес огромные потери атакуя почти не укрепленные наши позиции, хотя и смог нас потеснить. Последнее, впрочем, тактически было неизбежно. Но большая война на востоке советскому народу совсем не нужна.

Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну. Да и на западе нам война не нужна, если уж на то пошло.

Мы - миролюбивая страна. Нам чужого не надо. Нам бы свое удержать. Ну, и немного подвинуть финнов от Ленинграда.

Сталин зажег спичку и начал раскуривать трубку.

- Это... - он выдохнул серо-синий табачный дым, - возможно достичь дипломатическими методами, товарищ Литвинов?

- Мы постараемся. - ответил Максим Максимович. - Но стоит, я полагаю, сначала заручиться поддержкой Швеции в этом вопросе.

- Уверен, что Александра Михайловна (31) сможет надлежащим образом преподнести шведскому кабинету наши намерения.

Шарлотенбург, Абберштрассе, 3 24 июля 1939 г., девять утра - Весьма и весьма недурно, молодой человек. - Дитмар Арндт оглядывал необставленную, пока еще, квартиру - Скажешь тоже, "недурно", дядя Тим. - возмутилась Аделинде и повернулась к Карлу. - Квартира замечательная, Калле!

Каким образом Отто отыскал это жилище, можно было только догадываться, поскольку сам Вермаут на вопросы отвечал исключительно зубоскальством. Две комнаты в шестиэтажном доме начала века, расположенном на тихой улочке (однако, совсем недалеко от Эрнст-Реутер-Платц и Берлинской высшей технической школы), обходились Карлу практически во все имеющиеся средства, отчего его терзали сомнения - покупать, или поискать что поскромнее.

Деньги, у живущего на одну стипендию морского кадета - нет, после экзаменов уже фенриха - были больным местом. Это с одной стороны. А с другой - квартира располагалась всего в нескольких кварталах от дома Аделинде, да и сдавать ее (квартиру, а не девушку) можно по вполне приличной цене.

Именно эти соображения и вынудили его позвать всех друзей и потенциальную невесту осмотреть жилище, дабы они могли высказать свое мнение по этому поводу.

Правда, батюшка Йогана, в доме которого Карл покуда квартировал, категорично заявил, что тоже пойдет глядеть квартиру, "а то знаю я вас, молодежь. Посмотрите поверхностно, на щедрые посылы агента позаритесь, а потом в этом доме жить. А я человек пожилой, и не в одном доме, если гниль или еще какое безобразие - мигом и определю. И не спорьте - сам я таким молодым и горячим что ли не был?"

Помню эти времена, как вчерашние дни".

Конечно же, он беспокоился о судьбе племянницы. Ибо, если молодой человек покупает дом - это неспроста. И дом должен быть хорошим.

Граница МНР и Манчжоу-Го (окрестности высоты Палец) 01 августа 1939 г., около семи вечера (время местное) От батальона Бохайского боеспособными осталось лишь три Т-35, однако командир бригады (официально утвержденный в должности на время кампании против японцев) рвал и метал.

- Да я маршем до Токио пройду!

- До Токио нельзя - потопнем в проливе. - резонно заметил Хальсен.

- Да хоть до Пьянспьяну! Какая к черту разница?

Как всегда подполковник (уже два дня как) Бохайский отказывался запоминать настоящие названия городов в Корее и Китае. Впрочем, с монгольской столицей он тоже обошелся по свойски, поименовав ее как "Мужлан-Трактор".

Причина, столь огорчившая героического танкиста была в приказе командарма Штерна, отдавшего приказ наступление, по выходу на монгольскую границу, прекратить.

Приказ, по мнению подполковника не просто глупый - предательский, позволяющий зажатым между Номон-Ханом и озером Узур-Нур японцам отступить, избегнув заслуженного котла. Конечно, он не знал, что распоряжение пришло лично от Вождя, и теперь кипятился, исходя бессильной злостью. Однако поделать ничего не мог - приказ двусмысленных толкований не предусматривал.

- Егор Михайлович, погляди на это с другой стороны. - попытался урезонить командира Хальсен. - Глядишь, скоро обратно под Харьков вернемся, к семьям, к женам.

- К теще. - скептически хмыкнул подполковник. - Нет уж, Максим Александрович, в скором времени нам Украины не видать.

- Это почему? - удивился старлей.

- Потому, что нам еще наши танки из этой степи вытаскивать. - вздохнул экс-майор.

Примерно половина потерь батальона была не боевой - Т-35, и в обычных-то условиях не отличавшиеся особой надежностью, в условиях боевых очень уж часто ломались. - А это надолго. Так что, товарищ старший лейтенант, подыскивай себе временную тещу из местных. С хохлушками ты еще не скоро прогуляешься, да и с фройлянами из Новой Баварии тоже.

Бохайский тоскливо поглядел куда-то в степь, вглубь вражеской территории, и вздохнул.

- Эх, а я-то думал, хоть в Мудодзяне советскую власть установим.

Надо полагать, князь Мэнцзяна, Дэ Ван Дэмчигдонров, слышал от европейцев и не такие названия своей страны. Ну да, что с этих варваров, не знающих нормального языка, вообще взять?..

"Правда", 01 августа 1939 г. - "Железные люди в степных кораблях" Кораблями пустыни называют верблюдов. Стальными кораблями степей называют советские танки Т-35 бойцы 57-го Особого корпуса, наголову разгромившего японских империалистов в степях Монголии. Доблесть и мужество, ярый жар коммунистических и комсомольских сердец выжгли империалистическую заразу, вырвали у ядовитой гадюки ее хищные зубы.

Но не только на передовой куется победа - враг был разбит не только мужеством советских и монгольских солдат и командиров, но и техническим превосходством СССР. Советская наука является самой передовой в мире, а советские танкостроители и оружейники заслужено держат пальму мирового первенства в своих областях. Недаром, в прошлом году, бывший на маневрах советской бронетехники, британский командер Д. Хеллборн,

при виде танков Т-35 и Т-28 воскликнул: "Это поразительно! Я был уверен, что линкоры - это корабли, а не танки!" Так и императорской Японии пришлось на своей шкуре почувствовать, что для советского народа нет ничего невозможного, и, если потребуется, корабли появятся даже в степях. И вести их будут, железной рукой, советские танкисты - пламенные борцы за дело Сталина-Ленина.

В. Багрянцев

Шарлотенбург, Абберштрассе, 3 31 августа 1939 г., четыре часа дня Аделинде задумчиво оглядела эту, вмиг опустевшую без хозяина квартиру. Всего-то и две недели прошли после помолвки, а она уже так привыкла к своему Калле. Ей казалось - этот дом неотделим от него, и вот... опять она одна, а жених с кузеном Ханно где-то там, в Киле, грызут гранит науки, готовятся стать офицерами Кригсмарине.

Вернее - будут грызть. Завтра. Нынче-то они только выходят на перрон.

Помолвка прошла по всем правилам - со священником, представителем партии и гостями от командования. Господин Порше также почтил их скромный праздник присутствием, что-то горячо рассказывал ее жениху... А она в этот день "плыла".

Да, нет смысла отрицать - Ханно с самого начала предупреждал ее письмами, что желает познакомиться с другом. И, да, тот понравился ей сразу. Она просто не ожидала, что столь, казалось бы, застенчивый юноша будет столь настойчив в ухаживании. На следующий же день после их с кузеном возвращения, Калле явился к ним и имел долгий разговор с мачехой (папенька, как всегда, был индифферентен - его кроме истории не интересует ничего. Аделинде даже порой жалела мачеху, с которой у них сложились доверительно-дружеские отношения), после чего спустился к ней, встал на колени, и попросил руки.

Фрау Юлия, стоя выше на лестнице, роняла слезы умиления в батистовый платок.

Конечно она не отказала. Черт возьми - почему нет?! Она взрослая и самостоятельная девушка, где-то даже немного суфражистка, и этот юноша кажется ей достойной парой. Тем более, что Юлия не против - кажется, даже, горячо "за".

А любовь, та, о которой пишут в глупых женских романчиках... Куда она денется?

Придет до свадьбы.

К тому же Карл и впрямь прехорошенький, и так забавно смущается, когда они остаются наедине...

Нет, Боже упаси, он не позволил себе лишнего! Поцелуй (Боже, как он целуется), не более - но с невестой же можно. Строго говоря, после помолвки и большее можно, но он же флотский офицер (хорошо - почти офицер, но сути дела это не меняет), а не шорник, и не станет тащить свою суженную в постель до брачных клятв.

И как мило с его стороны было пожертвовать доходами от аренды, дабы невеста жила в его доме - как хозяйка. Мама-Юльхен, кстати, это категорически одобрили. Двум хозяйкам под одной крышей не ужиться, сказала она, пусть это даже мать и дочь.

Права, ох права.

Альке даже Богу не позволила б устанавливать порядки в этом доме, поверх нее самой. Раз уж невеста хозяйина, так и хозяйствовать, распоряжаться, устанавливать порядки - ей. Чтобы жених, когда будет приезжать на побывку, чувствовал уют и тепло дома. Дома, а не места обитания. Дома, где пахнет домашней выпечкой, ароматами специй, чтобы понимал, что девушку он встретил достойную и хозяйственную. Чтобы глаза его светились от тихого семейного счастья.

Аделинде вспомнила их, с Карлом, прогулки, шутки, то, как он восхищенно глядел на нее и улыбнулась. Как же она была счастлива этим летом!

И вот, теперь она... одна. В пустом доме.

Аделинде всхлипнула, но моментально прогнала жалость к себе. Калле обещал приезжать когда возможно - в училище должны пойти на встречу помолвленному - и к его возвращению предстоит многое сделать, дабы превратить квартиру в семейное гнездышко. Ах, сколько же работы предстоит...

Берлин, Принц-Альбрехтштрассе, 8 26 сентября 1939 г., девять вечера За окном кабинета тихо шуршал дождь. Не обложной, который длиться долгие часы, превращая столицу Германии в скопище серых и унылых зданий, затянутых водной пеленой, как лондонским туманом, и навевающий даже на прагматичных немцев такое сугубо английское заболевание, как сплин. И не неистовая буря с громом и молниями, не водопад воды, порожденный буйствующими небесами, под каковой в романах темные-темные личности любят вершить черные-черные дела, не неистовство природы, загоняющее всех добропорядочных горожан в места посуше, поуютнее и потеплее. Нет, за окном мелкой изморосью шелестел легкий грибной дождик, неслышный, как поступь юной девицы и недолговечный как первый снег. Перестук капель которого наводил Гейдриха на раздумчиво-философский лад.

А почему, собственно, нет? Почему он, Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих, не мог нынче спокойно посидеть в своем кабинете с чашкой крепкого кофе, в которую добавлена малая толика коньяка, не отдохнуть и не пофилософствовать? В конце-концов, он честно заслужил это право после всех интриг и треволнений прошедших месяцев, закончившихся к его, группенфюрера, вящей славе.

Да и разве лишь последнее время его жизнь была полна трудов и забот? Не он ли реализовывал план - им же, кстати, и разработанный, - по которому полиция переподчинялась СС, что дало этой организации реальную и зримую власть? Не он ли устранил Рема и его штурмовиков? Именно он, Рейнхард Гейдрих, указал Гиммлеру на те возможности, которые заключала в себе должность рейхсфюрера СС. Да, собственно, на вершину власти Гиммлера вознес тоже он, сделав из этого неприметного, робкого и застенчивого человека с посредственным интеллектом того, кем он стал. Недаром же далеко не дурак Геринг так удачно когда-то скаламбурил:

"НННН, Himmlers Hirn heisst Heydrich". (32) О, он умел подавать Гиммлеру свои мысли в такой форме, с тем чтобы тот искренне веровал в то, что это он сам, рейхсфюрер СС, является творцом этих идей. Глупец!

Удобная ширма, посредством которой Рейнхард прокладывал путь на самый верх для себя.

Его всегда раздражала постоянная трескучая болтовня Гиммлера, так как его бредовые расистские и иные фантазии будоражили аппарат СС, мешая работать.

Истинный ариец, заботящийся о величии нордической расы... Да посмотрите на его, Гиммлера, лицо, на его нос - типично еврейский, настоящий жидовский паяльник.

Ну ничего, провал с Антарктидой Гитлер ему век помнить будет. Столько средств вбухать в секретную экспедицию, отрядить в нее лучшие кадры, и для чего? Для того, чтобы объявить территорией Германии кусок ледника? Ха! Три раза "ха"! Туле он искал... Шиш с маслом - вот что он нашел, гауляйтер Новой Швабии. (33) Черт его знает, с каких источников Пири Рейс и Меркадор рисовали свои карты с берегами Антарктиды, лишенной ледников - вполне может быть, что и существовала некогда какая-то древняя цивилизация. Толку-то с этого? История мертва. Мертва, а они живы, полны сил и энергии. Черт возьми, ему нет даже и сорока лет, и он, Рейнхард Гейдрих, намерен протянуть еще очень долго. По возможности - на вершине власти Германии, а там, кто знает, может и всего мира? По крайней мере, те из высших чинов Германии, что были посвящены в тайну существования пришельца из будущего, начинают задумываться - а так ли уж нам нужен Фюрер, способный привести Рейх к полному краху?

И кто может заменить Гитлера на его посту? Ау, кто тут в фюреры последний?

Никого? Хорошо, я буду первым.

Гейдрих усмехнулся последней мысли, поставил опустевшую чашку на стол и взялся за трубку телефонного аппарата.

- Готовьте мой автомобиль, и соедините с домом. - небрежно бросил он, и, дождавшись когда на том конце провода раздастся голос жены, произнес. - Лина, милая, одевайся. Я хочу пригласить тебя сегодня в ресторан. Что? Нет, дорогая, у нас с тобой сегодня нет никакой годовщины, о которой ты запомывала. Просто есть повод отпраздновать. Нет, сол-

нце мое, мне не присвоили обергруппенфюрера, но повод подобный. Нет-нет, все скажу лично. Буду через полчаса, подготовься.

Целую тебя.

Сегодня Гитлер подписал указ о создании РСХА (34) во главе с ним, Рейнхардом Тристаном Гейдрихом. Сегодня еще можно праздновать - завтра, когда указ вступит в силу, будет не до того. Начнется суeta слияния различных ведомств, путаница и неразбериха первых дней, когда шестеренки нового механизма Рейха, ранее крутившиеся по отдельности, будут притираться друг к другу.

Притиралась терка к луковице - сплошные слезы... Впрочем, он твердо намерен сделать этот механизм самым надежным в Германии, чтобы он послужил той катапульты, что вознесет его над всеми.

Теплушка ж/д состава Иркутск-Харьков 29 сентября 1939 г., точное время неопределенно Полуторамесячная эпопея с вытаскиванием танков из монгольских степей, пустынь и полупустынь была, наконец, закончена, и экипажи, погрузившись в вагоны, выставив на платформах с танками и броневыми автомобилями караулы, забились по вагонам - отдохнуть и отметить скорое возвращение к месту дислокации. Особо поднимали настроение полученные - наконец-то! - награды и обещание отпуска всему личному составу батальона. Покуда харьковские танкостроители будут чинить изуродованные до состояния "как Бог черепашу" боевые машины, экипажам в части делать, собственно, нечего.

Опять же, как не выпить за намечающиеся у комбата, с огромным облегчением сдавшего командование мехбригадой, недельные курсы в Академии Генштаба? Никак не можно - но, строго в меру. Перефразируя известную пословицу - будет отпуск, будет пьянка. Пока же товарищи командиры позволили себе совсем не много. Так, усталость снять.

Впрочем, веселиться советский человек умеет и с минимумом необходимого. Сейчас, например, поблескивающий новенькой "Красной звездой" на гимнастерке, Хальсен, отобрал у политрука гармонь, и пел совершенно дурным голосом, мастерски, при этом, пользуясь инструментом.

Весь Саратов горько стонет,

Не сдержат печаль и мне.

Пароход с бл...дыми тонет,

На Покровской стороне! (35) - Максим Саныч! - рявкнул лишенный "лиры" комиссар, земляк Хальсена, кстати, Арсений Вилко. - Не насилуй мои уши, спой что-то приличное.

Вилко был коренным саратовчанином, и подколы из более мелких населенных пунктов области его слегка задевали.

- Как это такой пароход на вашей стороне может тонуть? - требовательно спросил батальонный комиссар. - У вас и пристаней-то приличных нет, да и фарватера!

- Потому и тонет. - резонно ответил старлей. - И вообще, без бокала - нет вокала.

Комиссар протянул Максиму кружку со спиртом.

- На. Будем пить и веселиться как дети.

- Товарищи, прошу не ссориться! - потребовал Бохайский. - Через час сортировочная станция, каждому будет по два непотопших корабля с ними самими.

Максим Александрович, а ты на этом инструменте "Все хорошо, прекрасная маркиза..." можешь?

- Легко! - ответил Хальсен чуть удивленно, и пробежал пальцами по клавишам.

- Так, Арсений Тарасович, помнишь, напел ты мне как-то песенку про бои на Хасане? - командир батальона хитро поглядел на Вилко.

- Ах вот ты к чему, Егор Михалыч, мелодию заказал! - хохотнул комиссар. - Товарищи, представьте следующую ситуацию: после боев у озера Хасан к господину Киада пришли на доклад маршал Кикацу, генерал Куцаки, лейтенант Пикапу и полковник Пупаки.

Вилко дал Хальсену отмашку, играй мол, и запел хорошо поставленным баритоном.

А, Кикацу, наш храбрый, верный маршал,

Ну как Ваш тонкий, мудрый план?

Могу ль поздравить Вас с победным маршем Туда, под озеро Хасан?
Все хорошо, Киада, все чудесно,
Победа так была легка,
Марш триумфальный кончился прелестно,
За исключением пустяка.
Так, ерунда... у нас в дороге
Был ранен конь майора Тоги
А в остальном, почтеннейший Киада,
Все хорошо, все хорошо!
Так расскажи нам, генерал Куцаки,
Здоров ли конь, иль очень плох?
Что ж, будет он пригодным для атаки,
Или майорский конь издох?
Все хорошо, почтеннейший Киада,
Все хорошо как никогда!
Ну... конь убит, о нем скорбеть не надо
Ведь это право ерунда.
Когда шрапнель в коня попала, майору ноги оторвало...
А в остальном, почтеннейший Киада,
Все хорошо, все хорошо!
Ах, Пикапу, нам жаль майора Тоги,
Он так любил кричать "банзай"...
В итоге Тоги - теперь безногий,
Как будет жить мой самурай?
Все хорошо, почтеннейший Киада,
Все хорошо как никогда,
Майор убит, о нем скорбеть не надо,
Ведь не в майоре вся беда...
Ну что майор...
С майором вместе еще убито тысяча двести А в остальном, почтеннейший Киада, Все
хорошо, все хорошо!
Ах, Пупаки, в груди заныло,
Подай скорей воды стакан,
И расскажи подробнее все что было
В районе озера Хасан
Я вел свой полк, в налет на их высоты,
Вдруг вижу красных - пять бойцов,
Тогда, добавив батальон пехоты,
Я победил в конце концов!
И в честь такой блистательной победы
Я приказал раздать вина,
Пообещал солдатам эполеты,
А офицерам - ордена.
Я ел цыплята натюрель
И вдруг бабах, бабах - шрапнель,
А за шрапнелями- - снаряд, потом еще, еще подряд, И нам не дали отступить, Нас стали
танками давить, гранатами глушить, шашками рубить.
Никто банзая не кричал, кто был убит, так тот молчал, А кто был ранен, тот стонал, а
кто успел, так тот удрал Майор хотел удрать верхом, И вдруг снаряд майора - бом!
Смотрю - летят через меня,
Майора ноги, полконя.
Майор без ног, а я оглох,

А конь икнул, потом издох,
А в остальном, почтеннейший Киада,
Все хорошо, все хорошо!

Выступление Вилко было принято оглушительным хохотом красных командиров, одобрительным свистом и аплодисментами.

Потом было еще много музыки и много песен под перестук колес, лиричных и патристических, веселых и грустных. Батальон ехал домой.

Москва, Кремль 30 сентября 1939 г., полдень (время местное) - Я внимательнейшим образом изучил ваши доклады, товарищ Штерн. - произнес Сталин, и раскурил трубку. Все время, пока проходил этот процесс (а, при желании, подкуривать трубку можно больше минуты - был бы огонь) командарм сидел как на иголках. - И, я полагаю, ваши выводы совершенно обоснованными и верными.

Вождь сделал несколько затяжек, задумчиво наблюдая за дымом, тянувшимся от сгорающего табака, и продолжил:

- Есть мнение, что именно такие товарищи должны испытать новейшие танки штурма.

Или как это правильно называется, товарищ Штерн? Я, простите, не танкист.

Рио-де-Жанейро, президентский дворец 30 сентября, полдень (время местное) Президент Желтулиу Дорнелис Ваграс задумчиво просматривал документы. Полученное им сегодня предложение недвусмысленно указывало - скоро быть большой войне.

Скоро. Потому, что долго скрывать факт наличия базы подводных лодок (сколь угодно секретной) на территории его страны будет невозможно. А от предоставления базы, до прямого участия в войне - один шаг. И ладно бы, если б Гитлер собрался воевать с Францией. Англия - это гораздо хуже. Англия - это владычица морей, но и это можно было бы пережить. А вот если с США? Нет, оно конечно, где Германия, а где Штаты - с чего б им воевать? Ну а вдруг? Против этой мощи Бразилии не устоять. Хотя и предложение немцев было более чем заманчиво.

Инвестиции в экономику, строительство заводов и фабрик, кредиты на развитие - денежные и товарные, - новенький обрез-линкор, в конце-концов. И Бог с ним, что советские объежки - не потянул СССР два новых корабля. Желтулиу прикрыл глаза и явственно представил на рейде столицы красавец-линкор под бразильским флагом, и с надписью на борту - нет, не "Лютцов". Линейный крейсер "Президент Ваграс" - звучит-то как! Да и ту рухлядь, что зовется бразильским флотом, давно пора уже менять, потому что чинить там уже нечего.

Заманчивое, ах какое заманчивое предложение.

Харьков, кинотеатр имени Карла Маркса, ул. Свердлова, 2 07 ноября 1939 г., три часа дня* *Текст эпизода на основе текста Максима Шейко - Есть тебе слова наставника своего дополнить чем, юный падаван?

- Нет, мейстер Йоган. - на экране Джонни Вайсмюллер, а именно он играл в фильме молодого Олби ван Кеноби, почтительно поклонился редкостно реалистично сделанной кукле, изображающей нечто среднее, между прямоходящей черепахой без панциря и лысой зеленой белкой без хвоста. Сколько звезде Голливуда заплатили за съемки на родине предков, истории лучше даже и не знать.

Премьера фильма "Войны среди звезд I. Скрытая угроза" проходила одновременно по всему миру, и СССР тут отнюдь не был исключением. Конечно, то, что премьера выпала на годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции, создавало некоторые неудобства, но фон дер Шуленбург утряс этот вопрос лично со Сталиным.

Продемонстрировал тому картину на "Ближней даче" и намекнул на то, что идея фильма принадлежит немецкому коллеге вождя мирового пролетариата. Иосиф Виссарионович сделал пару замечаний по переводу, которые нужно вставить в фильм, и благословил показ в праздник.

Последнее обстоятельство Хальсену, который получил от командования два билета на премьеру (вообще-то, получил их Бохайский, однако у того на этот день были совершенно

иные планы, так что он с чистой совестью и словами "Без пяти минут капитан, а все холостой. Непорядок", отдал их подчиненному), конечно же было не известно. Собственно, фильм его тоже не особо интересовал - он бы и на показ выступления председателя колхоза "Пламенный борец за дело Революции, товарищ Дзержинский" перед тунгусскими оленеводами пошел с таким же энтузиазмом, если б спутница была той же.

С Марлен Апель Макс познакомился во время одной из своих увеселительных поездок в Харьков, вскоре после того как досрочно получил третий кубик и стал ротным. В тот солнечный июньский день, вдвойне замечательный от того, что был первым днем отпуска, Макс не спеша топал по центру города, пока его взгляд не зацепился за фигуру симпатичной блондинки, задумчиво рассматривающей прилавок с мороженым.

Дальнейшие действия в подобных ситуациях были отработаны до автоматизма и выполнялись без раздумий и колебаний. Однако на этот раз многократно проверенный на практике сценарий дал сбой.

Старлей подкатил со стандартным в таких случаях вопросом, который задал на жуткой смеси русского и украинского языка с сильным немецким акцентом. Этот диалект Хальсен усвоил за годы пребывания в Харькове и использовал его в повседневном общении (до сих пор успешно). Ответ, произнесенный на аналогичном "языке", настолько точно воспроизводил абсолютно неподражаемую стилистику Хальсена, что бравый командир секунд на пять буквально выпал в осадок. После чего выдал фразу к которой прибегал в тех случаях, когда не мог подобрать для ситуации или объекта более конкретное определение:

- *Arsch mit Ohren!*

Ответный возмущенный возглас (на чистом немецком!) слился со звуком неслабой пощечины:

- Как ты меня назвал?!

- *Scheisse!*

Этот спасительный возглас, применяемый в совсем уж безвыходных ситуациях, причем с неизменным успехом, на сей раз только усугубил положение. С негодующим воплем "Ах ты..." девица ринулась в наступление, продолжавшееся минут пять. За это время Макс не только узнал о себе много нового, но и неслабо обогатил словарный запас уже порядком подзабытого родного языка.

Потомственный немец, родом из Поволжья, последние несколько лет он провел в Украине, так что звуки правильной родной речи начали им уже забываться. В харьковское танковое училище он попал по комсомольскому набору, о чем в последствии никогда не жалел.

Больше всего Харьков тогда, сразу по приезду, напомнил Хальсену огромный муравейник - дикая смесь рабочих бараков, монументальных "сталинок", роскошных особняков, оставшихся с царских времен и не прекращающаяся ни на минуту суeta тысяч людей, занятых какими-то (видимо чрезвычайно важными) делами. Громады заводских корпусов, звон трамваев, толпы спешащих (в будние дни) или напротив не спеша прогуливающихся (в воскресенье) людей - все это подавляло, привыкшего к спокойной, и размеренной жизни парня.

Нет, конечно и расположенный через реку от родного Покровска Саратов, где он частенько бывал, никто назвать Мухосранском бы не решился, однако как большинство изначально купеческих городов, был он сонен, ленив, неспешен и вял.

Не было в нем той кипучести, той внутренней безумной энергии, что ключом била в Харькове, поглощая, затягивая в свой безумный круговорот.

Впрочем долго придаваться размышлениям на эту тему и упиваться новыми ощущениями ему не пришлось. В сентябре начались занятия и будущему командиру, а ныне курсанту Рабоче-крестьянской красной армии стало не до самоанализа. Впрочем своеобразное обаяние первой столицы Украины сделало свое дело. Поэтому когда Макс Александр Хальсен (уже привыкший, что его все зовут на местный манер Максимом, а в особо торжественных случаях Максимом Александровичем), оказавшись лучшим курсантом выпус-

ка, был направлен для дальнейшего прохождения службы в элитную 14-ю тяжелую танковую бригаду, радости его не было предела. И дело было не в удовлетворенном самолюбии, хотя и это конечно тоже, а в том что располагалась эта бригада буквально за окраиной Харькова. Так что к месту прохождения службы свежее испеченный лейтенант пришел из училища на трамвае (и частично пешком), будучи в прекрасном расположении духа. А впервые увидав огромные, похожие на сказочных чудовищ, Т-35 на которых ему предстояло служить, бравый лейтенант и вовсе уверился в своей счастливой звезде. Дальнейшая служба правда несколько развеяла эти радужные настроения.

Во-первых как-то внезапно оказалось, что у командира танкового взвода имеется целая куча обязанностей, на выполнение которых тратится уйма времени и сил. Во-вторых Хальсен постепенно (по мере обретения опыта) осознал, что командир роты переложил на старательного новичка, то-есть на него, значительную часть своих административно-хозяйственных функций, вроде составления отчетов и заполнения ведомостей, ограничив свое собственное участие лишь подписанием этих документов после беглого просмотра. Наконец третьим неприятным моментом стало открытие того простого факта, что невероятно грозный с виду Т-35, столь же невероятно сложно заставить хоть как-то функционировать.

Могучие танки ломались. Причем ломались постоянно, проявляя в сложном искусстве "выхода из строя по техническим причинам" просто неподражаемый талант. Поэтому в длинных промежутках между ежегодными парадами и куда менее регулярными тактическими учениями, проходившими на соседнем полигоне, весь личный состав батальона тяжелых танков прорыва только и делал, что без конца собирал, разбирал, регулировал, подгонял, заменял, перебирал и отлаживал различные части узлов и агрегаты своих монстровидных машин.

Впрочем положительных моментов тоже хватало. Чего стоили одни только грандиозные парады на Красной площади в Москве и на новой (самой большой в мире!) площади Дзержинского в Харькове, постоянными участниками которых были Т-35 14-й ттбр.

Проезжая верхом на своем танке мимо мавзолея, с неизменно стоящим на нем Сталиным, Макс чувствовал себя непобедимым героем. В этот момент месяцы работы по ремонту и приведению в порядок непомерно капризных танков имели обыкновение как-то забываться. Другим, безусловно положительным моментом службы в 14-ой бригаде, была конечно же близость Харькова, что позволяло, получив увольнительную, не слоняться по военному городку или ближайшему селу, а отправиться в город. Нет, не так, в ГОРОД! Прогуляться по парку Шевченко, сходить в театр, в кино, покатать шары на бильярде, выпить пару кружек отличного местного пива (куда там до него "Жигулевскому", которое Макс доводилось пробовать в Москве). Что может быть лучше? Только одно - проделать все это в компании очаровательной девушки. А если повезет, то и не только это.

Ну и, что называется - "за что боролись, а так тебе и надо". Вот она, товарищ командир, девушка. В глазах огонь, в руки б еще чего тяжелое дать, и "здравствуй госпиталь".

Вспоминая впоследствии свою первую встречу с дочерью главного технолога пивоваренного завода в немецком местечке Новая Бавария, удобно расположившегося посреди фруктовых садов неподалеку от Харькова, Макс неизменно усмехался, хотя в ту первую встречу ему было не до смеха. Для ликвидации внезапно возникшего конфликта пришлось пустить в ход все доступное красноречие и запасы сладостей, оказавшиеся поблизости (благо прилавок с мороженым от конфликта не пострадал).

Угощение плавно перетекло в совместный променад, и как-то так получилось, что Хальсен выпросил у Ленни разрешение встретиться с ней еще... и еще... и еще раз...

Да так и стал частым гостем в доме Апелей, причем, судя по всему - гостем желанным.

Собственно, сослуживцы Макса Александра уже давно заключали пари, когда он наконец сделает предложение Марлен. Забегая вперед, стоит отметить, что выиграл пари батальонный комиссар Вилко, давший на свершение этого исторического события полторы

недели после возвращения из Монголии. -...Ольга Чехова в роли королевы Амидалы... - фильм незаметно подошел к концу.

Мюнхен, пивная "Бюргербой" 08 ноября 1939 г., тринадцать минут девятого вечера Дверь за Гитлером, которого дела спешно призывали в Берлин, закрылась.

- Как жаль, геноссе. - произнес, не скрывая разочарования Старый Борец герр Линдер. - Все же речи у нашего Фюрера отлично получаются.

- У него все отлично получается, даже уклоняться от женитьбе на Еве. - отозвался герр Краммер, тоже, естественно, Старый Борец, и хрипло расхохотался.

Собственно, понять Линдера было не сложно - почти все из участников "Пивного путча", истинные ветераны НСДАП и оплот национал-социализма в Германии (по крайней мере - они себя таковыми считали) собирались в этой пивной каждый год, дабы отметить годовщину своей первой - провальной - попытки взять власть в стране и помянуть павших.

Гитлер, как бы занят он ни был, никогда не пропускал этого мероприятия, непременно произнося зажигательную речь для своих соратников. Этот год не стал исключением - Фюрер приехал. Но, вместо планировавшегося часового выступления, уложился в десять минут и покинул зал.

- Гитлер ушел, но литр остался. - Краммер поднял огромную и пузатую, как он сам, глиняную кружку с пивом.

- Вы б поосторожней были в выражениях, геноссе. - произнес герр Линдер. - Так можно и до уровня тех маргиналов скатиться, которые говорят, что Фюрер нам не нужен.

- Это кто такое говорит? - проревел его собеседник. - Да я их!..

Продолжаться празднованию оставалось всего несколько минут. Ровно двадцать минут десятого предстояло сработать адской машинке, которую заложил в одну из деревянных колонн участвовавший в ремонте "Бюргербоя" столяр Иоганн Георг Эльзер - один из тех "маргиналов", которых упомянул герр Линдер. Восемь Старых Борцов погибнет при взрыве, еще шестьдесят три человека получат ранения.

Эльзера схватят в тот же вечер - еще бы, его действия не были секретом для Гейдриха. В гестапо знали о готовящемся покушении, и внимательно проследили, чтобы Гитлер ушел до взрыва. А Старые Борцы... Что ж, приходится чем-то жертвовать, дабы восстановить медленно падающую веру в Фюрера.

И даже сработай бомба раньше, когда Гитлер был в пивной - это не пугало Рейнхарда Тристана. Кто бы ни стал преемником Гитлера в этом случае, Гейдрих был вполне уверен, что его собственное могущество будет только расти.

Несмотря на то, что изменения в истории, после появления Карла Геббельса в Берлине 1938-го года, росли как снежный ком, некоторые вещи все равно оставались неизбежными.

Москва, Академия Генштаба 18 ноября 1939 г., пять вечера - Понимаю вашу озабоченность, Егор Михайлович. Отлично понимаю. - произнес Буденный. - Но и вы поймите, товарищ подполковник. Война с белофиннами не за горами. Она, можно считать, дело решенное. А в вашем батальоне больше половины танков до сих пор в ремонте. Я уже не говорю о том, что пять танков просто списаны из-за критических повреждений, а когда будут новые - бог весть. И что, прикажете линию Маннергейма пехотой прорывать?

- Но, поймите меня правильно, Семен Михайлович. - развел руками Бохайский. - Ваше предложение очень лестно, я рад, конечно, что командование столь высоко меня ценит, однако бросать в бой танки, экипажи которых не приучены взаимодействовать между собой, более того, и внутри танка-то неприученные действовать вместе...

- Да кто вам ерунду такую сказал, подполковник? - искренне изумился маршал. - Доставим ваш экипаж, и два любых иных из вашего батальона, какие укажете. Вот у вас кто лучшие командиры?

- Пожалуй, что старший лейтенант Хальсен Максим Александрович, и... Ну и капитан Вилко Арсений Тарасович. Дельный мужик и хороший танкист, хоть и батальонный комиссар.

- Вот их вам в подмогу и отрядим. - произнес Буденный, а потом ласково как-то даже, добавил. - Соглашайтесь, Егор Михайлович. Соглашайтесь. Кроме как у вас, танкистов с настоящим боевым опытом и умением управляться с тяжелыми танками, в Советском Союзе нет. А машины обкатать надобно. Результаты же на долгие годы вперед развитие танкостроительной мысли определяют, а вы кочевряжитесь, словно красна девица. Неужто не хотите в историю попасть?

- Главное, чтобы не в переплет, товарищ маршал. - усмехнулся Бохайский. - Куда ж я денусь? Если родина приказывает, значит делать нечего.

- Ну вот и славно. - ответил Семен Михайлович. - Не хотелось вас неволить, право. Значит, все три машины распределите сами, по прибытию на место. Сколько у вас до окончания курсов осталось? Два дня? Вот на третий и поезжайте сразу же. А я сегодня же вызову товарищей Хальсена и Вилко.

Москва, Киевский вокзал 22 ноября 1939 г., около десяти утра - Вот по всему видать, не судьба тебе жениться в ближайшее время, старлей. - хмыкнул Вилко, выходя из вагона. - Может даже и никогда.

- Wаgum, Арсений Тарасович? - удивился идущий за комиссаром Хальсен. - Что ж я, не человек, и не звучу гордо? Все во мне прекрасно, особенно мысли и одежда.

- Dagum, Максим Саныч, що едва только ты предложение девушки сделал, как бац-трах, и уже в поезде. На следующий же, заметь, день. И вместо Марлен под боком, у тебя "Лили-Марлен" в твоём собственном исполнении. Причем поешь ты, мягко говоря, хреново. Так, а где наш комбат, почему не встречает?

- Товарищ Вилко? - рядом с командирами появился незнакомый сержант НКВД.

- Он самый. - капитан окинул подошедшего взглядом, отметил общий щеголеватый вид и внутренне усмехнулся. - С кем имею?

- Сержант госбезопасности Чижик. - представился НКВДшник. - Мне приказано сопроводить вас и экипажи в ГАБТУ (36), где вам будет сообщено о цели вашего прибытия. Автобус ждет у вокзала.

- О, це добже. - хмыкнул капитан. - Марченко, строй бойцов в колонну по двое, и следуйте за мной и товарищем сержантом.

Советско-финская граница, штаб 1-го егерского батальона 27 ноября 1939 г., восемь утра (время местное) - Господин подполковник, рядовой Савалайнен по вашему приказанию прибыл! - молодой парень лихо козырнул начальству и вытянулся по струнке.

- Вольно, солдат. Присаживайтесь. - оккупировавший кабинет (сущую комнатуху) комбата егерей Инкала кивнул на стул и пододвинул к себе бланк протокола. - Назовите ваше полное имя и дату своего рождения.

- Эмил Савалайнен, родился шестого января тысяча девятьсот двадцатого года.

- О как. Чуть больше месяца до дня рождения осталось, парень?

- Так точно. - рядовой смущенно улыбнулся. - Двадцать стукнет.

- Это хорошо. - подполковник не стал говорить, что теперь, после вчерашнего происшествия, лично он в том, что егерь до праздника доживет, не столь уверен. - Я начальник погранотряда Карельского перешейка, как ты наверное знаешь.

- Так точно! - солдат попытался вскочить и вновь встать по стойке "смирно", однако подполковник устало махнул рукой, удерживая парня на месте.

- Сидите, рядовой. Мне нужно допросить вас о вчерашней артиллерийской стрельбе, а не любоваться вашей выправкой. Расскажите, все что знаете.

- Ну... А что рассказывать? - пожал плечами парень. - Вчера я с трех до шести пополудни был в дозоре возле Майнилы. Только заступил, как слышу - выстрел. Ну, такой... Как из пушки. А секунд через двадцать в поле, между русской деревней и границей ка-ак жакнет! И воронка посреди поля. Это... где-то на три часа от меня.

- На нашей, или на советской территории? - уточнил подполковник, записывая.

- На их.

Подполковник кивнул.

- Дальше что было?
- Дальше? Минуты через три из деревни к воронке подошли русские военные. Сначала один, а потом еще пятеро... или шестеро.
- Пятеро или шестеро?
- Не знаю. - парень растерянно заморгал. - Я не считал точно.
- Жаль. - вздохнул Инкала. - И что они там делали?
- Да ничего, господин подполковник. Минуты три рассматривали воронку от взрыва, а потом ушли.
- Ничего не выкапывали, ничего не уносили? - Инкала все еще надеялся, что русские просто что-то испытывали, отчетливо осознавая, впрочем, что надежды эти пусты.
- Никак нет.
- Ты хорошо рассмотрел? Далеко они от тебя находились?
- В тысяча ста, может тысяча ста десяти метрах.
- Откуда такая точность? - удивился начальник погранотряда.
- Так... - Эмил смущенно улыбнулся. - Пост-то снайперский. Давно уже все расстояния промерили.
- Это молодцы. - усмехнулся подполковник. - Хвалю. Ну, а откуда стреляли, не заметил?
- Да я так понимаю, с советской стороны. Часов с шести или семи. В том направлении потом еще ружейная стрельба была.
- Я-а-асно... - протянул Инкала. - Что-то еще добавить можешь?
- Никак нет.
- Тогда на. - подполковник протянул протокол и перо Савалайнену. - Распишись.
Когда дверь за Эмилом закрылась, Инкала устало потер глаза. Не сходились его показания, ни с показаниями некоторых других опрошенных, ни с банальной логикой.
Ибо, когда в солдата стреляют из пушки, сначала он видит вспышку, затем ему отрывает голову, и только потом он может услышать звук самого выстрела.
"Дело ясное, что дело темное", подумал подполковник.
К вечеру следующего дня, после обмена нотами, СССР вышел из советско-финского пакта о ненападении. Война между СССР и Финляндией приближалась.

ДОКЛАД

командующего войсками Ленинградского военного округа народному комиссару обороны об артиллерийском обстреле советских войск с финской территории в районе Майнилы 26 ноября 1939 г.

Д о к л а д ы в а ю: 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнилы, были неожиданно обстреляны с финской территории артотгнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты 3 красноармейца и 1 младший командир, ранено 7 красноармейцев, 1 младший командир и 1 младший лейтенант. Для расследования на месте выслан начальник 1-го отдела штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала огромное возмущение в частях, расположенных в районе артналета финнов.

МЕРЕЦКОВ МЕЛЬНИКОВ

ПРИКАЗ

штаба Ленинградского военного округа командующим 7, 8, 9, 14-й армиями о немедленном открытии ответного огня в случае обстрела с финской стороны 27 ноября 1939 г.

Командующий войсками округа приказал:

В случаях повторения провокаций со стороны финской военщины - стрельбы по нашим войскам, немедленно отвечать огнем вплоть до уничтожения стреляющих.

Начальник штаба Ленинградского военного округа комдив Чибишев Военный комиссар штаба округа полковник Виноградов Советско-финская граница, расположение 20-й ттбр 27 ноября 1939 г., около одиннадцати утра (время местное) - Вот, товарищи. - произнес Бохайский, похлопав ладонью по броне танка СМК. - Это и есть те самые, по выражению товарища старшего лейтенанта, "очешуешь". Эти машины нам и предстоит испытать в боевых условиях.

Хальсен сделал вид, что ему ни капельки не стыдно.

После того, как полковник из ГАБТУ (он представлялся, но Макс забыл его фамилию практически моментально, больно уж мудреная была - навроде Тер-Амбарцумян) распи-сал достоинства новых танков КВ, СМК и Т-100, те можно было со спокойной душой канонизировать. Орудия, лошадиные силы мотора, проходимость - все параметры танков более чем впечатляли, однако самое "вкусное" полковник оставил напоследок, так что когда он назвал параметры брони, старлей удивленно икнул, и, совершенно машинально, выдал это самое "очешуешь, das ist Phantastik".

- Давайте, значит, распределять машины по экипажам. - продолжил подполковник.

- Ты, Арсений Тарасович, что там, в автобронетанковом управлении, говорил?

Башен в два с половиной раза меньше, должны б ломаться настолько же реже?

- Так точно. - кисло отозвался ВрИО замполита отдельного испытательного взвода тяжелых танков, подспудно ожидая, что сейчас к какому ни будь танку быстро присобачат еще три башенки, после чего командиром этой машины назначат именно его.

- Ну, значит я, на правах командира, беру себе однобашенный КВ. Тебе, капитан, что больше нравится из оставшегося?

- Да они практически одинаковые. - сказал Вилко, и подбросил монетку. - Так, старлей, тебе достался СМК, а мне... это. Вот непорядок, что у танка названия нет.

К вечеру на борту Т-100 красовалась надпись "Борец за свободу украинского народа Богдан Хмельницкий".

Увидавший эдакое "украшение" подполковник укоризненно покачал головой и произнес:

- Ну ты, блин, даешь, Тарасыч. Это ж БЗСУН БэХэ получается. Мудрено больно, да и звучит как-то... не очень. Сильно не очень, доложу я тебе.

НОТА ФИНЛЯНДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Господин Народный Комиссар, в ответ на Ваше письмо от 26 с. м. имею честь, по распоряжению моего правительства, довести до Вашего сведения нижеследующее:

В связи с якобы имевшим место нарушением границы финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых Вы упоминаете в письме, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной стороны, близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где взрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии всего 800 метров от границы, за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора-двух километров на юго-восток от

места разрыва снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне, и повлекшем за собой, согласно Вашему сообщению, человеческие жертвы. Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором Вы говорите, был совершен не с финляндской стороны.

В Вашем письме Вы сослались также на заявления, сделанные гг. Паасикиви и Таннеру во время их пребывания в Москве относительно опасности сосредоточения регулярных войск в непосредственной близости к границе близ Ленинграда. По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в непосредственной близости к границе с финляндской стороны расположены главным образом пограничные войска; орудий такой дальности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе.

Хотя и не имеется конкретных мотивов для того, чтобы, согласно Вашему предложению, отвести войска с пограничной линии, мое правительство, тем не менее, готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы.

Я принял с удовлетворением Ваше сообщение, из которого явствует, что правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место по утверждению из Вашего письма. Я счастлив, что имел возможность рассеять это недоразумение уже на следующий день по получении Вашего предложения. Однако для того, чтобы на этот счет не осталось никакой неясности, мое правительство предлагает, чтобы пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года.

Примите, господин Народный Комиссар, заверения в моем глубочайшем уважении. 27 ноября 1939 года,

А. С. ИРИЕ-КОСКИНЕН

ОТВЕТНАЯ НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Господин посланник!

Ответ правительства Финляндии на ноту Советского правительства от 26 ноября представляет документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами.

1. Отрицание со стороны правительства Финляндии факта возмутительного артиллерийского обстрела финскими войсками советских войск, повлекшего за собой жертвы, не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела. Только отсутствие чувства ответственности и презрительное отношение к общественному мнению могли продиктовать попытку объяснить возмутительный инцидент с обстрелом "учебными упражнениями" советских войск в артиллерийской стрельбе у самой линии границы на виду у финских войск.

2. Отказ правительства Финляндии отвести войска, совершившие злодейский обстрел советских войск, и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящие формально из принципа равенства сторон, изобличают враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой. На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск, а, наоборот, преимущественное поло-

жение финских войск. Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 километрах от жизненного центра СССР - Ленинграда, насчитывающего 3 с половиной миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу. Не приходится уже говорить о том, что советские войска, собственно, некуда отводить, так как отвод советских войск на 25 километров означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда. Предложение Советского правительства об отводе финских войск на 20-25 километров является минимальным, ибо оно ставит своей целью не уничтожение этого неравенства в положении финских и советских войск, а лишь некоторое его смягчение. Если правительство Финляндии отклоняет даже это минимальное предложение, то это значит, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

3. Сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив, таким образом, важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20-25 километров после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск, правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Но правительство СССР не может мириться с тем, чтобы одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его. Ввиду этого Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении. 28 ноября 1939 года, Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

В. МОЛОТОВ

Варшава, Генштаб 01 декабря 1939 г., ближе к полудню - Здравствуйте, сэр. - начальник Второго отдела Генерального штаба Войска Республики Обеих Народов, полковник Йожеф Смоленский, встал, чтобы поприветствовать гостя. - Как добрались?

- Спасибо, отвратительно. - ответил с сильным акцентом молодой мужчина. - Погода не слишком располагала к перелетам, однако я здесь.

- Ну, все хорошо, что хорошо кончается. - улыбнулся полковник. - Позвольте представить вам пана Харашкевича, именно с ним вам и предстоит работать.

Из-за стола поднялся еще один офицер и протянул руку для приветствия.

- Давайте по простому. - произнес он. - Эдмунд. Курирую деятельность "Прометея" в СССР.

- Ян. - улыбнулся гость и крепко пожал руку Харашкевича. - Только не подумайте, что это назначение я получил из-за имени.

- Господа, давайте обсудим некоторые основные моменты нашего сотрудничества. - Смоленский жестом пригласил присаживаться, и, когда его гости заняли свои места за столом, спросил: - Так чем конкретно Экспозитура (37) может помочь МИ-6? Я, сказать по правде, удивился просьбе мистера Мензиса о содействии.

На самом-то деле, конечно, ничему он не удивился. После громкого провала английской Секретной разведывательной службы в Венло и полного разгрома Абвером ее голландского отделения "Z", акции SIS в глазах коллег сильно упали в цене. То, что когда-то о инциденте Венло читал Карл Геббельс знать господа шпионы не могли.

- Сейчас, когда СССР вступил в войну с Финляндией, было принято решение активизировать подрывную деятельность организации "Прометей" в Советах. Даже если отбросить то, что это детище Пилсудского, помощь Экспозитуры и Дефензивы (38) будет в этом отнюдь не лишней. Однако, есть и еще один нюанс. Мы обратились в Парижское бюро "Прометей" для консультаций о возможном взаимодействии. Там нам ответили, что у них практически не имеется опытных и авторитетных людей для действий в Белоруссии и Украине. Поскольку это область непосредственных интересов Речи Посполитой... - английский (а чей же еще?) разведчик развел руками.

- Значит, вождь украинских националистов вам нужен? - Смоленский повернулся к Харашкевичу. - Найдется у нас такой?

- Желательно, чтобы личность была поодиознее. - вежливо улыбнувшись, добавил англичанин.

- Пожалуй, найдется кандидат. - после некоторого молчания ответил Эдмунд. - Некто Степан Бандера. Правда, он в пожизненном заключении.

- У кого? - спросил полковник.

- У нас. - усмехнулся Харашкевич. - Есть за что. Отпустить мы его не можем - в Сейме не поймут. Инсценировать смерть - это тоже не лучший вариант. После начала акций он будет засвечен, поскольку Бандера боевик, а с агентурной работой не знаком, и к нам возникнут неприятные вопросы о методах подъема покойников из могил.

- Понимаю, этаким Бонн. Йозеф Бонн. - кивнул Ян.

Все трое разведчиков улыбнулись. Нашумевший "шпионский фильм" фрау Риффеншталь был столь далек от реалий, что у профессионалов ничего, кроме улыбки, вызвать не мог. Ну, баба - что с нее взять?..

- И действовать будет соответствующе, как и положено дилетанту. - продолжил британец. - А если устроить ему побег?

- Это можно. - кивнул Харашкевич. - Однако, если я правильно понимаю ваши замыслы, делать это от имени Экспозитуры будет несколько... недальновидно. Не за что ему нас любить. Что, если побег ему устроит МИ-6, или даже французское Второе Бюро, после чего возьмет, так сказать, под свое крылышко? Ну, и в разработку, разумеется, но уже совместную.

Полковник Смоленский с интересом поглядел на британского коллегу.

- Это приемлемо, мистер Флеминг?

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 01 декабря 1939 г., около двух часов дня - Слушай, Гейнц, ты не знаешь, что твориться? - негромко поинтересовался Федор фон Бок у сидящего рядом командира XIX армейского корпуса.

- Ждем начала совещания у Фюрера. - хмыкнул Гудериан, оглядев полную генералов приемную Гитлера. Новое назначение он получил еще в августе.

- Спасибо. - хмыкнул фон Бок. - В жизни бы не догадался. Я, как бы сказать, несколько о другом. Имел тут давеча беседу с генерал-инспектором войск СС, так тот от счастья чуть ли не на ушах ходит.

- Получил новое звание? - иронично поинтересовался Гудериан.

- Нет, новую форму. Вот посуди сам - не так давно ССовцы с трудом выбрали камуфлированные рубахи, да и то для очень немногих частей, а сейчас вышло распоряжение Гитлера о замене фельдграу на полностью камуфлированную форму. Она, конечно, по цене выходит дороже, ну так и солдаты в ней менее заметны во время боя. Я уже не говорю о новых требованиях для танков, разработках реактивных двигателей для самолетов, срочных работах по сдаче в эксплуатацию "Графа Цеппелина" и постройке сильного подводного флота. Сколько там у нас U-ботов? Под две сотни?

- Это лучше узнать у Редера. Не моя епархия. - Гудериан развел руками.

- Мне просто интересно, у нас в окружении Фюрера, что, появился кто-то не только влиятельный, но и умный?

Карельский перешеек, подступы к г. Терийоки 02 декабря 1939 г., около восьми утра (время местное) Капитан Сумутка, командир 2-го батальона 4-й пехотной бригады II-го корпуса, поглядел в небеса и тяжело вздохнул. В любой иной солнечный, не предвещающий ни единой снежинки день мог только порадовать, но сегодня он бы предпочел снегопад, да погуще. Глядишь, и не поперлись бы русские сквозь снежную кашу на его позиции...

Мечты-мечты. Капитан снова вздохнул и начал обход траншей, поглядывая, не осыпались ли где, не требует ли чего немедленного, покуда враг не нагрязнул, исправления и его командирского контроля.

- Пекканен, 8-я рота еще не добралась? - окликнул он штабного радиста, выглянувшего из командирского блиндажа.

- Никак нет, господин капитан. - отозвался тот.

- Хреново. - прокомментировал себе под нос Сумутка. 8-я рота, пулеметчики, заплутала ночью добираясь до позиций, и на радиосвязь тоже, отчего-то, не выходила.

Участок фронта его батальону достался сложный. Врага можно было ожидать аж по трем направлениям, и перекрыть толком все не выходило никак, невзирая на приданные двенадцать 37-и мм пушек, и ожидавшую уже его прибытия, а потому хорошо замаскированную батарею из такого же количества 76-и и 105-и мм гаубиц.

С утра, еще до рассвета, капитан распределил бойцов по позициям - пять взводов при четырех пушках заняли траншеи линии Маннергейма на левом фланге, столько же отправились на правый, а еще четыре пушки и три взвода перекрывали грунтровку, идущую в центральной части, где они нынче спешно окапывались. Сам он, со штабом и двумя взводами резерва расположился в тылу у последних, примерно в километре.

Только черт ведь знает этих русских! Вполне могут и напрямую через лес рвануть в наступление, через овраги, топи и буреломы.

Капитан поморщился от этой мысли. Да, очаговая оборона - далеко не идеальный вариант. Только перекрыть весь участок фронта редкой цепью бойцов вариант еще более худший. Это уже не оборона, а сигнализация получается, причем сигнализация бестолковая. Где твои позиции прорвали ты знаешь, а сделать с этим не можешь ничего.

Побродив по траншеям с полчаса, Сумутка вернулся к штабному блиндажу, и едва не столкнулся с вылетевшим из него аки на крыльях вестовым.

- Господин капитан, русские! - выпалил он. - Лейтенант Ханакен докладывает, что наблюдает пять броневых автомобилей, предположительно БА-20, и два взвода пехоты!

Двигаются по дороге в его направлении!

- Началось... - вздохнул капитан. - А пулеметчиков все нет.

Он сделал шаг внутрь блиндажа и увидел перекошенное лицо радиста.

- Что еще, Пекканен?

- Господин капитан, на левом фланге появились три неопознанных танка. Очень неопознанных, и наши пушки их не пробивают!

До штаба донеслись звуки отдаленной стрельбы из 37-и миллиметровых пушек.

Москва, ГАБТУ РККА 29 декабря 1939 г., девять утра. -...таким образом, все три машины вверенного мне взвода показали высочайшие показатели в ходе боев. - комиссия внимательно слушала доклад Бохайского о проведенных полевых испытаниях. - Что касается общего минуса машин - им является их большой вес, что значительно затрудняет их применение на заболоченной местности. Все три машины неоднократно вязли в болотах так, что без помощи тягачей их вытащить было невозможно. Однако, применение их в не болотистой и слабо заболоченной местности проходило вполне успешно, с максимальным эффектом. Из существенных преимуществ танков СМК и БХ... прошу прощения, Т-100...

- А почему вы называли танк Т-100 такой аббревиатурой? - поинтересовался Ворошилов.

- Дело в том, что его испытывал экипаж капитана Вилко. - несколько стушевался подполковник. - Ему стало несколько обидно, что у его машины, в отличие от двух других, нет собственного имени, вот он и назвал его, в неофициальном порядке, "Борец за свободу

украинского народа Богдан Хмельницкий". Ну а мы сократили до просто "Богдан Хмельницкий" или БХ.

- А шо? - хмыкнул Кулик. - Мне нравится.

Григорий Иванович, как известно, был рожден недалеко от Полтавы.

- Вы продолжайте, товарищ Бохайский. - предложил Нарком среднего машиностроения Малышев. - Насчет названия мы поняли.

- Так вот, из существенных преимуществ танков Т-100 и СМК можно выделить их возможность ведения одновременного огня в диаметрально противоположном направлении и большую, относительно танка КВ, огневую мощь - за счет большего числа орудий. Однако, преимущество в огневой мощи я бы определил как не особо значительное. По крайней мере ДОТы все три танка подавляли с одинаковым успехом или неуспехом. Также следует отметить, что управление многобашенными танками, в отличие от танка КВ, сильно затруднено, так как командир танка физически не может контролировать несколько направлений огня одновременно. Этот недостаток был присущ Т-28 и Т-35, и в танках Т-100 и СМК сохранился так же, что сводит их преимущества практически на нет. Танк КВ, в свою очередь, обладая меньшими габаритами за счет однобашенной компоновки, является менее удобной целью для вражеской артиллерии, лучше управляется командиром и экипажем, а, следовательно, является и более эффективной боевой единицей. У меня все, товарищи.

В этот же день танк КВ был принят на вооружение РККА.

Варшава, перекресток Аллеи Ерозолимской и ул. Популярная 24 января 1940 г., около полудня За то, чтобы оказаться сейчас в этом ни чем непримечательном кафе, имея при себе хотя бы "наган" - а лучше ППД или еще какой "Томми-ган", - любой агент варшавской резидентуры СССР не задумываясь отдал бы руку. Только не ту, из которой привык стрелять, конечно. И хотя любой нормальный разведчик, в отличие от киношного Йозефа Бонна, берется за оружие лишь в случае провала, а в обычное время с собой и перочинный-то нож вряд ли возьмет, предпочитая действовать чужими руками, именно сейчас отступление от правил могло быть совершенно оправданным.

Однако, советских разведчиков в кафе не оказалось, так что четыре хорошо одетых мужчины могли не только не опасаться за свою жизнь (в том числе и благодаря нескольким, замаскированным под обычных посетителей, охранникам), но и спокойно поговорить, попутно воздав должное талантам шеф-повара.

Опытный глаз легко бы опознал в двух из собеседников уроженцев солнечного Кавказа - совсем опытный даже определил бы армянина и грузина, - еще в одном признал бы тюрка, каковым этот крымский татарин и являлся, а вот четвертый мужчина имел совершенно обыкновенную славянскую внешность, так что определить, поляк он, украинец, или клятый кацап и москаль, было определено невозможно.

Как любая нормальная столица, Варшава по своему национальному составу являлась филиалом Вавилона в момент столпотворения, так что даже гораздо более интернациональная компания не привлекла бы ничьего пристального внимания. И уж конечно, никого национальный состав беседующих не удивил бы в организации "Прометей", высшими функционерами которого они все являлись.

Вскормленная польскими спецслужбами, эта международная организация объединяла в себе эмигрантов из Российской Империи и СССР, ставящих целью независимость своих малых родин от Москвы, а также борьбу с Советской властью в самой РСФСР. В идеале же все они видели Россию расчлененной на различные этнические, и не только, государства, дабы никогда уже русский медведь не смог подмять их под свою палу.

Понять поляков, взлелеявших эту гидру, по-человечески, конечно, можно. Пережив три раздела своей родины, полуторавековое российское господство, кровавые подавления шляхецких восстаний, они вряд ли могли испытывать теплые чувства к братьям-славянам. К тому же, имея с востока могучий, бурно развивающийся Советский Союз, не скрыва-

ющий территориальные претензии к Речи Посполитой, трудно чувствовать себя спокойно. Нынешние генералы - это вам, увы, не Пилсудский, земля ему пухом...

Вот и приходилось сравнительно слабым, в военном отношении, полякам разжигать национальную рознь в СССР, подбивать к выступлениям чеченцев, грузин, армян, украинцев... Мало ли в Союзе национальностей? Да и тех, кого обидела Советская власть всегда найти можно, а молодежь всегда падка на красивые истории о былом величии своего народа. Только надо показать пальцем на того, кто в утрате этого величия, пусть и сто раз мнимого, виноват, да снабдить оружием и офицерами.

Вот и указывали, и снабжали, и группы забрасывали - все делали, лишь бы русским было не до взглядов за пределы своих границ.

Впрочем, к услугам "Прометея" прибегали не только потомки князя Ляха.

- Господа, - Драстамат Камаян обвел своих собеседников взглядом, - нынче вечером со мной встретился личный представитель французского командующего Гамелена.

- Думаю, что выражу мнение всех присутствующих, - Султан Гирей указал на молчащих Шалму Алквагелидзе и Степана Бандеру, - если скажу, что это довольно интересная новость. Что от нас понадобилось Франции?

- Даладые и Чемберлена не устраивает советское бряцанье оружием в Финляндии. Из Лиги Наций СССР уже турнули, оружие они финнам поставляют, планируют и войсками помочь.

- Не надо заходить настолько издалека. - поморщился Бандера. - Мы тут не глупые люди, это все понятно. Что хотят от нас?

- Ну что от нас могут хотеть? - невесело усмехнулся Алквагалидзе. - Понятно, что. Сколько дают оружия, денег, откуда заброска, какие условия?

- Деньги... - Камаян что-то написал на салфетке и подвинул ее собеседникам. - Вот где-то так. В оружии мы практически не ограничены. Заброска через Турцию и Польшу. Судя по всему, через эти направления и будут наноситься удары по СССР.

- Не рассказывайте сказок. - фыркнул Гирей. - Ни Мощицкий, ни Иненю еще не сошли с ума. Даже если наши дела будут идти сверх всякого ожидания, на вторжение они не решатся.

- Сами, конечно, нет. - согласился Драстамат Камаян. - А вот совместно с англичанами, французами, и, скорее всего, немцами - почему бы и нет?

- Насколько это точно? - Бандера даже немного подался вперед, впериw взгляд в армянина.

- Из сказанного можно было сделать именно такие выводы. - уклончиво ответил Камаян. - И, сразу должен вас обрадовать. Наши... союзники планируют создание независимого украинского государства, а не включение Советской Украины в состав Польши. По крайней мере, большей ее части. Это то, что мне заявили прямо и однозначно. Крыму, Грузии и Армении также предоставят статус суверенных держав.

Насчет остальных наших коллег... Тут торг уместен.

Окрестности Харькова, танкопарк 14-й ттбр 26 февраля 1940 г., девять утра - Узнаешь, Максим Александрович? - Бохайский кивнул на прибывшие ночью новые машины.

Только что вернувшийся из увольнения Хальсен хмыкнул.

- Где-то встречал. А почему к нам, а не в Финляндию?

- А пес его знает. - подполковник пожал плечами. - Наверное там штурмовать уже нечего. Или путаница какая в штабе случилась. Отдали распоряжение, мол, "в первую очередь вооружить новейшими машинами батальон подполковника Бохайского Е Мэ, как имеющий опыт использования подобных машин", а про то, что после испытаний нас обратно на харьковщину отправили, как-то позабыли. Всяко бывает.

Егор Михайлович задумчиво поглядел на ряд новеньких, припорошенных идущим снежком, КВ.

- Одно точно знаю - прислали их именно в наш батальон, даже приказ Наркома об этом имеется, так что шиш их у нас кто отожмет.

За углом послышался лязг траков, и на стоянку выехал еще один КВ. Прогромыхав мимо старлея и комбата он занял свое место на стоянке, замер, после чего из танка появился испачканный в машинном масле, но довольный донельзя, Вилко.

- Где ж я так нагрешил-то, а? - громко спросил подполковник. - Слушай, Арсений Тарасович, вот у всех комиссары как комиссары, у одного меня все не как у людей.

- Это почему? - батальонный комиссар продолжал счастливо улыбаться во все свои тридцать природных и два металлических зуба.

- Ну как почему? - удивленно произнес Бохайский. - Комиссары в частях чем занимаются? Правильно, политкультурагитпросветом среди рядового, сержантского и командирского состава, ни бельмеса при этом не разбираясь в военном деле, но лезя командовать поперед командира части. А ты? Тьфу, смотреть тошно. Два Боевых Красных знамени и Орден Сухэ-Батора, не говоря уже про медали, боевое ранение (в последние дни боев при Халхин-Голе Вилко действительно получил небольшое ранение от осколка брони собственного танка), танки сам и водить, и чинить умеешь наконец - ну позорище просто, а не комиссар!

- Хе-хе. - мерзким голосом произнес капитан. - Это ты Лхагвасурэну расскажи.

Тот вообще своих бойцов лично в кавалерийскую атаку на японские окопы водил. И, что характерно, выбил противника с позиций.

- Монголы, дикие люди. - пожал плечами Макс. - Дети природы. И лошадей он чинить не умеет - факт.

- А ты, старлей, вообще помолчи. - изобразил строгость комиссар. - На него уже представление на капитана в штаб ушло, а он все не женат.

- Так, тамаду никак найти не могу для свадьбы. - развел руками Хальсен.

- А я тебе на что? Вон, и товарищ подполковник говорит, что мое дело языком чесать.

- За который, товарищ капитан, тебя никто сейчас не тянул. - усмехнулся комбат.

- Максим Александрович с Марлен Генриховной заявление уже, честь по чести, подали, и свадьба у них о следующем месяце. Ну, если опять какой войны не случится.

Пролив Каттегат, борт патрульного корабля "Хвалроссен" 02 марта 1940 г., около одиннадцати утра - Нифига себе! - ошарашено выдохнул кто-то из матросов, глядя на втягивающийся в пролив караван, под прикрытием англо-французской эскадры. Миг, и на палубе оказались все свободные от вахты, дабы поглазеть на невиданное зрелище.

Посмотреть датчанам действительно было на что - огромное количество морских транспортов и грузовиков, выделенные Францией и Англией для доставки сил в Финляндию, покрыли, казалось, всю поверхность моря, а дымы из труб заволокли небеса, настолько густо, что, мнилось, его и нету совсем. И вокруг этой новой Великой Армады, перевозящей полста тысяч солдат и офицеров (ровно треть от запланированного к отправке, причем высадка последней трети, в апреле-мае, планировалась в Польше) множество могучих боевых кораблей: юркие эсминцы и лидеры, легкие крейсера "Глуар", "Марсейез", "Дюгетруэн", "Леандр", "Перт", "Сидней",

"Галатея", "Саутгемптон", "Эдинбург", линейный монитор "Эребус", линкор "Нельсон", линейные крейсера "Реноун", "Дюкень", "Кольбер" и целых два авианосца - французский "Беарн" и британский "Фуриоус".

- Хана русским. - прокомментировал боцман Свенельдсон. - Хорошо, что не нам.

Окрестности о. Готланд, борт U-61 02 марта 1940 г., полдень Конец февраля и почти весь март были назначены экипажу Карла для стажировки на субмаринах, что и было причиной того, что нынче он болтался в трюме "эмсмановской" (39) лодки тип II. Погода стремительно ухудшалась, субмарину начало болтать, брызг от волн долетали уже до вершины рубки, где в настоящий момент торчал юноша, и Карл очень надеялся, что штатный сеанс радиосвязи пройдет поскорее.

Тогда лодка погрузиться, а под водой, оно сухо, тепло и не трясет от каждой волны.

- Капитан, радиограмма с базы. - в люке появилось встревоженное лицо Арндта.

Последние несколько месяцев друзья встречались, в основном, вне занятий. Карл и Отто перевелись к навигаторам, а Йоган заявил, что механика - это его семейное дело, и остался верен дизелям и электромоторам субмарин. Фредди Райс же, и вовсе, пошел в торпедисты.

И, однако ж, при распределении на практику приятелям выпал счастливый билет на одну лодку (счастливый билет носил погоны гауптбоцмана, но парни об этом не имели ни малейшего представления).

Командир принял листок с радиограммой, прочел и нахмурился.

- Если не везет, так вдребезги. - задумчиво произнес он. - Почти боевая операция, а у меня вместо второго штурмана и второго механика фенрихи.

Карл не обиделся, поскольку был с капитаном совершенно согласен. Заглянув в радиограмму через его плечо он успел прочесть ее текст:

Всем.

Англо-французский конвой с войсками вошел в Балтику через пролив.

Предположительно движется в порты Турку и Хельсинки. Выдвинуться навстречу, совершать скрытное сопровождение до особых распоряжений. По обнаружению конвоя - доложить при первой возможности. При обнаружении эскортом действия на усмотрение командиров. Сеансы связи только при отсутствии опасности обнаружения, в 24:00.

Запасная частота без изменений.

Резинг.

- Рулевой, курс 195! - приказал капитан-лейтенант Меле. - Верхнюю палубу приготовить к погружению!

Покуда матросы разряжали и снимали спаренный пулемет, убирали флагшток, закрепляли все, что можно и нужно закрепить, закрывали отверстия на верхней палубе, идущая на самом малом ходу субмарина совершила поворот и легла на заданный курс.

- Верхняя палуба готова к погружению! - отрапортовал первый вахтенный офицер.

- Геббельс, а вы почему еще тут? - удивленно возрился на Карла командир. - Штурману, курс прокладывать, кто будет помогать?

Едва молодой человек спустился внутрь, как пришел приказ увеличить ход до десяти узлов, так что Карл мог радоваться - при таком ходе и таком волнении на море, стоящих на мостике офицеров окатывало уже не брызгами, а натуральными волнами, так что дождевики от промокания не спасали. - ...до жути наш тогдашний капитан любил охоту. - донесся до него голос Занге, одного из матросов, рассказывающего очередную байку, на которые он был неистощим.

- Везде с собой ружье таскал. И вот, всплываем мы как-то у Кольского полуострова - как раз к русским, в порт Terpen'kiy шли, - а на берегу, над обрывом, стоит красавец-олень, и глядит в открытое море. Кэпа аж затрясло. Ну, ему быстро винтовку притаскивают, экипаж на палубу высыпал поглядеть, попадет или нет. И вот прицелился он, все дыхание затаили, и - бабах! Олень летит в море. А за ним, туда же, сани с мужиком.

- Ха-ха-ха...

- Приготовиться к погружению! - раздался приказ Меле, и Карл, остановившийся дослушать историю, поспешил к штурману.

Субмарина должна была уйти незаметно, так, чтобы ее курс не смогли отследить датские летчики. А то Бог их, этих датчан, знает. Вдруг сообщат французам или англичанам?

А на военно-морских базах Германии в это время ревели тревожные сирены, собирая экипажи на корабли. Флот готовился к выходу в море.

Таллин, штаб Балтийского флота 02 марта 1940 г., около двух часов дня (время берлинское) - Товарищ Трибуц? - раздался в телефонной трубке хрипящий, от помех на линии, голос.

- Слушаю Вас, товарищ Кузнецов. - ответил командующий Балтийским флотом.

- Готовьте тяжелые силы флота к выходу в море для боевой операции, Владимир Филиппович. Англичане и французы вторглись на Балтику. Все суда под их флагами, находя-

щиеся в наших портах или территориальных водах немедленно задержать. Силам подводного флота готовиться к неограниченной подводной войне.

Окрестности Харькова, танкопарк 14-й ттбр 02 марта 1940 г., половина третьего часа дня (время берлинское) Вилко вели в танкопарк всем командирским составом батальона. Вернувшийся из поездки в штаб округа, куда его носило по каким-то своим комиссарским делам, Арсений Тарасович на КПП был радостно схвачен ухмыляющимися красными командирами, на глаза ему был повязан шарф, а на уши повешена лапша о ждущем его сюрпризе.

- Надеюсь, сюрприз хоть приятный? - пробурчал ведомый под руки Вилко.

- Более чем. - заверил его Бохайский. - Не знаю, конечно, понравится тебе или нет, но, по идее должно бы.

- Ой, и не люблю же я, Егор Михайлович, когда ты так начинаешь разговаривать. - пробормотал батальонный комиссар. - Обычно заканчивается это первостатейной гадостью.

- Гадостью? Я? Да как я могу? - возмутился комбат.

- Можешь-можешь. - заверил его капитан. - На своей шкуре проверял.

- Нет, вы посмотрите какая сволочь! - хмыкнул Бохайский. - Все пришли. Сымай повязку.

Арсений Тарасович Вилко повязку снял, поглядел на стоящие перед ним четыре бронированные машины, задумчиво потер подбородок, и хмыкнул.

- Интересная компоновка. И, позволь узнать, Егор Михайлович, шо це такэ?

- Это? Это, понимаешь, четвертая рота батальона. Новейшие машины - самоходные артиллерийские установки на основе твоего любимого танка Т-100, со сто пятидесяти двух миллиметровыми орудиями МЛ-20, носовым и двумя бортовыми пулеметами. "Богдан Хмельницкий" называются. Прислали с приказом о присвоении тебе очередного воинского звания - майор, - и назначением на должность командира роты, с сохранением должности батальонного комиссара. Так что изволь принимать роту под командование.

- Это кто ж порадел-то так?

- А есть такие товарищи Ворошилов и Кулик. - хмыкнул Бохайский. - Почитай, первый раз в жизни договорились без ссоры. И о том какое имя машине дать, и о том кого над ними командиром поставить. Так когда ты, говоришь, за звание проставляться будешь?

Москва, Кремль 02 марта 1940 г., три часа дня (время берлинское) - Согласно агентурным данным, концентрация бомбардировочной авиации в Сирии завершена. Караван с войсками продолжает проход через пролив Каттегат, а это пятьдесят тысяч свежих штыков, артиллерия и танки для финнов. Не говоря уже о том, что эскорт каравана по мощи равен всему нашему Балтфлоту. - Берия помолчал.

- Коба, с Финляндией надо начинать переговоры о мире, иначе большая война со всей Европой будет неизбежна. Едва только погибнет хоть один английский или французский солдат, как общественное мнение этих стран, пока еще настроенное против войны, изменится кардинально, и Великобритания с Францией обрушатся на нас всей своей мощью.

- Англия и Франция, это еще нэ вся Европа. - задумчиво ответил Сталин.

- Гитлеру я не верю. - покачал головой Лаврентий Павлович. - Он, покуда всем было не до него, покуда в Лиге Наций дружно осуждали нас и снабжали оружием Маннергейма, под шумок поделил Чехословакию на пару с венграми и ляхами, а сейчас концентрирует войска у польских границ. Не для того же, чтоб воевать с Мощицким он это делает? Нет, Коба, я почти убежден, что он готовится ударить по нам вместе с поляками. Они, кстати, объявили мобилизацию.

- Ми тоже концентрируем войска на западных границах и ведем призыв резервистов, но ведь это не значит, что ми хотим ударить по Германии вместе с Польшей. Ты чересчур пессимистично настроен по отношению к будущему, Лаврэнтий. Доложи лучше, что сделано для обороны кавказских нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающей промышленности.

Екатерининская гавань, штаб БПЛ СФ 02 марта 1940 г., половина пятого дня (время берлинское) - Капитан 1-го ранга Виноградов у телефона. - доложил командир бригады подводных лодок Северного флота. По этому аппарату ему могло позвонить только начальство.

- Здравствуйте, Петр Ильич. - раздался в трубке голос с выраженным кавказским акцентом. - Товарищ Сталин вас беспокоит.

Кап-один, под недоуменными взглядами присутствующих в его кабинете офицеров, поднялся со стула с побелевшим лицом, машинально принимая стойку "говорю с большим начальством" и застегивая верхнюю пуговицу.

- Ви, наверное, уже в курсе, - продолжил меж тем Вождь, - что англо-французская буржуазия решила побряцать оружием перед лицом советского народа, и отправила свой экспедиционный корпус в Финляндию.

- Так точно, товарищ Сталин. - теперь пришло время взбледнуть и остальным офицерам. - Как раз сейчас провожу совещание со штабом и командирами дивизионов, вырабатываем план противодействия англо-французским силам в случае начала военных действий, для подачи в штаб Северного флота.

- Оперативно работаете, товарищ Виноградов. - похвалил каперанга Сталин. По-голосу чувствовалось, что он и впрямь доволен. - И какие имеются соображения?

- Соображение одно, товарищ Сталин. - ответил Виноградов. - Выводить бригаду на британские морские коммуникации. Сейчас обсуждаем детали операции.

- Это возможно? - поинтересовался Иосиф Виссарионович. - Я имею в виду - технически.

- Так точно. - ответил Виноградов. - Подводные корабли трех из четырех дивизионов способны достигать британского побережья, а это десять из шестнадцати субмарин бригады. Конечно, придется вывести плавбазы за Нордкин, однако четвертый дивизион и эсминцы Северного флота способны их защитить, в случае обнаружения противником.

- А скажите, товарищ Виноградов, сколько времени потребуется вашей бригаде для начала такой операции, если война с западными империалистами все же начнется?

Когда вы, например, сможете рапортовать о первых успехах советских подводников?

Каперанг бросил взгляд на настенные часы.

- Полчаса. - коротко ответил он, и мысленно застонал. Дернул черт за язык, называется... За самоуправство в советском флоте глядят против шерсти.

- Вот как? - удивился Сталин. - Ви хотите сказать, что в зоне досягаемости кораблей вашей бригады находятся британские или французские корабли, вышедшие из Мурманска, или держащие курс на него?

- Не совсем так, Иосиф Виссарионович. - Виноградов выдохнул, и решил идти до конца. - В настоящее время в районе Оркнейских островов находятся две субмарины Северного флота: Д-3 "Красногвардеец" и Щ-421. Для их обеспечения к вост-норд-весту от мыса Нордкин выдвинута плавбаза "Двина". Кроме того, в Северном море заканчивает ходовые испытания К-1, также приписанная к моей бригаде.

- И что же, товарищ Головкин об этом знает? - мягко поинтересовался Сталин.

- О К-1 знает, об остальных - пока нет. - отчеканил Виноградов, уже представляя, как его забирают сотрудники НКВД.

В трубке послышался легкий смехок.

- Но ведь вы ему доложите об этом, Петр Ильич?

- Так точно, товарищ Сталин.

- Это хорошо, товарищ Виноградов. Командующий флотом обязан знать, где в настоящее время находятся его корабли. Это его прямая обязанность. А скажите, связь с этими подводными лодками имеется?

- Так точно. - кап-один вновь бросил взгляд на часы. - Плановый сеанс связи через двадцать пять минут.

- Тогда знаете что, Петр Ильич? Ви попросите их командиров, от моего имени, завтра, часов так с трех дня, начать прерывать английское морское сообщение. И остальные свои корабли готовьте к походам. А если необходимость в этом отпадет, я вам завтра, до трех часов, перезвоню. Вам понятно задание?

- Так точно, товарищ Сталин.

- Ну, тогда до свидания, товарищ контр-адмирал.

- Я ж не контр-адмирал... - ошарашено произнес Виноградов, опуская трубку.

- Да нет, Петр Ильич. - произнес командир первого дивизиона, Гаджиев. - Думаю, уже контр-адмирал. Не может же товарищ Сталин в таком ошибаться. Верно я говорю, товарищи?

Сирия, французская авиабаза Раяк 03 марта 1940 г., четыре часа утра (время местное) "Фарман-221" капитана Жака-Мориса Люка резвым зайчиком пробежался по взлетной полосе, подпрыгнул, и неторопливо, как обожравшийся селезень, начал набирать высоту. Следом за ним тотчас же стартовал еще один бомбардировщик, с полным боезапасом. Начиналась операция "Бакинская нефть".

Сам Люка никакой особенной неприязни к русским не испытывал, как и какой-то горячей привязанности к финнам. Ну воюют они себе, и Бог с ними - его это не касается. Коммунисты? И что? Была у него в Марселе одна коммунисточка так она...

Впрочем, джентльмены о таких вещах не распространяются.

Однако, как человек военный, как офицер, он обязан был выполнить приказ, а потому его машина, как и еще четырнадцать таких же, взяла курс на одиннадцать часов. "Фарманы" шли бомбить Одессу.

Не испытывая ненависти к предстоящему врагу, не испытывал он и угрызений совести.

С какой, спрашивается, стати? Кто-то улицы метет, кто-то роды принимает, а его работа - бомбы сбрасывать, куда укажут. Ну а то, что там внизу люди... Извините, граждане, вам не повезло - ваш лидер поссорился с Францией. А почему поссорился, так какое ему, капитану Люка, дело? Он не политик, он военный.

Действительно, идея о проведении операции "Кавказская нефть", или, как ее называли участвующие в ней англичане, "МА-6", принадлежала не военным, а политикам. Едва стала ясна неизбежность войны между Финляндией и СССР, Эдуар Даладьё, в записке предназначенной для сведения членам правящего кабинета, предложил двум высшим военным чинам - начальнику генштаба сухопутных войск армейскому генералу Морису Гамелену и начальнику морского генштаба адмиралу Жану Дарлану продумать и изложить соображения о "предполагаемой операции по вторжению в Россию с целью уничтожения нефтяных источников" (40). Даладьё имел в виду три возможных варианта действий: перехват в Черном море нефтеналивных судов, прямое вторжение на Кавказ или поддержка освободительного движения кавказских мусульманских народностей.

Несмотря на англо-советские экономические контакты, идея Даладьё была активно поддержана и Великобританией, после чего Генеральные штабы обеих держав принялись за разработку плана совместной операции.

Конечно, борьба с коммунизмом, в большинстве западных держав, из национального спорта еще не превратилась в манию, однако изрядная доля доводов за проведение "Кавказской нефти" числилась именно по этой статье. Были и иные причины.

Восставшая из версальского пепла Германия, из страны стремительно превращалась в державу, вынуждая считаться с собой. Растущая мощь Рейхсвера, а затем Вермахта, а также Люфтваффе и Кригсмарине не то что бы пугали, но заставляли испытывать определенное опасение. Кровь же войны - топливо - производилась из нефти. "Германия предстанет перед фактом прекращения поступления нефти с Востока и вынуждена будет довольствоваться тем, что она получает из скандинавских и балканских стран", написал в своей докладной записке председателю Совета Министров Гамелен. Конечно, поставки из Советского Союза покрывали только около десяти процентов потребностей Германии, но ведь

нефтепромыслы и захватить можно. А отдавать такой жирный куш как нефтеносные месторождения Кавказа Гитлеру, это чревато боком.

Да и растущая мощь СССР, надававшего по шеем не самой худшей в мире Японской Императорской армии, наводила на размышления о идее Мировой Революции. Может, конечно, русские и впрямь от нее отказались, но лучше было перестраховаться. Ну и война с финнами, разумеется. Нужен же формальный повод для развязывании агрессии против суверенного государства или, по крайней мере, превращения северокавказского региона в очаг вооруженного мятежа.

"Военные действия против нефтяных районов Кавказа должны быть направлены против основных, наиболее важных центров нефтяной промышленности. Это - центры добычи, хранения и вывоза нефти, сосредоточенные в трех пунктах: Баку, Грозный, Батуми..." - указывал все в той же докладной Гамелен. Он считал, что такая операция представляет "большой интерес для союзников", поскольку "поставит Советы в критическое положение, так как для обеспечения горючим советских моторизованных частей и сельскохозяйственной техники Москве нужна почти вся добываемая сейчас нефть".

Конечно же, командование рассматривало не один вариант атаки. "Воздушное нападение на Баку и Грозный должно быть проведено либо с территории Турции (район Диярбакыр - Ван - Эрзурум), либо с территории Ирана, либо с территории Сирии и Ирака (Джизре и район Мосула)", предполагал Гамелен. В результате решено было "заточить" операцию "под Сирию". А чего б и нет? Французская подмандатная территория, где BBC belle France не обязаны отчитываться ни перед кем, куда они летают, откуда, как часто, и кто еще приземляется на их аэродромах.

Несомненно, штабисты, разрабатывавшие план были оптимистами. На разрушение Баку отводилось 15 дней, Грозного - 12, Батуми - всего 1,5 дня. Они считали, что "в течение первых 6 дней будет уничтожено от 30 до 35 процентов всех нефтеочистительных заводов Кавказа и портовых сооружений... Для проведения операции будет использовано от 90 до 100 самолетов в составе шести французских групп и трех британских эскадрилий. Французские группы... будут укомплектованы двумя группами "фарманов-221" и четырьмя группами "гленн-мартинов", оборудованных дополнительными резервуарами для горючего; за каждый вылет они смогут сбросить в общей сложности максимум 70 тонн бомб на сотню нефтеочистительных заводов".

Англичане, правда, пытались оттянуть начало операции, перенести ее на май-июнь, но когда стало ясно, что Финляндия вот-вот сдастся, уступили настойчивому требованию Франции начинать операцию как можно скорее. Для того, хотя бы, чтобы отправленные к финнам подкрепления не гибли зря.

Расчет, конечно же, был еще и на то, что Красная Армия, ведущая бои на севере, будет деморализована известием о страшном разгроме на юге.

Ничего этого Жак-Морис Люка, разумеется не знал. Что-то предполагал, о чем-то, возможно, догадывался, где-то что-то краем уха слышал, но ему, человеку совершенно аполитичному, все это было совсем не интересно.

В настоящее время ему было интересно только одно: сдержат ли турки свое обещание сохранить нейтралитет, и беспрепятственно пропустить его авиагруппу - за остальные группы пускай головы болят у их пилотов, - через свое воздушное пространство, потому как пристроившиеся по краям строя, едва только "Фарманы" пересекли границу, PZL P.24С турецких BBC заставляли нервничать.

Однако время шло, горы внизу сменило побережье, а затем и волны Черного моря.

Турки качнули крыльями - не-то желали удачи, не-то выражали радость от того, что гости в их воздушном пространстве наконец-то покидают турецкие пределы, - и легли на обратный курс. Под крыльями бомбардировочной авиагруппы потянулись долгие мили морского пространства.

За время перелета над морем штурманы трижды давали поправку на курс и вывели машины французских BBC точно к цели. В лучах яркого утреннего солнца капитану Люка

были прекрасно видны и город, и полный кораблей порт, и черные точки летящих от Одессы советских истребителей. Через несколько минут в воздухе стало очень жарко.

Люка, в отличие от большинства своих товарищей, все же смог прорваться и сквозь истребители, и сквозь плотный огонь зениток, и поразить своими бомбами нефтеналивное судно, однако вернуться домой ему было не суждено. Едва бомбы рухнули вниз снаряды зениток раскололи его "Фарман-221", и он, огненными обломками, рухнул в порт. Простите, капитан, вам не повезло. Ваш лидер поссорился с СССР.

Из радиообращения Председателя СНК В.М. Молотова к советскому народу Сегодня, в шесть часов утра, не предъявляя никаких претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, военно-воздушные силы империалистических Франции и Великобритании, нарушив воздушное пространство независимой Турецкой Республики, нанесли удар по городам Баку, Грозный, Батуми и Одесса... ..потери среди защитников и мирного населения этих городов оказались незначительны, однако же за каждую каплю крови советских граждан... ..благодаря мужеству, бдительности и высокой боевой подготовке советских летчиков и зенитчиков было уничтожено более пятидесяти самолетов агрессоров, вынудив остальные трусливо бежать, поджав хвосты... ..весь прогрессивный мир, все прогрессивное человечество, единым фронтом выступили против этого вопиющего попрания всех международных норм. Ноты протеста Франции и Великобритании уже направили Португалия, Испания, Норвегия, Болгария, Венгрия и даже Румыния. Даже королевская Румыния, отбросив политические разногласия с СССР, заявила о полной и безоговорочной поддержке Советскому Союзу и объявила о начале всеобщей мобилизации... ..эта наглая провокация империалистов не останется безнаказанной. Кровь погибших вопиет к возмездию... ..наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Из приказа Главкома ВВС РККА от 08 января 1940 г. ...дальнебомбардировочным авиapolкам Закавказского и Одесского военных округов приступить к изучению Ближневосточного ТВД, обратив особое внимание на следующие объекты: Александрия, Бейрут, Хайфа, Александрия, Порт-Саид, Никосия, Ларнака, Фамагуста, Алеппо, Суэцкий канал, Стамбул, Измир, Синоп, Самсун, Трапезонд, Мудания, Смирна, Галлиполи, Анкара, Кырыкале, проливы Босфор и Дарданеллы.

Командирам полков, сохраняя строгую секретность, проработать возможные маршруты, бомбовую нагрузку и провести по 2 учебных полета над своей территорией с дальностью и навигационными условиями, соответствующими Ближневосточному ТВД, включая бомбометание и воздушные бои с встречающимися истребителями.

Северное море 03 марта 1940 г., три часа десять минут дня (время московское) Сейнер "Вайт Стар" вытянул сети и в трюм посыпалась бьющаяся, отливающая серебром на чешуе, рыба. Улов был богатый, и шкипер мог быть доволен.

- Забрасывай, мужики! Забрасывай, пока косяк не ушел. - поторапливал он матросов, не зная, что следующим уловом будет он сам.

В полусотне метров от сейнера, неожиданно, в пузырьках воздуха от продуваемого балласта, на поверхность выскочила чудо-юдо рыба "Красногвардеец".

- Это что за хрень? - изумился шкипер.

- Эй, на сейнере, рыбалка кончилась. - донесся до него голос, с ярко выраженным славянским акцентом, из громкоговорителя субмарины. - Садитесь по шлюпкам и уматывайте. Сейчас мы вас топить будем.

Сирия, французская авиабаза Раяк 03 марта 1940 г., четыре часа дня (время местное) Главнокомандующий французскими войсками в Восточном Средиземноморье армейский генерал Максим Вейган, незаконный отпрыск Шарлотты Бельгийской и Альфреда ван дер Смиссенса, мрачно взирал на деловитую возню механиков через окно штаба.

Радоваться, и впрямь, было нечему.

"Тридцать две машины. - тоскливо подумал генерал. - Тридцать две. Не полста, конечно, как о том на весь мир трубят *Serpe i Molotov*, но тоже до чертиков.

Огромные, просто ужасные потери. И ладно, был бы с них толк! Никто и не ожидал, что бомбардировка советских нефтеносных районов и портов будет легкой прогулкой - что-то русские наверняка подозревали, - но такого разгрома не ждал ни кто.

Проклятые коммунисты даже не дали толком зайти бомбардировщикам на цель. Сначала встретили в воздухе, но это полбеды. И-15 и И-16, быть может, и не такая уж и рухлядь, но плотный строй бомбардировщиков вскрыть *Stalineskie Sokoly* не сумели.

А вот та плотность зенитного огня, та эшелонированность средств ПВО, которую продемонстрировали русские, оказалась настолько неприятным сюрпризом, что к целям бомбометания удалось прорваться всего десяти бомбовозам, причем возвратилось из этих героев только семь".

Вейган закурил и вернулся к своему столу. Из Парижа и Лондона требовали повторных налетов на СССР, и плевать было политикам, что более половины вернувшихся машин нуждаются в серьезном ремонте. Генерал покачал головой и невесело усмехнулся.

"Я ведь предлагал перебросить больше машин и прикрыть бомбардировщики истребителями с турецких аэродромов. Но нет, им надо было побыстрее, им некогда было с Инею договариваться. И что теперь? Операция "Бакинская нефть", можно считать, провалилась из-за этих столичных торопыг. А всех собак, конечно же, повесят на меня".

Рим, Палаццо дель Квиринале 03 марта 1940 г., четыре часа дня Король Италии и Албании, Император Абиссинии, Виктор Эммануил III задумчиво вертел между ладонями чашечку с почти остывшим кофе.

- Скажите, Бенито, - наконец вымолвил он, - отчего наш МИД занял в сложившейся ситуации столь неопределенную позицию? Неужели вы ожидаете, когда свою позицию озвучит Германия?

- Разумеется, нет, Ваше Величество. - ответил дуче. - Однако прежде чем мы определим наш курс в изменившихся условиях, необходимо понять, насколько далеко готовы зайти Франция и Англия в противостоянии с СССР. Да и действия Советов тоже представляют интерес. Если они объявят войну Турции, чтобы добраться до Ближнего Востока нам волей-неволей придется выступить против них, чтобы взять под свой контроль черноморские проливы.

- Да, - задумчиво ответил Виктор Эммануил, - в Средиземном море и так хватает боевых кораблей, советские вымпелы тут не нужны.

- Я тоже так считаю, Ваше Величество. - сказал Муссолини. - К тому же необходимо понять серьезность намерений англо-французов. Если этот их авиаудар и посылка экспедиционных сил в Финляндию означает настоящую, полномасштабную войну, это одно. А если это всего лишь фикция? вспомните, государь - мы предлагали защитить от немцев Австрию - и что? Ничего, кроме пустой демагогии с их стороны.

Мы предлагали совместную защиту Чехословакии, и опять, кроме болтовни с их стороны, ничего не дождалось. Что нам оставалось, кроме заключения "Железного пакта"? Да, Гитлер, конечно, недоумок, но он недоумок деятельный, а Даладье и Чемберлен просто трусливые ничтожества. Да и дружба с немцами уже принесла свои плоды. Сказать по чести, никогда бы не подумал, что в Ливии есть нефть. А они ее разыскали.

- И навязали нам совместную ее разработку. - вздохнул король. - Впрочем, лучше половина от добычи нефти, нежели совсем нисколько, тут вы правы. Меня настораживает иное. Зачем Гитлер стягивает войска к польским границам? Зачем это делают коммунисты я понимаю - Польша союзник Франции, и свои войска те вполне могут высадить и там. Но Гитлер...

- Тут возможны два варианта. - ответил дуче. - Либо Гитлер окончательно сошел с ума и намерен вторгнуться в Речь Посполитую - а это автоматически означает войну Германии с англо-французским альянсом, либо он намерен наступать вместе с поляками. Не оттого ли и был нанесен воздушный удар по советским нефтяным месторождениям?

- Чтобы СССР не мог оказать достойного сопротивления немцам и полякам?

- И чтобы нефть не досталась немцам. - ответил Муссолини. - В любом случае, Чиано вылетел в Берлин для консультаций с Риббентропом. Какие-никакие, но немцы наши союзники.

- А вы не рассматриваете вариант поддержки Гитлером СССР? - Виктор Эммануил наконец поставил чашечку на столик.

- Это крайне маловероятно, Ваше Величество. - покачал головой дуче. - Гитлер, безусловно, сумасшедший. Даже бесноватый. Но не настолько.

- И все же? Какова будет наша позиция при таком варианте?

Москва, Наркомат Иностранных Дел 04 марта 1940 г., десять часов утра (время местное) - Здравствуйте, товарищ Народный Комиссар. - вежливо поприветствовал Литвинова японский посол Того, входя в кабинет.

- Кониши-ва, Сигэнори-сан. - устало улыбнулся гостю Максим Максимович, и указав на небольшой столик у стены, за которым стояло два кресла, добавил. - Прошу присаживаться, господин посол.

Когда и хозяин кабинета, и его гость, сели, НарКомИнДел требовательно поглядел на японского посла.

- Вы просили о встрече. - произнес он.

- Верно, товарищ Ритвинов. - в японском языке, как известно, отсутствует буква "л", и даже проводивший долгое время в Москве Того Сигэнори, не избавился от привычки заменять ее в разговорах на букву "р". - Японское правительство присраро мне новые инструкции в связи со вчерашним... инцидентом на Черном море и Кавказе.

"Присраро - это нельзя точнее и выразить. Присрать вы нам всегда горазды". - подумал Литвинов, изображая неподдельную заинтересованность. Видимо, на лице Максима Максимовича отразилась какая-то тень его истинных мыслей, поскольку посол поспешил вспомнить летние события.

- Нет нужды вспоминать о прискорбных разногласиях, приведших к сторкновению у Номон-Хана наших вериких стран. Как это говорят у вас: "Кто старое помянет, тому graz вон".

"А кто забудет - тому два". - мысленно закончил пословицу Литвинов, но Того, судя по всему, продолжения не знал.

- Тэнно Сева искренне верит, что те прискорбные события не смогут омрачить дарьнейшие взаимоотношения между нашими державами, товарищ Народный Комиссар.

Вместе с тем, тэнно возмущен вероромным нападением на СССР и спешит заверить советское правительство, что Япония готова оказать вашей стране рюбую разумную поддержку в борьбе с агрессорами.

- Заверьте Его Императорское Величество в нашем всемерном почтении, и передайте ему нашу искреннюю благодарность за теплые слова. - кивнул Максим Максимович, едва удержавший челюсть от падения. Такой поворот в японской внешней политике был удивительнее давешнего немецкого миролюбия.

Еще сильнее он бы удивился, если б узнал, что во время прошедшего вчера, поздно вечером, совещания кабинета министров Японии, император Хирохито нарушил старинный протокол, и напрямую обратился к своим министрам с требованием прямо изложить военные планы. Премьер-министр Коноэ, первым отошедший от изумления по поводу попрания традиции императорского молчания, смог убедить Хирохито пообщаться с Министром Армии и Министром Флота, а также их офицерами, отдельно.

В воспоследовавшей беседе генералитет, жаждущий смыть с мундиров хасанский и халхин-гольский позор, настаивал на поддержке франко-британцев и войне с СССР.

Моряки же, напротив, предлагали выступить с Советами единым фронтом.

Финал спору положил барон Хара Есимити, президент Императорского совета и представитель императора, произнесший: "Выступив против Англии и Франции мы можем получить и честь, и добычу. Выступив вместе с ними мы получим только честь, а, зная этих западных варваров и их повадки, еще и долги, скорее всего".

Хирохито потребовал от своего кабинета установить максимально возможные дружеские отношения с СССР, и более не вспоминать о войне с ним.

Присутствовавший при этом глава ВМС Японии, адмирал Осама Нагано, чрезвычайно опытный бывший военно-морской министр, позднее записал в своем дневнике: "я никогда не видел, чтобы император делал выговор в таком тоне, его лицо покраснело и он почти кричал".

- Наскорько мы понимаем, - меж тем продолжал вещать Того, - первейшим доказательством наших дружеских намерений в отношении Советского Союза будет стабилизация обстановки вокруг вашей страны, в связи с чем просим СССР быть посредником в установлении мира между Японией и Китаем. Соответствующую просьбу тэнно направит в ближайшие дни, если это принципиально возможно.

"Вот те раз", подумал Литвинов.

- Также мы предлагаем штабам Японского Императорского и Советского Тихоокеанского флотов выработать план совместных действий, на случай вступления Японии в войну.

"А вот те два..."

Балтийское море, борт U-61 05 марта 1940 г., ноль часов пять минут Геббельса разбудили сигнал боевой тревоги, громкие команды офицеров и топот матросских ботинок по палубе.

- Что случилось? - ухватил он несущегося мимо Йогана.

- Быстро, быстро, всем занять места согласно боевого расписания! - разнесся голос старпома.

- Война, Карл! Мы вступили в войну! - выдохнул Арндт, и как был, полуодетым, рванул в двигательный отсек.

Сноски: (23) Ресифи (порт. "Коралловые рифы") - столица бразильского штата Пернамбуко. (24) "Взять за ноздрю" - взять на буксир. (25) 11 мая 1939 г. отрядом японской кавалерии численностью до 300 человек была атакована монгольская пограничная застава на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо, что, в реальной истории, положило начало конфликта на Халхин-Голе. (26) Жамъянгийн Лхагвасурэн - генерал-полковник, корпусной комиссар. Помощник по командованию кавалерией Монгольской народно-революционной армии, входящей в состав 57-го особого корпуса. (27) Фекленко по этому поводу сказал: "Там эти чудовища хоть не увязнут. Я надеюсь". (28) Цилиакс Отто, капитан цур Зее, командир "Шарнхорста". Ферсте Эрих, капитан цур Зее, командир "Гнейзенау". (29) Дед, он же стармех - старший механик. "Король воды, говна и пара" - четвертый механик (как правило), т.к. все это входит в его заведование. (30) KwK 36 L/47 - танковая "пушка Арндта". В реальной истории не существовала (как и сам описываемый танк), плод фантазии автора. (31) Сталин имеет в виду Александру Михайловну Коллонтай, первую в мире женщину-дипломата, и, в описываемый момент, посла СССР в Королевстве Швеция. (32) Мозг Гимлера зовется Гейдрих (нем.) (33) В настоящее время Новая Швабия носит название Земля королевы Мод. (34) РСХА - Reichssicherheitshauptamt, сокр. RSHA, Главное управление имперской безопасности, одно из 12 управлений СС, орган разведки, контрразведки и политического сыска Германии. (35) Хальсен имеет в виду энгельсскую сторону Волги. Город Энгельс (статус города с 1914 г.) расположен на берегу Волги, прямо напротив г. Саратова, и изначально именовался Покровская слобода (Покровск), откуда, собственно, старший лейтенант родом. Наименование "Покровск" неофициально применяется к городу до сих пор. (36) ГАБТУ - Главное автобронетанковое управление РККА (37) Экспозитура (Ekspozitura, от лат. expositurus - долженствующий быть выложенным) - обиходное название польской военной разведки (Второй отдел Генерального штаба, польск. Oddzia? II Sztabu Generalnego WP) (38) Дефензива - польская политическая разведка и контрразведка. (39) "Эсмман" - 5-я флотилия подводных лодок (командир корветтен-капитан Ганс-Рудольф Резинг). Опознавательный знак - черный морской конек на белом "норманнском" щите. Названа в честь командира U-116, Ганса Йоакима Эсммана (погиб 28.10.1918).

В реальной истории расформирована в январе 1940-го года, восстановлена в июле 1941 года. (40) Все цитаты в эпизоде подлинные.

Часть III. Drang nach...

Военщина продолжает предаваться оргиям разрушения и убийства. С каждым днем огромная пирамида из принесенных в жертву человеческих жизней все наглее вздымает свою окровавленную вершину...

Бенито Муссолини

Да, оборонительная линия существовала, но у нее отсутствовала глубина. Эту позицию народ и назвал "линией Маннергейма".

Ее прочность явилась результатом стойкости и мужества наших солдат, а никак не результатом крепости сооружений.

Карл Густав Маннергейм, "Мемуары"

Балтийское море, борт U-61 08 марта 1940 г., около полудня Идущая в надводном положении субмарина споро рассекала штевнем волны, а все офицеры, кроме Арндта, на которого оставили двигательный отсек, и Геббельса, у которого уже не первый день жутко болела голова, вышли на смотровой мостик, выглядывая в бинокли вражеские суда.

Погода на Балтийском море, наконец-то начала нормализовываться, чего никак нельзя было сказать о бушующей уже четыре дня буре в дипломатических кругах всего мира, да и в умах обывателей тоже. Германия вступила в войну, да как вступила! Этакого кунштюка от Гитлера вряд ли кто ожидал.

Казалось бы, все шло так, как намечали лидеры Франции и Великобритании: флот с войсками, надежно прикрытый боевыми кораблями и авиацией с "Беарна" и "Фуриус", шел в Финляндию, так что поражение ей, от обосралившейся в Зимней Войне РККА, теперь не грозило, а перехватить конвой силами надводных кораблей СССР было бы для Балтфлота славной, но все же смертью; турки пропустили бомбардировщики союзников через свое воздушное пространство для нанесения удара, и хотя успех налета был далек от запланированного - пострадали, в основном, жилые районы, когда бомбовозы спешно сбрасывали свой груз, чтобы выйти из под зенитного огня и атак истребителей - определенных успехов летуны все же добились. Оставалось только этот успех закрепить, нанести еще несколько мощных ударов, для чего готовились дополнительные воздушные эскадры. Да и Средиземноморский флот Великобритании, если бы Турция позволила ему спокойно пройти через проливы, вполне мог поддержать операцию "Бакинская нефть" не только артиллерией и крейсерством, но и истребителями со штурмовиками авианосцев "Глориус" и "Аргус".

Кроме того, группы прометеевцев, засланные заблаговременно, спровоцировали ряд выступлений против Советской власти в кавказском регионе.

Первый звонок - еще не похоронный набат планам, но все же сигнальчик о необходимости "урезать осетра", - поступил из Турции. Иненю категорически отказался повторно пропускать бомбардировщики через свою территорию (не говоря уж о флоте через проливы), заявив, что помочь оказать давление на атаковавший Финляндию СССР, это всегда пожалуйста, а вот участвовать в большой войне, на это он согласия не давал.

В Париже и Лондоне на это пожали плечами - мол, дело хозяйское, была бы честь предложена, - и четвертого марта, в пять часов утра (правда, вполне с объявлением войны), сконцентрированные для атаки Кавказа войска вступили в Турцию, двигаясь на Элязыг и Искандерун. На сей раз воздушное превосходство было за союзниками, чьи бомбардировщики и штурмовики были надежно прикрыты истребительной авиацией, и даже героический пример приемной дочери Кемаля Ататюрка, Сабихи Гекчен, лично сбившей в первый день войны три самолета франко-британских воздушных сил, не смог ничего изменить. За

два дня войны из шестисот шестидесяти самолетов ВВС Турции боеспособными осталось всего двести два, причем большая их часть была уничтожена на аэродромах.

Сконцентрированные на границе с СССР (а ну как Сталин решит, что Инению просто за-памятовал войну объявлять, и предпримет контратаку?) и для защиты Босфора и Дарданелл войска Турецкой Республики никак не успевали развернуться для противостояния наступающим - при постоянных авианалетах на пути сообщения-то, немудрено, - так что движение на Анкару выходило легкой прогулкой.

Казалось, ну что страшного? Ну потопила турецкая субмарина "Саладирай" легкий крейсер "Ковентри", так старичку давно на слом пора было. А так, через недельку (максимум) турки сдадутся и можно будет со спокойной душой заняться СССР по ранее разработанным планам. А то что болгары, югославы и румыны объявили о начале мобилизации, так и пускай. Боятся - значит уважают. Ну шалят у берегов Шотландии несколько русских подводных лодок - так за ними из портов уже выдвигаются охотники. Все развивается вполне хорошо.

И вот тут Гитлер поступил, с точки зрения союзников, просто по-свински. Вместо того, чтобы выделить в эскорт для балтийского каравана еще несколько судов и продолжить концентрацию сил на восточных рубежах, он выступил с резкой речью, осуждающей агрессоров, их вторжение в Турцию и (о, подлец!) заявил о недопустимости присутствия в Балтийском море крупных военных соединений стран не балтийского региона. Причем немедленно послал минзаги блокировать Каттегат, а к вечеру все того же четвертого марта попросту объявил Англии и Франции войну.

Погода над Балтийским морем, к счастью для конвоя, стояла, мягко говоря, фиговая - волнение до пяти баллов и низкая облачность, - так что опасаться немецкой авиации пока не приходилось. Подводный флот Рейха при такой волне тоже вряд ли мог что-то сделать, тем более, что в большинстве своем находился или на базах, или, что удивило союзников несказанно, в Атлантическом океане (топить франко-британские транспорты немцы начали уже в ночь на пятое марта). Однако надводный флот Германии никто не отменял.

Седьмого марта, в 11 ч. 12 м., находящийся в дозоре легкий крейсер "Саутгемптон" заметил множественные дымы на зюйде, а еще через полчаса смог разглядеть и стремительно приближающуюся эскадру в 9 вымпелов. Это были линкоры "Шарнхорст",

"Гнейзенау", тяжелые крейсера "Дойчланд", "Адмирал граф Шпее", "Блюхер", легкие крейсера "Эмден", "Карлсруэ", "Лейпциг" и "Нюрнберг".

На немецких кораблях также заметили "Саутгемптон", пустившийся наутек, и поспешили за ним. В 12 ч. 50 м. "Эмден" обнаружил конвой и радировал об этом и своей группе, и шедшей на пятьсот миль восточнее второй группе в составе: легкие крейсера "Кельн", "Кенигсберг", тяжелые крейсера "Адмирал Шеер", "Адмирал Хиппер", броненосцы "Шлез-иен" и "Шлезвиг-Гольштейн" и эсминцы 4-й флотилии эскадренных миноносцев "Вольфганг Ценкер" (Z-9), "Ганс Лоди" (Z-10), "Бернд фон Арним" (Z-11),

"Эрих Гизе" (Z-12), "Эрих Келнер" (Z-13).

Командующий конвоем, адмирал Альфред Харпер (неплохо изучивший битву при Скерраке, и даже опубликовавший на эту тему книгу "Загадка Ютландии", а оттого представлявший себе трудности ведения военных действий в "узких" морях и проливах) решил, что основной его задачей является доставка транспортов по месту назначения, а не драка со всякими встречными-поперечными, да и вообще, война - дело ненадежное, на ней и убить могут, а потому отдал приказ взять курс на уклонение от встречи, попутно принимая ордер, при котором боевые корабли будут расположены между немцами и транспортными судами. Авианосцы же и вовсе поставил севернее некуда - при таком волнении ни один самолет не смог бы с них взлететь.

Шансы исполнить план уклонения от боя у него были не такие уж плохие - погода портилась, тучи намекали на скорый снегопад, между тучами и морем, в сгущающейся туманной дымке, гордо реяли буревестники.

И действительно, несмотря на сокращающуюся дистанцию между эскадрами, стороны теряли друг-друга пять раз. Лишь к 17 ч. 02 м. передовой корабль германских сил, "Гнейзенау", оказался на дистанции ведения огня и дал первый залп из носовых орудий. В 17 ч. 15 м. к его бою присоединился "Нюрнберг", а в 18 ч. 32 м. заговорили пушки последнего в строю корабля - "Дойчланда".

В стремительно сгущающихся сумерках эскадры начали обмениваться "пламенными приветами" всех калибров, однако весь успех немцев состоял в двух попаданиях в "Нельсон", трех в "Глуар" и одного в "Эребус". Британцам удалось добиться четырех попаданий в "Дойчланд" и по одному в "Гнейзенау", "Блюхер" и "Карлсруэ". Лучших результатов невысоким стреляющим сторонам не позволило достичь волнение на море.

В наступившей затем темноте эскадра прикрытия поспешила скрыться с места встречи.

Конвой транспортов, авианосцы и эсминцы сделали это еще раньше. Пока найти франко-британцев бросившимся в погоню немцам не удалось.

- Не так все это, неправильно... - постоянно бормотал Карл, массируя виски.

Голова с каждым днем войны болела все сильнее и сильнее. И, от каждой новости, как об этом бое эскадр, боль усиливалась многократно.

"Надо что ли на палубу выйти, подышать, может отпустит хоть каплю", подумал он, и неторопливо двинулся в сторону люков. Именно в этот момент раздался стрекот зенитного пулемета, и грохот разорвавшихся бомб. Лодку тряхнуло.

Северное море, борт К-1 08 марта 1940 г., полдень Капитан-лейтенант Леликов прильнул к окулярам перископа и злорадно ухмыльнулся.

Корабль, винты которого час назад засек акустик, шел под британским флагом.

- Странные у него шумы какие-то. - пожаловался акустик. - Сдвоенные словно.

Или у меня что барахлит?

- А ты проверь свое хозяйство, проверь... - посоветовал каплей не отрываясь от окуляров. - Однако, товарищи, малый вперед, курс тридцать.

Машина британского корабля приближалась.

"Рудовоз, - определил для себя Леликов, - Жирный кусок в пасть лезет, тонн на двадцать тысяч. Может за него медаль какую дадут? Или собственную лодку под командование?" Своей лодки у Леликова еще не было ни разу - К-1 доверили на Северный флот перегнать, попутно проведя последние ходовые испытания - и то сахар. Обладая честолюбием и здравым карьеризмом, очень хотел каплей стать на борту лодки - да хоть и М-класса, - первым после Партии.

И обидно было Александру едва ли не до слез, что эту красавицу, новейший тип и вообще, единственную пока в своем роде субмарину, придется оставить незнамо кому, а самому добираться до Ленинграда на поезде, вместе с заводскими специалистами.

И вот, такой подарок судьбы! Не судьбы, конечно. В судьбу, Бога и прочие старорежимные штучки каплей не верил, но все равно - интуиция, выведшая его именно на этот курс, или же просто удача. За такую машину могут и на должности капитана этой лодки оставить. А что? Разве он плохой моряк? Ничуть не бывало!

Хороший. И сейчас это докажет.

- Опустить перископ! - скомандовал Леликов. - Срочное всплытие!

Субмарина выскочила из воды словно металлическая рыба, и тут же, еще вода не успела стечь с палубы, откинулись люки, и артиллеристы кинулись снаряжать орудие.

Выскочивший следом за ними Леликов поднес ко рту рупор, чтобы приказать британцу остановиться, да так и замер. В какой-то сотне метров от кормы рудовоза, на поверхности виднелась подводная лодка немецкого типа VII, на которой артиллеристы так же готовили орудие.

"И как мы с ним тоннаж делить будем?" - подумал Леликов.

Балтийское море, борт U-61 08 марта 1940 г., половина третьего дня - Капитан, шум винтов, пеленг сто восемьдесят! - доложил акустик.

"Капитан..." -- Карл невесело усмехнулся. "Какой я, в задницу, капитан?" И тут же сам себе ответил: "Уж какой есть. Других взять неоткуда".

Других, действительно, взять было неоткуда. Взрыв французских бомб самой лодке повреждения нанес минимальные, а вот из находящихся на смотровой площадке офицеров не выжил никто - всех посеколо осколками.

Геббельса, вылетевшего на площадку первым, моментально вывернуло от открывшейся картины. Кровь, мозги, изуродованные тела - эстетики в этом, конечно, мало. И только оказавшись внутри U-бота Карл понял, что они с Йоганом остались единственными офицерами на лодке.

Арндт на это известие отреагировал коротко:

- Охренеть!

- И чего теперь делать? - спросил друга Карл, после некоторого молчания.

- Как что? - изумился Арндт. - Принимай командование кораблем, как самый старший по званию.

- Так мы же с тобой в одном звании.

- Ты б еще доктору предложил бы. - скривился Йоган. - Я механик, мое дело двигатель. А ты у нас по штурманской части, тебе и карты в руки. Навигационные.

Когда Резингу на стол принесли срочное сообщение с борта U-61, он сначала глазам своим не поверил. Еще бы:

Командир и старшие офицеры погибли во время налета французского палубного бомбардировщика. Принял командование как старший по званию. Следую в Данциг для ремонта и пополнения.

Второй навигатор Геббельс.

- Как рейхсминистр попал в мою флотилию? - задумчиво спросил Ганс-Рудольф, и, повернувшись к адъютанту, спросил. - А в каком он звании? Не помню что-то такого офицера.

- Фенрих. - коротко ответил тот.

- Чтоооо?!!

Почти час спустя, который ушел у Резинга на согласование действий и доклад, на борт U-61 поступила радиграмма.

U-61.

Выдвижение в Данциг подтверждаю. Вам на встречу движется эсминец "Антон Шмидт" для оказания помощи. Точка встречи 57°00' с.ш. 21°00' в.д. До встречи со "Шмидтом" двигаться в подводном положении.

Резинг.

- Везет мне на этот эсминец. - пробормотал Карл, прочитав сообщение, и скоординировал погружение на перископную глубину. В сторону Данцига лодка уже двигалась, хотя за точность курса Геббельс не поручился бы.

Впрочем, демонстрировать свою неуверенность нижним чинам Карл не собирался - и из-за собственного гонора, и из-за того, что в Военно-морском училище правилам поведения офицеров в чрезвычайных ситуациях была посвящена не одна лекция.

И вот, не прошло и получаса с момента погружения, как эти шумы, причем прямо по курсу. И кто б это мог быть? Явно не "Антон Шмидт" - до того еще добираться и добираться.

- Поднять перископ. - скоординировал Карл, и припал к окулярам.

Но фиг чего увидал. После бушевавшего всю ночь шторма, совершенно неожиданно на море установился полный штиль, и дымка заполнила все, от поверхности волн, до невидимых теперь облаков, так что дальше чем на милю-полторы и с поверхности разглядеть ничего было невозможно, не говоря уж о том, чтоб из перископа.

- Самый малый ход. - приказал Карл, отчаянно всматриваясь в пелену. - Акустик, расстояние и класс корабля определить сможешь?

- Пока не могу. - отозвался тот. - Что-то большое, около пяти миль от нас.

Похоже, аппаратура барахлит.

- Что ж, подождем... - произнес Карл. - Стоп машина. Опустить перископ.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 08 марта 1940 г., три часа дня.

- Ну а ты что скажешь, Йозеф? - задумчиво поинтересовался Гитлер у своего "министра правды".

- Да почему б и нет? - пожал плечами тот. - Мы уже пускали пробные шары на эту тему. В конце-концов, на кой черт Рейху Палестина? Там же ничего ценного нет.

Опять же, в любом случае, это будет наш протекторат.

- Занятно. - пробормотал Гесс. - Я представлял себе окончательное решение еврейского вопроса несколько иначе.

Шло совещание о создании еврейских воинских частей, призванных освободить Землю Обетованную от англичан, и основать там независимое еврейское государство.

Балтийское море, борт U-61 08 марта 1940 г., три часа пять минут дня - Охренеть! - произнес Йоган, оторвавшись от окуляров перископа. Похоже, это слово становилось для него средством выразить совершенно любые эмоции. - Что будешь делать?

- А сам как думаешь? - ухмыльнулся Геббельс. - На нас, лоб в лоб, прет авианосец без единого корабля эскорта. Ясно дело - надо атаковать.

Корабль, будущую незавидную участь которого обсуждали молодые люди, назывался "Фуриус", и действительно находился именно в том незавидном положении, о каковом сказал "непотопляемый рейхсминистр". Дело было в том, что британский авианосец попросту заблудился.

Покуда артиллерийские корабли удерживали натиск германского флота, караван, авианосцы и эсминцы спешно уходили на северо-восток, поддерживая режим радиомолчания - никому не хотелось быть запеленгованным немцами и подвергнуться атаке. В условиях шторма и плохой видимости, "Фуриус" взял слишком сильно к северу, и утром, когда волнение на море улеглось, попросту не обнаружил в пределах видимости ни одного из кораблей конвоя.

Ничего такого уж страшного англичане в произошедшем не усмотрели и, прикинув скорость и направление движения каравана судов, повернули на юго-восток. Расчет был абсолютно верен, и не остановил эскадра на переформирование строя, когда ее нагнали корабли конвоя, британский авианосец непременно повстречал бы своих, а так, продолжающий соблюдать радиомолчание корабль, попросту их обогнал и отклонился к югу от курса следования основных сил.

Незадолго до того, как склянки на авианосце пробили час дня, высланный на разведку самолет повстречался в небе с французским разведчиком, поднятом с "Беарна".

Пилоты рискнули вступить в радиокontakt, в результате чего выяснили взаимное местоположение эскадры и потерявшегося корабля.

Едва получив информацию, капитан "Фуриус" повернул строго на норд, и теперь двигался со всей возможной для своего корабля скоростью. Если его палубники могут взлетать и даже удаляться на три-четыре мили от корабля, совершенно справедливо полагал он, значит погода вполне может улучшиться, и тогда предстоит плотное знакомство с немецкой морской авиацией, чего желательно бы избежать. В конце-концов, у него всего тридцать шесть самолетов на борту.

Однако, спасаясь от немецкой Люфтваффе, "Фуриус" вышел прямо лоб в лоб идущей строго на зюйд U-61. И, пускай все офицеры погибли во время налета, пусть акустическая аппаратура серьезно барахлила, упускать такую добычу Карл не собирался. Когда еще в его судьбе случится подобная удача? Скорее всего - никогда.

- Господа, боевая тревога. - командовал он. - Всем занять свои места. Нам предстоит покрыть себя неувядаемой славой. Герр Арндт, поспешите к своим двигателям и дайте мне самый малый вперед.

Через минуту субмарина практически бесшумно двинулась навстречу британцу. Карл чуть подправил курс, и теперь с удовольствием наблюдал в перископ за растущим размером вражеского штевня.

- Командир, шум винтов эсминца на норд-вест! - внезапно всполошился акустик.

- А все так славно началось. - процедил сквозь зубы Карл, и отдал команду. - Первый аппарат - пли! Второй аппарат - пли! Третий - пли!!

Когда торпеды ушли к цели, Геббельс, не отрываясь от перископа, приказал лечь на курс 195 и дать самый полный вперед. Потопить британский авианосец, конечно же, было бы очень хорошо - ведь у него оставалось еще две торпеды, - однако в своей способности уцелеть после встречи с вражеским эсминцем он очень и очень сомневался.

На "Фуриус" пенные следы от торпед заметили слишком поздно. Первая, правда, прошла мимо корабля, в каком-то метре от борта. Вторая ударила точно в штевень и... ничего не произошло. Взрыватель просто не сработал, и замеревший на носу матрос, зачарованно следивший за приближающейся смертью, шумно выдохнул. Это было последнее, что он успел сделать в жизни - третья торпеда калибра 533 мм врезалась в нос "Фуриус" всего секундой позже.

Балтийское море, борт линкора "Шарнхорст" 08 марта 1940 г., четыре часа тридцать пять минут дня - Герр адмирал, разрешите доложить!

- Докладывайте. - мрачно ответил адмирал Бем радисту.

- Сообщение с борта U-61. Докладывают об атаке вражеского авианосца, предположительно "Фуриус", и поражении его одной торпедой.

- Где?! - командующий выхватил радиogramму из рук радиста. - Не очень-то и далеко. Приказ по эскадре...

Балтийское море, борт эсминца "Антон Шмидт" 10 марта 1940 г., около полудня - Наде- лал ты дел, герой. - хохотнул фрегаттен-капитан Ганс-Йоахим Гадов. - Редер уже подумы- вал флот в порты возвращать, а тут ты со своей торпедной атакой.

Сверли дырку под орден.

- Повезло. - пожал плечами Карл и помассировал висок.

- Угу. Всем бы так везло. Мне вот, например, везет исключительно тебя из водички вы- таскивать.

Карл-Вильгельм Геббельс еще сильнее нажал на висок кончиками пальцев, лицо его на миг, передернула гримаса боли, затем он медленно опустил руку и как-то странно погля- дел на командующего третьей флотилией эсминцев.

- Насколько я припоминаю план операции, - произнес он, после некоторого молчания, - вы меня не вытаскивали, а макали.

Балтийское море, борт линкора "Марат" 13 марта 1940 г., пятнадцать минут девятого утра "Врешь, не уйдешь", подумал вице-адмирал Трибуц, наблюдая в бинокль за отчаянно улепетывающим "Фуриус". Даже сквозь который день держащуюся над Балтикой дымку (изрядно, впрочем, за последние дни ослабевшую) и с дистанции в двадцать морских миль было заметно, как осел британский авианосец на нос.

"Да уж, с таким креном самолет с палубы не запустишь", рассудил командующий Бал- тийским Флотом.

- Ну что, товарищ Иванов, не сбежит от нас англичанин? - поинтересовался он у коман- дира своего флагмана.

- Не должен, товарищ вице-адмирал. - ответил капитан второго ранга, отнимая бинокль от глаз. - По всему - не должен.

Эскадра из идущих в кильватерном строе крейсера "Киров", линкоров "Марат" и "Октябрьская революция" и прикрывающих их с флангов лидеров "Минск", "Ленинград", эсминцев "Карл Маркс", "Ленин", "Володарский", "Яков Свердлов", "Энгельс", "Артем" и

"Калинин", составляющих 3-й дивизион эскадренных миноносцев, стремительно приближалась к беззащитному, ковыляющему на восьми узлах "Фуриоус" и трем эсминцам его эскорта:

"Ягуар", "Лиддсдэйл", "Атерстоун".

Поврежденный U-61 корабль адмирал Бем поймать так и не сумел. То ли выучка хвальных моряков Кригсмарине оказалась недостаточно высокой, то ли капитан Роял Нэви недостаточно глупым, однако факт остался фактом - авианосец и подошедший к нему эсминец "Ягуар" благополучно исчезли, ускользнув из под самого носа всего германского флота. Погода с того момента не улучшалась, так что поиски неуловимого "Фуриоус" хотя и продолжались, но до вчерашнего дня заканчивались ничем. Лишь вчера к вечеру над Балтикой немного распогодилось, и Трибуц приказал вылететь на разведку несколькими МБР-2 с Моонзунда. Один-то из них и обнаружил британский авианосец, приближающийся к Аландским островам. У пилота, к счастью, хватило ума не выдавать себя атакой - да и что его бомбы могли бы сделать с бронированной палубой авианосца, который и так не мог выпускать самолеты из-за сильного дифферента на нос, - и просчитавшие дальнейший курс "Фуриоус" штабисты безошибочно вывели эскадру Владимира Филипповича на покалеченный корабль.

"Немецкий мальчишка-подводник-то молодец, - подумал Трибуц, вновь начав разглядывать "Фуриоус" в бинокль, - Надо будет к советскому ордену представить.

Мы ж с Германией теперь вроде друзья".

История с торпедированием англичанина курсантом-второкурсником уже успела облететь все мировые газеты, да и взаимодействие с Редером у Трибуца было налажено ментально - два моряка легко поняли друг друга, - так что шифровку о месте поражения "Фуриоус" торпедой Балтфлот получил всего на час позже Бема.

Конечно же, Владимир Филиппович не остался в долгу и сообщил в Кригсмарине об обнаружении авианосца противника, потому как лавры лаврами, а потопить эту кузькину мать было необходимо. Однако, Бем искал англичанина у шведских берегов, нагло рассекая у границы территориальных вод (и пару раз, якобы случайно, даже их нарушивший), так что слава потопления вражеского корабля, судя по всему, доставалась тем, кто его и нашел.

"Интересно, - подумал Трибуц, - что сейчас делает англичанин? Молится, поди".

Угадал он почти стопроцентно - кавторанг Артур Б. Кларк, назначенный на "Фуриоус" всего месяц назад, действительно готов был молиться. На своих радистов.

- Сэр, дымы на вест-норд-вест, сэр!

- Товарищ адмирал, два корабля на десять часов. С "Минска" передают, что опознали "Вяйнемаяйнен" и "Ильмаринен".

- Что ж, совместим приятное с полезным. - произнес командующий советской эскадрой. - А то этих двоих мерзавцев наши авиаторы никак потопить не могут.

Передайте каперангу Фельдману (41), чтобы продолжал атаку "Фуриоус" совместно с эсминцами - операция на нем. А мы, пожалуй, встретим дорогих гостей.

Балтийское море, борт броненосца береговой обороны "Ильмаринен" 13 марта 1940 г., половина десятого утра - "Марат" и "Октябрьская" выходят из строя, ложатся на встречный курс!

- Вижу. - процедил кавторанг Гернассон, командующий флотилией броненосцев.

Час назад "Фуриоус", заметивший советскую эскадру, послал сигнал SOS - еще бы, три эсминца его эскорта никак не смогли бы отбиться от атакующих, а соблюдать радиомолчание смысла уже не было никакого. На счастье капитана Кларка, "Вяйнемаяйнен" и "Ильмаринен" оказались поблизости. В Турку и так было не протолкнуться от кораблей конвоя, с напрочь растерянными экипажами, а в Хельсинки для броненосцев становилось слишком жарко. Советы никак не оставляли идею потопить лучшие корабли финского флота с воздуха, и даже потеря почти двух десятков бомбардировщиков их пыл не охладила.

Конечно, встреча двух броненосцев береговой обороны с основными силами советского Балтфлота никак не могла радовать Гернассона, и в иных обстоятельствах он предпочел бы уклониться от боя, но не давать же русским утопить союзный авианосец просто так, за здорово живешь!

Конечно, если брать абстрактную боевую мощь, превосходство советских кораблей казалось подавляющим: двадцать четыре 305-мм орудия главного калибра и столько же 120-мм (не говоря уже о более мелких пушках) против всего восьми 254-мм и шестнадцати 105-мм на "Вяйнемайнен" и "Ильмаринен". Куда, казалось бы, с такой мощью тягаться? Вдвоем на одного, еще куда не шло...

И все же финский командующий флотилией броненосцев рассчитывал достойно встретить бывшие "Гангут" и "Петропавловск" и дать английскому авианосцу уползти под защиту береговых батарей. Во-первых, его корабли по дальности стрельбы главного калибра не уступали советским линкорам. Во-вторых, броненосцы были вдвое меньше своих противников как в длину, так и высоту бортов, что делало их попросту менее уязвимыми - попасть в здоровенный линкор или в маленький броненосец береговой обороны, это две большие разницы. В-третьих, "Вяйнемайнен" и "Ильмаринен" были маневреннее "Марата" и "Октябрины", что тоже уменьшало их шансы быть потопленными. В-четвертых, они попросту были новее!

Нет, безусловно Гернассон не рассчитывал на победу, особенно если на него накинуться еще и "Киров" с эсминцами. Но на спасение "Фуриоус" - вполне.

- Эдак они умудряются между нами и англичанами вклиниться. - заметил капитан второго ранга, наблюдая в бинокль за эволюциями советских кораблей. - Чего допустить не хотелось бы.

Балтийское море, борт линкора "Марат" 13 марта 1940 г., пять минут одиннадцатого утра - Нет, вы гляньте каков подлец! - восхищенно произнес Владимир Филиппович. - Этак он залпа три-четыре с одним "Маратом" обоими кораблями будет драться.

- А если еще чуточку повернет, то и все шесть. - согласился с ним Иванов. - Может ну их к черту, этих финнов, товарищ вице-адмирал? Развернемся на "Фуриоус" и пускай догоняют?

- Да хотелось бы и рыбку съесть, и Гернассона искупать. К тому же все равно без одного двух залпов друг по другу не обойдемся. - ответил Трибуц капитану своего флагмана, и, поглядев на преследующие англичан "Киров" и эсминцы добавил. - Должен Фельдман сам справиться. Должен. Или под трибунал пойдет.

Балтийское море, борт крейсера "Киров" 13 марта 1940 г., полчаса одиннадцатого дня - Эсминцы противника в зоне поражения через десять минут, товарищ капитан первого ранга! - доложил дальнометрист.

- Черт бы с ними. - пробормотал Фельдман, вглядываясь в начавшийся юго-восточнее сражение. - С "Кирова" по ним огня не открывать. Дождемся покуда под удар попадет авианосец.

Младший флагман в настоящее время разглядывал сцепившихся "Марата", "Вяйнемайнен" и "Ильмаринен". Первый залп у обеих сторон лег с изрядным недолетом, второй тоже, хотя недолет был уже поменьше.

"Какого лешего Трибуц отправил меня в погоню за подранком? - раздраженно подумал каперанг, - Там я нужнее. А с "Фуриоус" и его эскортом эсминцы запросто разделались бы".

Линкор и броненосцы обменялись еще одним залпом. Финны добились двух попаданий в "Марат", хотя пробить бронепояс не смогли. В свою очередь, советские комендоры также накрыли идущий вторым в строю "Вяйнемайнен", и хотя не один из снарядов головного калибра не попал в броненосец, разрывы вокруг бортов дело тоже малоприятное. Осколки, потоки воды, ударная волна - все это скверно влияет на обстреливаемый корабль.

- "Фуриоус" начал разворот к норду!

- Чегой та? - удивился Николай Эдуардович и обратил свой взор на основную цель нынешнего похода. - Там же батарей нет. Неужто думает, что финны справятся с "Октябриной" и "Маратом", а потом за нас примутся?

- Не могу знать, товарищ капитан!

- Вопрос был риторическим. - пробормотал каперанг, наводя бинокль на авианосец.

- Минуточку. А это что за?..

- Множественные дымы на норд и норд-ост!

- Твою же ж мать. А как все хорошо начиналось...

Балтийское море, борт линкора "Марат" 13 марта 1940 г., без десяти одиннадцать дня - "Фуриоус" начал разворот к норду!

- "Киров" докладывает о множественных дымах на норд и норд-ост!

Доклады поступили с разницей всего в секунду.

- Что бы это могло быть? - удивился Иванов. - Ведь караван французов и англичан прибыл в Турку еще позавчера.

- Вот именно. - мрачно ответил Трибуц кавторангу. - А это значит, нам конец.

Охранять франко-британским боевым судам уже нечего.

- Вы думаете, они, Владимир Филиппович?

- А больше некому.

Вице-адмирал был реалистом - шансов уйти у старичков-линкоров не было ни малейших. А вот крейсер и 3-й дивизион спастись были вполне в состоянии.

- Попадание в "Ильмаринен"! Еще одно!

Трибуц повернулся в сторону финских броненосцев.

Одно попадание пришлось в центр броненосца, чуть ниже мостика, и явно было нанесено "Маратом", а второе, если судить по тому, что осталось от кормовой башни корабля, "Октябриной".

- Ладно, авиаторы добьют потом. Передайте на "Киров"...

- Радиограмма с "Шарнхорста"!

Балтийское море, борт линкора "Нельсон" 13 марта 1940 г., четверть двенадцатого дня - Господин адмирал, русские нас наконец заметили и начали разворачиваться.

- Что ж, поздравляю, джентльмены, "Фуриоус" мы спасли, осталось спасти наших финских друзей. - флегматично произнес Харпер. - Вернее то, что от них осталось.

Действительно, кавторанг Раниен еще полчаса назад передал, что его "Ильмаринен" начал терять плавучесть и вынужден выйти из боя. Теперь "Вяйнемаяйнен" вынужден был отбиваться от двух линкоров в одиночку, а заодно и прикрывать отход своего искалеченного систершипа. И хотя флагман финского флота еще не получил ни одного попадания, повреждения от близких разрывов уже начали сказываться на его боеспособности.

- А в погоню за этими наглецами мы выделим... - адмирал на миг задумался. - "Марсейез",

"Дюге-Труэн", "Дюкень" и все эсминцы типа "Жагуар" и "Бурраск". (42) Пускай лягушатники утопят легкие силы русских, а мы займемся сладеньким.

Эскадра начала разделяться. Французские крейсеры и миноносные корабли устремились в погоню за "Кировым" и эсминцами, а основная часть, возглавляемая британским линкором, начала разворот в сторону боя "Октябрьской революции" и "Марата" с маленькими, но отважными броненосцами Финляндии.

"Все же не даром я не стал надеяться на фортуна, а вывел корабли навстречу "Фуриоус", - подумал Харпер, глядя на едва-едва ковыляющий к берегу авианосец, получивший несколько попаданий из орудий советского крейсера и торпеду в кормовую часть от "Володарского", а также не менее искалеченные "Ягуар" и "Атерстоун". Оба эсминца больше напоминали сыр и на поверхности держались не иначе как молитвами экипажа и Божьим промыслом.

Советские линкоры, как это не удивительно, в паническое бегство не обратились, а легли на курс, позволяющий им прикрыть свои легкие силы если не от отправленных на

преследование французов - этого они явно не успевали, хотя залп-другой из носовых орудий может и успели б по ним сделать, - то от основных сил флота точно.

- Герои. - прокомментировал кто-то из офицеров этот маневр. - Надо полагать, Гернассон и Раниен, по возвращении в порт, закажут благодарственные молебны во всех церквах Хельсинки.

- Русские - храбрые люди, у них этого не отнять. - пожал плечами Харпер. - Радируйте им: "Восхищен вашей отвагой. Предлагаю капитуляцию на почетных условиях. Харпер".

- Сэр, русские ответили. - смущенно произнес три минуты спустя радист. Смущен он был, поскольку был сыном белого офицера, эмигрировавшего в Англию, а потому русский знал, и, насколько смог, дословно перевел послание Трибуца.

Харпер взглянул на текст радиогаммы и побагровел от ярости.

Балтийское море, борт линкора "Марат" 13 марта 1940 г., половина шестого вечера. Вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц умирал. Снаряд с "Нельсона", разворотивший боевую рубку "Марата", уложил на месте почти всех находившихся там командиров, а вот его, поди ж ты, пощадил. Дал погибнуть не внезапно, прерывая жизнь на, что называется, самом интересном месте, а отойти в мир иной осознавая свою гибель, но с чувством выполненного долга.

На выходящем из боя искалеченном "Марате" рывкали еще уцелевшие пушки, палубные команды пытались тушить многочисленные пожары, гулко ухали помпы. Чудом уцелевший в рубке молоденький лейтенант - как его? Сергей Ким, кажется, - отдавал отрывистые команды, исполняя последний приказ своего адмирала о повороте на курс сто семьдесят. Все это едва касалось угасающего сознания Владимира Филипповича.

Боли он не чувствовал. Он вообще уже не ощущал ничего. Вот какой-то мичман - не разобрать лица из-за багровой дымки перед глазами, - заметил, что он еще дышит и закричал, срочно вызывая врача. Вот его бесчувственное тело двое матросов переложили на брезент и бегом понесли в чудом неповрежденный лазарет (снаряд с финского броненосца в него угодил в самом начале боя, но, отчего-то не взорвался, и теперь валялся в углу, накрепко принайтованный к переборке). Бесполезно.

Трибуц понимал, что спасти его уже невозможно - слишком тяжелые раны, слишком большая потеря крови. Он умирал, и понимал это.

"Я сделал все, что мог. Кто может, пускай сделает лучше, - подумал он, и тут же добавил про себя, - Вот Бем и сделает".

Когда пришла радиогамма с "Шарнхорста", план родился в его голове моментально.

Нахожусь в двух часах хода от вас. Держитесь. Бем.

Всего одна строчка от союзников. Всего одна. А сколь многое она меняла.

- Срочно радировать на "Шарнхорст". - отдал приказ командующий Балтийским флотом. - Обойдите противника с норда. Мы их покуда отвлечем. Трибуц.

- Слушаюсь, товарищ адмирал!

Немецкий командующий, увидав радиогамму, не поверил своим глазам, но замысел своего советского коллеги понял. Отрезать растянувшиеся силы Харпера от Турку и вынудить того пробиваться к порту через строй немецких кораблей - да, это было возможно. Конечно, франко-британцы могли бы попытаться уйти в Хельсинки не принимая бой, но там они становились легкой добычей для немецкой и советской авиации - не сегодня, так завтра - край, послезавтра, - погода наконец наладится. А уйти под прикрытие береговых батарей, как это сделал "Фуриус", он, адмирал Бем, им не даст. Далековато в море выманил Трибуц Харпера.

Если же вспомнить о минных полях - как самих финнов, так и установленных у их побережья советскими субмаринами-минзагами, то прорыв в Турку оставался для британского адмирала единственным возможным вариантом.

Правда, скорее всего, к моменту боестолкновения между германским и франко-британским флотами, от русских вряд ли что-то останется, но... это их выбор. И потом, союз-союзом, а сильные Советы на Балтийском море Рейху не нужны.

- Приказ по эскадре. - командовал Бем. - Поворот все вдруг на курс сорок.

Иная реакция на приказ была у капитана первого ранга Фельдмана.

- Кажется, наш командующий сошел с ума. - глубокомысленно произнес он. - Но это наш командующий. Продолжаем атаку "фарь".

Затем Николай Эдуардович вновь посмотрел на радиogramму с "Марата" и тяжело вздохнул.

Продолжайте преследование "Фуриус" до его уничтожения или того момента, когда огневой контакт с противником станет неизбежен. При достижении точки невозвращения немедленно начать отступление в Таллин, до того момента врага не замечать. Постарайтесь выманить за собой как можно больше сил преследования. В бой с основными силами и силами преследования не вступать. Погибать не смей.

Трибуц.

Соединение Фельдмана продолжало преследование поврежденного авианосца столько, сколько это было возможно. Конечно, и сам "Фуриус", и прикрывавшие его эсминцы дрались отчаянно - а иного варианта у них и не было, - серьезно повредив прорвавшийся для торпедной атаки авианосца "Володарский" и добившись ряда попаданий во все остальные корабли, кроме "Кирова". Впрочем, превосходство балтийцев в огневой мощи сказалось - "Ягуару" и "Атерстоуну" впоследствии пришлось надолго встать в доки, а "Лиддсдэйл" пошел на дно.

"Октябрьская революция" и "Марат", тем временем, увлеченно, словно ничего не замечая, лупили из всех калибров по "Ильмаринену". Канониры капитана второго ранга Гернассона огрызались как могли, а могли они неплохо, однако судьба броненосца была незавидной, и если бы после начала ретирады "Кирова" "Марат" и "Октябрина" попросту не бросили бы непонятно как держащийся на плаву корабль, (43) то он погиб бы, невзирая на всю удачность конструкции и мужество экипажа.

Покуда "Киров", "Минск", "Ленинград", "Карл Маркс", "Ленин", "Володарский", "Яков Свердлов", "Энгельс", "Артем" и "Калинин" делали вид, что в панике удирают, при этом не давая всей возможной скорости, дабы устремившиеся за ними "Марсейез", "Дюге-Труэн",

"Дюкенъ" и четырнадцать эсминцев и лидеров не бросили "добычу", советские линкоры, погасившие пожары от попаданий с "Вяйнемаяйнен" и "Ильмаринен", совершали странные маневры.

- Черт возьми, что делает этот балкер? (44) - изумился Флит-адмирал Харпер, наблюдая за перемещениями "Марата" и "Октябрьской революции". - То он готов драться, то пытается уйти, хотя при его скорости это не реально, то опять на боевой курс становится... Неужели он надеется, что этими своими ужимками и прыжками добьется улучшения погоды и появления своей авиации?

Ждал Трибуц, конечно же, не авиации, но англичанин знать этого никак не мог.

Но, невзирая на все маневры балтийцев, в 14 ч. 12 м. огневой контакт все же состоялся. Четыре часа "Октябрьская революция" и "Марат" вели бой против превосходящих сил противника. Четыре часа ада, четыре часа взрывов, грохота, пожаров, криков боли.

В самом начале столкновения советским линкорам удалось добиться серьезного успеха. Легкий крейсер "Саучгемптон" необдуманно вырвавшийся вперед (на самом деле на корабле барахлила рация и приказ Харпера был просто неверно понят радистом), был накрыт дружными залпами с "Марата" и "Октябрины". Уже после второго залпа на британском корабле сдетонировал боезапас, взрыв расколол корабль пополам, и он ушел на дно со всем экипажем. Спасти удалось всего шести морякам, в том числе и виноватому в гибели "Саучгемптона" радисту. Ирония судьбы.

Еще одного успеха канонирам Трибуца удалось добиться в 15 ч. 27 м., когда шальной снаряд главного калибра угодил в эсминец "Галлант" и отправил его на дно.

Однако же, несмотря на меткий огонь и нередкие попадания в противника, тягаться с англо-французской эскадрой два старичка-линкора не могли. В 17 ч. 05 м. лишившаяся

большей части артиллерии, объятая пламенем пожаров и потерявшая часть хода "Октябрьская революция" перевернулась и утонула. "Марату" Харпер сдаваться уже не предлагал, да и не было у линкора связи после того, как меткий выстрел с "Кольбера" свалил мачту.

"Вот и все, - подумал тогда Владимир Филиппович, - Не успел Бем. Напрасно дрались".

И именно в этот момент противник начал поворачивать на север, от изувеченного корабля.

- Ложимся на курс сто восемьдесят. - приказал Трибуц. - можно выходить из боя.

И это был его последний приказ. Накренившийся на левый борт, пылающий "Марат" получил последнее "прощай" от разворачивающегося к новому врагу "Нельсона", прямо в боевую рубку.

"Век, паскудники, нас помнить будут", успел подумать вице-адмирал. И сознание его померкло.

А утром следующего дня вся страна слушала Левитана.

От Советского Информбюро.

Вчера, тринадцатого марта тысяча девятьсот сорокового года, в районе Аландских островов, Балтийский Флот Союза Советских Социалистических республик, при поддержке сил германского флота, перехватил и на голову разгромил объединенную эскадру империалистических Англии, Франции и Финляндии.

В результате боя были уничтожены линейный монитор "Эребус", линейный крейсер "Реноун", броненосец "Ильмаринен", крейсера "Леандр", "Галатея", "Саутгемптон", "Эдинбург", а также девять эскадренных миноносцев противника. Серьезные повреждения были нанесены авианосцу "Фуриос" и линейному кораблю "Нельсон". Остальные силы противника трусливо бежали с места боя!

Советский флот в этом сражении потерял всего один корабль. Моряки-краснофлотцы одержали славную и убедительную победу над капиталистическими агрессорами!

И ни единым словом не обмолвился товарищ Левитан о том, что немцам этот бой стоил "Дойчланда", "Хиппера", "Эмдена", "Лейпцига" и восьми эскадренных миноносцев. Не упомянул он и о том, что "Марат" едва не затонул у самого Таллина, и представлял ныне большой интерес для сталелитейной промышленности, чем для судоремонтной.

Лондон, Адмиралтейство 14 марта 1940 г., девять часов утра - Да, я действительно считаю, что на эскадре Харпера и солдатах Бессонна можно ставить крест. - произнес Альфред Дадли Пикмэн Роджерс Паунд, Флит-адмирал и Первый морской лорд.

- А ведь это катастрофа, друг мой. - произнес его собеседник, не выпуская из зубов сигару.

К сигарам этот полный коротышка вообще имел необычайное пристрастие. Его даже карикатуристы часто изображали в виде этого табачного изделия.

- Несомненно, Лорд-Адмирал. Однако я должен отметить, что мое ведомство...

- Да бросьте, Паунд. - отмахнулся от него Уинстон Черчилль. - Это не для Британии катастрофа. Да, неприятно, конечно, но не столь уж и опасно. Кораблей у короля много. Это для Чемберлена катастрофа и для всей его партии. Однако, вы правы, из-за этого прискорбного боя престиж Роял Нэви пошатнулся, и его непременно надо поднять. У вас есть какие-то идеи?

- Да, безусловно. Как вы знаете, наше торговое судоходство несет большие потери от действий германского и советского подводных флотов.

- Да никак вы решили еще и в Мурманск высадку устроить? - изумился Лорд-Адмирал.

- Не совсем. Скорее уж, устроить базу для наших охотников и патрульной авиации там, где немцы и русские чувствуют себя в наибольшей безопасности.

- Интересно-интересно. - произнес Черчилль и стряхнул пепел. - Продолжайте.

Берлин, Вильгельмштрассе, 77 15 марта 1940 г., около двух часов дня - Хорошо, фон Клейст, я вас понял. - кивнул Гитлер. - Теперь вы, Гудериан. В чем состоит ваш план?

- Я намереваюсь в намеченный приказом день перейти люксембургскую границу и продвигаться затем через Южную Бельгию на Седан, форсировать у Седана реку Маас, захватив на левом берегу предместное укрепление для обеспечения переправы следующих за мной пехотных корпусов. Мой корпус будет продвигаться по Люксембургу и южной Бельгии тремя колоннами, вот по этим направлениям. - Гейнц Гудериан провел указкой по карте, наглядно демонстрируя, где конкретно будут двигаться его войска. - Я рассчитываю достичь бельгийских пограничных позиций уже в первый день и, если представится возможность, прорвать их, на второй день продолжать продвижение через Нешато, на третий - перейти реку Семуа у Буйона, на четвертый - достигнуть реки Маас, на пятый день форсировать реку и к вечеру того же дня захватить предместное укрепление.

- А что вы намерены делать далее? - спросил Фюрер у замолкшего командующего XIX-го корпуса.

- Если не последует приказа приостановить продвижение, я буду на следующий день продолжать наступление в западном направлении. - ответил "быстроходный Гейнц".

- Верховное командование должно решить, должен ли этот удар быть направлен на Амьен или Париж. Самым действенным, на мой взгляд, было бы направление через Амьен к Ла-Маншу.

Гитлер кивнул головой, но ничего не сказал.

- Нет, я не верю, что вы сможете форсировать его! - воскликнул командующий 16-ой армией, генерал Буш.

- Вам и не нужно этого делать. - усмехнулся генерал Гудериан.

Окрестности г. Берхтесгаден, шале Бергхов 24 марта 1940 г., три часа дня "Интересно, имею я право хоть на один день отдыха в году? - раздраженно подумал Гитлер, отходя от мольберта и беря трубку телефонного аппарата. - Я кто, в конце-концов, правитель самого могучего государства мира и Фюрер германской нации, или чернокожий раб на плантации?" - Слушаю тебя, Иоахим. - произнес Гитлер. - Что случилось?

- Хорошие новости, Адольф. - прозвучал в трубке голос Риббентропа. - Дания вступила в войну на нашей стороне.

- Ценнейшее приобретение. - желчно ответил Фюрер. - Главное - неожиданное. С чего это они так?

- Англичане вчера потребовали предоставить им Исландию в качестве базы для борьбы с нашими субмаринами. - ответил рейхсминистр иностранных дел. - Датчане, наивные люди, понадеялись на Лигу Наций и отказались. Сегодня в полдень, в Рейкьявике, высадился полк британской морской пехоты и взял город под контроль.

- Еще бы. - фыркнул Гитлер. - Если память мне не изменяет, в исландской армии числится всего шестьдесят человек, вооруженных револьверами.

- Они еще и сопротивляться пробовали. - хохотнул Риббентроп. - Правда, недолго. Но датчане на британское самоуправство обиделись и присоединились к нашей войне.

- Ладно, лишними не будут. - буркнул Адольф Алоиз Гитлер. - У них там, кажется, несколько кораблей и подводных лодок было...

Воздушное пространство Турции 29 марта 1940 г., полдень Капитан Зелемир Рукавина повернул свой ИК-3 влево, поймал в прицел D.520 и нажал на гашетку. Противник хорвату попался опытный, засек маневр капитана и, в свою очередь, свалился вправо, так что снаряды из "Эрликона" и пули "Брауниггов" прошли мимо.

Матюгнувшись, Рукавина рванул машину за противником, но тот уже сбросил его с хвоста и сам пошел в атаку с правой стороны - спасибо ведомому, шуганул француза. Капитан развернул острый нос своей машины туда, где только что был враг, но тот уже улетывал, вместе с остатками англо-французских бомбардировщиков и их истребительного прикрытия.

- Всем машинам. - раздался в наушниках голос командира эскадрильи, подполковника Джозо Шимича. - Возвращаемся на аэродром.

Двенадцать югославских ИК-3, четыре турецких PZL P.24С (во главе с самой Бешенной Сабихой) и девять немецких Bf-109 начали разворачиваться в сторону Измира.

Рукавина поглядел на хищные обводы Messerschmitt'a и язвительно усмехнулся.

Немцы почитали себя хозяевами неба, однако его машина была ничуть не хуже.

Разница состояла лишь в том, что истребителей Рогозарского вообще существовало в природе лишь двенадцать штук, а Bf-109 - сотни.

Вообще, на турецких аэродромах нынче творилось натуральное вавилонское столпотворение - столько разных языков и машин с опознавательными знаками различных стран там нынче смешалось: турки, венгры, румыны, немцы, русские, болгары и югославы, а на днях, по слухам, еще и поляки должны прибыть. Хотя последние, наверное, так и останутся слухами: Речь Посполитая, оказавшаяся в интересном положении между Германией и СССР, хоть и вынуждена была вступить в войну на их стороне, воевать на самом деле явно не собиралась.

Слаженность в таком интернациональном войсковом контингенте, разумеется, была так себе, и только это обстоятельство, наверное, объясняло, что англо-французов еще не вышибли из Анкары.

Начало турецкой кампании для союзников сложилось крайне успешно. Большая часть турецких войск была дислоцирована на границе с СССР, в проливах и на черноморском побережье. Президент Иненю обоснованно опасался, что на налет, совершенный английской и французской авиацией, Советский Союз ответит бомбовыми и танковыми ударами по кому попало, так что наступление союзнических дивизий из под Алеппо и Хасеке больше напоминало карательный рейд против каких ни будь зулусов. Невеликие силы турецких пограничников солдаты Вейгана и О'Коннора попросту смяли почти не заметив. Господства в воздухе им тоже удалось добиться за один день - французские Pz 633 и новейшие британские Mosquito VI, прикрытые истребителями MS-406, D.520, Hurricane и Spitfire, перепахали бомбами большую часть турецких военных аэродромов и пережгли до 2/3 машин.

Палубники англичан также не остались в стороне, и атаковали турецкий флот на рейде, отправив на дно эсминец "Кокатепе" и минзаг "Торгут Рейс", а также серьезно повредив плавбазу "Эркин" и субмарину "Гур".

В целом, к седьмому марта, союзники полностью взяли под свой контроль плато Урфа и, после восьмичасового боя, овладели Аданой и перевалом Киликийские Ворота.

Путь в центр страны был им открыт. Вот тут и начались неприятности.

Во-первых, русские и немцы перегнали к Стамбулу по эскадрилье истребителей, что, само по себе, хотя и не было критично, несколько осложнило жизнь летунам союзников. Очухавшиеся от шока первых дней войны остатки турецких ВВС также не пожелали сидеть без дела, и даже нахально отбомбились по идущей через Киликийские Ворота английской танковой колонне. Эффект от этого был скорее психологический - турки сожгли только два легких танка Vickers и автомобиль мотопехотинцев (успевших, кстати, покинуть машину), однако сам факт такого удара серьезно поднял боевой дух обороняющихся.

Во-вторых, восьмого марта в войну вступили румыны.

Ну, этих вполне можно было понять: после кавказских нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов, цели в Плоешти были самыми логичными мишенями для французских и британских бомбардировщиков, так что Кароль II просто не стал дожидаться, когда над его городами загудят союзнические моторы, и направил часть своих вооруженных сил на защиту Дарданелл и Босфора.

В течение следующей недели в войну вступили Болгария, Венгрия и Югославия.

Впрочем, балканские союзники помогали Турции в основном авиацией, сухопутные силы концентрируя на греческой границе. Скорое вступление в войну греков, которые спали и видели вернуть себе Константинополь, ни для кого секретом не являлось. Страна проводила всеобщую мобилизацию, а в Афинском порту выгрузилось четыре дивизии "Новой Антанты", затем переброшенные к Александропулису. Лишь СССР и Румыния с Венгрией

помогли Иненю сухопутными силами, но в небольшом количестве. Большая часть сил РККА была сконцентрирована на границе с Польшей или воевала с Финляндией, с Кавказа, на котором неожиданно обнаружилось множество недовольных (спасибо "Прометею"), поднимавших вооруженные мятежи и создающие в горах партизанские отряды, убирать солдат было минимум неразумно, так что пока СССР смог перебросить из Украины только 61-й стрелковый корпус.

Румыны переправили в Турцию свой 6-й армейский корпус, Венгры отправили 1-ю моторизованную бригаду, несколько горно-стрелковых батальонов СС выделили немцы и на этом помощь, в общем-то, пока закончилась.

Тем временем англо-французские войска вырвались на плато Обрук и начали наступление на Анкару. Опасаясь десанта британских морских пехотинцев, турецкое командование не решилось перебросить войска от черноморских проливов, а развернувшиеся от советской границы на запад силы, подвергающиеся постоянным бомбардировкам, застряли на горных дорогах между Карсом и Сивасом.

Последние попытки не допустить врага к столице турки предприняли возле Кочхисара, между озером Туз и рекой Кызылырмак, где наступали пять французских дивизий, а также под Джихайбейли, куда выдвинулись еще двадцать одна англо-французская дивизия и большая часть их танков. Еще четыре британских дивизий повернули от Коньи на северо-запад и двигались на Афьон-Кархисар, но были остановлены венгеро-турецкими войсками между горой Готрак и озером Эбер.

Бой под Кочхисаром вышел жаркий. 12-я и 17-я пехотные и Люлебургазская мотомеханизированная дивизии при поддержке 202-го тяжелого артиллерийского полка остановили атаку французов на сутки, и вообще вряд ли были бы выбиты с позиций, если бы не подавляющее превосходство противника в воздухе, а вот под Джихайбейли удержаться долго туркам не удалось - Вейган и О'Коннор предприняли атаку широким фронтом на позиции Стамбульского резервного корпуса, и буквально вдавили обороняющихся в сухую турецкую землю траками. Остатки защитников обоих городов были окружены под Кулу и, пятнадцатого марта, капитулировали. Шестнадцатого, без боя, пала Анкара.

Французы и англичане тут же организовали в захваченной столице марионеточное правительство, объявившее о капитуляции Турции и ее вступлении в войну против СССР, законное же правительство президента Исмета Иненю, перебазировавшееся в Стамбул, было объявлено низложенным.

Покуда Иненю крепил оборону в западной части Турции, а генералы восточной группировки, часто и с применением оружия, включая тяжелое, выясняли между собой, какому из правительств теперь следует подчиняться, да не следует ли вообще реставрировать монархию, О'Коннор совершил спешный марш на Самеун, разгромил высадившиеся там 16-ю пехотную дивизию Королевства Румыния и 95-ю бригаду легких танков РККА, загнал тех и других за Кызылмуран, и, тем самым, разрезал Турцию на две части. Теперь англо-французские войска могли спокойно наступать на Стамбул и Измир по долинной части страны, с юга от хребта Кербглу, однако двадцатого марта, под угрозой раздела между СССР, Германией и Венгрией, Речь Посполитая вступила войну против Франции и Великобритании. Немцы и русские начали перебрасывать свои силы с границ Польши, на границу с Бельгией, Голландией и Люксембургом. Моццкий отправил всего один батальон танков 7ТР.

Английское и французское правительства наконец осознали, как глубоко и в каком месте они оказались. Третью их сухопутных сил находились в Турции и Финляндии, изрядная часть флота оказалась заперта в Балтийском море, где постоянно подвергалась авианалетам германских и советских ВВС (пока, правда, вреда от таких налетов было больше русским и немцам, хотя "Глуар" и был серьезно поврежден бомбами с ТБ-3 капитана Тимофея Хрюкина), а большая часть тяжелой бомбардировочной авиации оказалась сконцентрирована в Сирии. Если еще припомнить то, что германские и советские подводники устроили настоящую резню на морских коммуникациях "Новой Антанты", практически без-

наказанно отправляя на дно военные грузы, да и гражданские тоже, ситуация становилась и вовсе швах.

Вейгану и О'Коннору дали срок в месяц для того, чтобы покончить с турецким сопротивлением, и... отозвали пять наиболее боеспособных дивизий, треть авиации и все тяжелые танки в метрополию.

Генералы честно попытались исполнить приказ, но на берегах Порсука были остановлены турецкими, румынскими, венгерскими, немецкими и советскими войсками, наконец-то наладившими хоть какое-то взаимодействие. Бои за переправы шли уже второй день, но теперь, утратившие подавляющее превосходство в воздухе, франко-британцы уже не могли просто разбомбить защитников к чертовой матери.

Капитан Рукавина хмыкнул. В этом бою счет по сбитым машинам был 7:3 в пользу обороняющихся.

Окрестности г. Валендорф, расположение XIX корпуса 01 апреля 1940 г., десять утра.

- А это что за коробочки? - поинтересовался Хальсен, провожая взглядом проезжающие в каком-то километре от позиции машины.

- Pz-V "Donner", новейший тяжелый танк. - охотно пояснил капитан Бейттель, командир второго батальона 3-го танкового полка. - Ничуть не хуже твоего KV, Макс.

- Ну, это я бы поспорил. - зевнул тот. - Хотя, все возможно, конечно же.

Бригада тяжелых танков, где служил Макс Александр, была переброшена через Речь Посполитую, едва только дипломаты окончательно дожали Мощицкого, понявшего, что деваться ему, собственно, некуда.

Не то, чтобы Вермахт так уж сильно нуждался в поддержке танкистов РККА (хотя лишней, в предстоящем наступлении на Францию она тоже явно не будет), скорее это Сталин сделал ответный реверанс Гитлеру за Аландский бой. А заодно продемонстрировал "лучшему другу советского народа", как сам себя назвал Фюрер, что у этого самого народа вооруженные силы вполне на высоте, и ссориться с ним (народом) не стоит ни при каких условиях.

Новенькие KV и БХ, надо сказать, полностью оправдали возложенную на них миссию демонстрации мощи РККА, чья репутация после бойни под Суомосалами изрядно пошатнулась. Едва советские танкисты разгрузились из эшелона (как они добивались - это была отдельная песня. Все дороги и железнодорожные пути были забиты направляющимися на запад войсками) и выдвинулись к месту дислокации, в бригаду, со всех сторон, потянулись немецкие офицеры, посмотреть на "чудо советской техники".

Т-28 на них впечатления не произвели. Машина была, в целом, устаревшая (на высказывания об этом комбриг лишь фыркал, и отвечал "Можно подумать, что Pz-I и Pz-II, это новейшие разработки!"), к тому же у немцев имелся на вооружении практически такой же танк, Panzerkampfwagen Neubaufahrzeug, он же Nb.Fz, в количестве аж целых трех штук. Специальный танковый батальон из этих машин и приданных им Pz-I, кстати, располагался в пяти километрах от позиций 14-й ттбр, так что его командир, лейтенант Ганс Хорстман, имел ежедневное счастье принимать делегации советских танкистов и выслушивать от них нелестные комментарии в адрес своих машин.

"Кристи русский" из бронеразведывательных рот, (45) даже и серии 7М, на немцев также не произвел впечатления. Танки Т-34, недавно начавшие поступать в бригаду, германские камрады тоже раскритиковали за неудачное башенное орудие Л-11, хотя, в целом, и признали, что машина вполне *seer gut*. А вот самоходки "Богдан Хмельницкий" и танки "Клим Ворошилов" вызвали даже некоторую оторопь. Немецкая промышленность едва успела приступить к производству доработанного Pz-V Ausf.B, а тут в самой обычной бригаде машины ничуть не хуже, да еще и в количестве, превосходящем все танки "Donner" Вермахта вместе взятые. А ведь Сталин направил всего-то одну танковую бригаду и две пехотные дивизии, в Финляндии русские тоже на чем-то воюют, да и резервы наверняка есть... У немецкого командования появился повод серьезно задуматься.

- Ну и как вам машина, геноссе? - поинтересовался Хальсен у какого-то капитана-танкиста, едва ли не обнюхивающего его КВ уже минут десять как. Разговор этот состоялся на следующий, после прибытия советских войск, день, и шел, разумеется, на родном языке Макса Александра.

- Изрядно. - задумчиво отозвался тот, и повернулся к красному командиру. - Хотя, признаться, машины в такой раскраске я больше привык видеть в прицеле.

- Воевали в Испании? - харьковский немец волжского разлива спрыгнул с брони на землю и козырнул. - Капитан Макс Александр Хальсен.

- Капитан Андреас Бейттель. - представился тот. - Да, довелось под самый конец. Брал Гуадалахару. Однако, будь у республиканцев в Ториджа такие машины, черта-с два мы бы прорвались. А вы, я смотрю, - немец покосился на награды Хальсена, - тоже успели где-то отметиться.

- Халхин-Гол и Карельский перешеек. - кивнул Макс. - В самом начале войны с финнами как раз испытывал новые машины в боевых условиях, КВ в том числе. А против японцев еще на Т-35 дрались.

- Да, про ваши степные линкоры я читал. - улыбнулся немец немецкий немцу советскому.

Дальнейший разговор двух профессионалов свелся к чисто техническому сравнению машин разных классов и тактики их применения. К концу беседы оба танкиста пришли к выводу, что японские танки - полное шайзе, а японские танкисты... Это, простите, не танкисты. На почве этого консенсуса Хальсен и Бейттель, собственно, и сдружились.

Затем два новоиспеченных приятеля посетили расположение роты Бейттеля, где уже Хальсен принялся за изучение немецкой техники.

К началу французской кампании Рейх успел перевооружить и усилить бронирование хорошо если половине имеющихся танков. В число "небезучих" попал и капитан Бейттель - его батальон состоял из десяти Pz-IB, шести Pz-III, восьми Pz-IVD и аж двух десятков Pz-III. В случае встречного боя с батальоном Хальсена, пятнадцать КВ Макса Александра играючи бы разгромили германского коллегу, что Бейттель отлично осознавал, а оттого несколько тушевался.

В тот раз, впрочем, толком покопаться в утробе германских танков Хальсену не пришлось - планы спутало появление батальонного комиссара.

- Максим Александрович, ну етить же твою кочерыжку, через пень-колоду и внахлест! - воскликнул Вилко, появившийся словно из ниоткуда. - Все б тебе, екарный бабай, игрушечки! А я - ищи его по всему корпусу, растудить тебя чихвостить.

- Что такое, Арсений Тарасович? - поинтересовался Хальсен, отрываясь от жутко увлекательной беседы о сравнительных достоинствах и недостатках двигателя КВ по отношению к двигателю Pz-IV с наглядной демонстрацией устройства последнего. - Случилось чего?

- Пока нет, но ежели ты в ближайшие полчаса не окажешься в своем батальоне, то непременно случится. - ответил майор. - Прошла информация, что в бригаду едет с инспекцией Гудериан. А что вы там такое интересное разглядываете?

Батальонный комиссар начал карабкаться на борт танка.

Час спустя в расположении батальона остановился "Хорьх", откуда выбрался мужчина в форме генерал-лейтенанта танковых войск, закурил, и минут пять наблюдал за двумя советскими и одним немецким танкистом, что-то горячо обсуждающими у открытого моторного отсека Pz-III и совершенно не обращающих внимание на окружающую действительность.

- А я говорю, это полная ерунда! - Вилко, как выяснилось, худо-бедно мог связать несколько слов на немецком. - У нас этого конструктора лет на пятнадцать в лагерь отправили бы, за вредительство.

- Но ведь создателя Т-35 не отправили! - парировал Бейттель.

- Ты наши линкоры, Андрюша, не трогай! - возмутился комиссар и предупреждающе помахал перед лицом немца пальцем. - Вон, Максим Александрович на нем даже на таран японца ходил, и ничего! Раздавил как консервную банку.

- Кхе-гм. Я вас ни от чего не отвлекаю? - раздался неподалеку спокойный мужской голос.

Все трое повернулись к автору фразы, чтобы немедленно послать по матушке - а нечего лезть с идиотскими вопросами, когда спорят три боевых офицера, - и вытянулись по стойке смирно где стояли.

- Капитан Бейттель, если не ошибаюсь. - задумчиво произнес генерал-лейтенант.

- Я вижу, вы уже нашли общий язык с нашими советскими камрадами. Похвально, похвально... Что вы там такое обсуждаете?

Следующие полчаса Вилко до хрипоты спорил с Гудерианом, доказывая командиру корпуса, что кроме оптики в немецких танках нет ничего хорошего вообще, а Хальсен и Бейттель тихо офигевали от такой непосредственности.

Что по поводу этой беседы впоследствии сказал Бохайскому командир бригады, и как эту информацию, творчески дополнив, довел до Вилко Егор Михайлович, истории доподлинно неизвестно, но, видимо, цензурными там были только междометия.

В любом случае, и батальонного комиссара, и Хальсена, так загрузили парко-хозяйственной деятельностью по их ротам, что нанести Бейттелю повторный визит Макс Александр смог только сегодня.

И вот, едва лишь Хальсен успел перекинуться несколькими словами со своим германским коллегой...

- Видал я эти доннерветеры, ерунда первостатейная, а не тяжелый танк. - раздался за спиной Макса голос Вилко.

- Откуда он все время появляется? - пробормотал Бейттель, бледнея. - Это не человек, это дьявол.

- Хуже. - тихо, чтобы не услышал комиссар, ответил Хальсен. - Он hohol.

На подступах к г. Буйон 11 мая 1940 г., около семнадцати часов вечера Батальон Бейттеля находился в авангарде 1-й танковой дивизии. Все три танковых батальона, приданные ему в укрепление гаубицы 75-го артиллерийского полка и мотострелки из 67-го пехотного полка до недавнего времени стремительно продвигались по двум прекрасным шоссе, ведущим к Буйону. Война шла уже второй день. 9 мая, во второй половине дня, в 13 часов 30 минут, в корпусе прозвучал сигнал боевой тревоги. Андреас в это время как раз находился в офицерском клубе, где играл в покер с Вилко.

- Пас. - произнес тот, бросая карты на стол. - Пошли по своим частям, кажется война, которой столь долго пытались избежать большевики, началась.

Бейттель облегченно вздохнул и забрал выигрыш. Этот русский комиссар или был удачлив, как Бог, или жульничал как Дьявол. За последний месяц он успел ободрать как липку половину офицеров 1-ой танковой дивизии, в составе которой должна была наступать 14-я ттбр РККА. Однако же, не пойманный - не вор, а изловить майора на шулерстве пока никто не смог, хотя подозрения были.

Бохайский, который не подозревал, а точно знал, что Вилко жульничает, попытался сделать ему внушение, на что Арсений Тарасович с совершенно невозмутимым видом заявил: "Не жульничая, а добываю валюту для Советского государства. Мне ж ее, когда вернемся, надо будет в казну сдать". Крыть комбату было нечем, и он просто махнул рукой, да попросил батальонного комиссара не слишком зарываться, и хоть изредка проигрывать.

- Ну ты, Егор Михайлович, прямо таки обижаешь. - ответил Вилко. - Я ж до Харькова служил в Одессе.

Правда Бейттелю он позволил взять выигрыш не оттого, что пришло время очередной раз продуть партию, а потому что валюта-валютой, а война ждать не станет.

Наступление началось на следующий день. 10 мая в 5 часов 35 минут 1-я танковая дивизия, сосредоточенная в районе Валлендорфа, перешла люксембургскую границу у Мар-

теланж. Авангард дивизии прорвал пограничные укрепления, установил связь с воздушным десантом полка "Великая Германия" (46), однако пройти по Бельгии на значительное расстояние ему не удалось - сволочные бельгийцы повзрывали дороги.

Разрушенные участки дорог в условиях гористой местности обойти было совершенно невозможно, так что саперы всю ночь занимались их ремонтом. Тем временем 2-я танковая дивизия вела бои за Стреншан, 10-я танковая дивизия продвигалась через Абэ-ла-Нев навстречу 2-ой кавалерийской и 3-ей колониальной пехотной дивизии французов. 11 мая, во второй половине дня, Вермахтом были преодолены заминированные участки вдоль бельгийской границы. К середине дня и 1-я танковая дивизия вновь начала наступление на укрепленные позиции, возведенные по обе стороны Нешато.

Противостоять ей выпало арденнскими егерями из бельгийских пограничных войск и французской кавалерии.

Долго сопротивляться идущим в первом дивизионе немецким и советским танкам они оказались не в состоянии, и после коротких боев, с небольшими потерями, позиции обороняющихся были прорваны и Нешато взят. Генерал Кирхнер немедленно организовала преследование, захватил Бертри и начал движение в сторону Буйона, где окопались французы.

Тем временем 2-я танковая дивизия взяла Либрамон.

- Кельн, я Гамбург, прием. - раздалось из радиации командирской машины.

- Кельн на связи, Гамбург, прием. - отозвался Бейттель.

Ничего хорошего от вызова из штаба он не ожидал. Предчувствия его не обманули.

- Кельн, сардельки говорят, что у тебя на пути, в десяти-двенадцати километрах, две или три груды ящиков, полтора штабеля курятины и несколько котят или щенков, прием.

- А подробнее нельзя, Гамбург? - недовольно поинтересовался капитан. - Котята или щенки? Прием.

- Скорее всего, и то и другое, Кельн. Прием.

- Понял, конец связи.

"Итак, две-три роты танков, полтора батальона пехоты, и неизвестное количество противотанковой или/и гаубичной артиллерии. Силы, в общем-то, равны, можно считать. Вот только наступать-то мне. И чего, эти "сардельки", на своих Fi.156, не могли получше авиаразведку провести?" Москва, Кремль 11 мая 1940 г., семнадцать часов десять минут (время берлинское) - Война в Финляндии, товарищи, чересчур затянулась. - задумчиво произнес Сталин, разглядывая политическую карту мира. - А меж тем Вейган громит в восточной Турции местных горе-воjak. О'Коннор пока не продвинулся к Стамбулу, но только потому, что мы перебросили Инению некоторые силы, да и Германия направила дивизии "Лейбштандарт кениг Давид" и "Лейбштандарт кениг Соломон". Ну и про дивизию "Войско Ерзолаимско" Речи Посполитой забывать не стоит, конечно.

Иосиф Виссарионович усмехнулся. Идея Гитлера отправить самих евреев отвоевывать их Землю Обетованную была оценена старым интриганом по достоинству. Такое лобби в финансовых кругах всего мира купить всего лишь за сравнительно небольшое количество оружия и обмундирования - это был ХОД.

- Мы дождем финнов в ближайшие месяц-два. - уверено заявил Ворошилов. - И это максимальный срок.

- А зачем нам их дожимать, товарищ Ворошилов? - Вождь повернулся к Клименту Ефремовичу. - Ми уже добились почти всего, чего желали. Ми взяли под контроль те территории, которые были нам необходимы, и даже более. Ви хотите включить Финляндию в состав СССР? Но это вызовет неприятие со стороны Швеции и Норвегии.

Они едва-едва склонились в нашу сторону, да и то, лишь из-за беспардонного захвата англичанами Исландии, а вы опять хотите бросить их в объятия наших врагов? Товарищ Сталин полагает, что войска, занятые против Финляндии, было бы разумнее направить на поддержку турецким товарищам, в их справедливой борьбе с франко-британскими агрес-

сорами. Вот ви, товарищ Литвинов, как полагаете - сможем ли заключить мир с правительством Рюти?

- Это, Иосиф Виссарионович, зависит от нашей позиции по поводу находящихся в Финляндии англо-французских сил.

- Что касается флота, вернее того, что от него осталось, товарищ Сталин считает, что он должен интернироваться в Швеции. Дайте Александре Михайловне указание провести консультации на этот счет. Что же касается корпуса генерала Бессонна...

- Вождь сделал паузу и хитро улыбнулся. - Товарищу Сталину кажется, что Норвегия не откажется предоставить им возможность эвакуироваться в Великобританию. Это, конечно, должно занять некоторое время на согласование, но если эти солдаты окажутся на Британских островах где-то в сентябре, советскому народу это пойдет только на пользу.

На подступах к г. Буйон 11 мая 1940 г., около девятнадцати часов вечера Последний взвод французских пехотинцев рывком пытался преодолеть открытое пространство до леса, но вылетевшие - иначе и не скажешь, - из-за фруктовой рощи Pz-IV скосили их пулеметным огнем.

Бейттель обозрел в бинокль поле недавней битвы в бинокль, спустился в танк, не закрывая крышку люка, и связался со штабом.

- Гамбург, ответь Кельну. Прием.

- Кельн, я Гамбург. Прием.

- Обнаруженный "сардельками" противник уничтожен. Продолжаю движение на Буйон. Прием.

На поле боя догорали девять В-1bis, два десятка H39 и четыре дюжины артиллерийских тягачей Рено UA и Сомуа MCG. Пушки, которые тягачи некогда перевозили, сейчас представляли из себя зрелище более чем жалкое.

- Доложите о потерях, Кельн. Прием.

- Три ящика с апельсинами, четыре с орехами, один с изюмом и полторы курицы.

"Ящики с апельсинами", то есть Pz-I, он потерял уже ближе к концу этого скоротечного боя. Атаковавшая с тыла последние три В-1bis 2-я рота (до этого благополучно раздавившая укрывшиеся за лесом последние французские гаубицы), более того, атаковавшая успешно - французы даже башни развернуть не успели, увлеченные перестрелкой на дальних дистанциях с маневрирующими по полю Pz-IV, когда стремительно приблизившиеся танки Вермахта первых трех моделей сделали из тяжелых танков тяжелый металлолом, - внезапно подверглась обстрелу с фланга ротой H39.

Казалось бы, выбили у тебя два танка из пяти, возможность удрать дали - так смазывай пятки солидолом. Но нет, французы решили погеройствовать, за что немедленно и поплатились. Однако три Pz-I после попадания 37-мм снарядов из пушек Puteaux SA 18 ремонту если и подлежали, то только заводскому.

Pz-III, сиречь "ящик с изюмом", Бейттель потерял в самом начале боя. Ну кто ж знал, что в том лесочке, по опушке которого пробиралась во фланг противнику 1-я рота, окажутся две 25-мм противотанковые пушки, и обе засадят в борт одному танку по бронебойному снаряду? Да еще с каких-то десяти метров. Оттуда и стрелять-то почти не по кому, а поди ж. Прятались они там от него что ли?

В общем, эти машины, в отличие от четырех Pz-II, которые оказались жертвами меткости вражеских танкистов, были потеряны, можно сказать, по глупости. Впрочем, размен семь легких и один средний на двадцать легких и девять тяжелых танков можно было считать более чем успешным, а если присовокупить к этому уничтоженные пушки и пехоту - то и превосходным.

Бейттель не ошибся в своей оценке - за этот бой ему вручили "Крест за военные заслуги с мечами" 1-ой степени.

Седан, перекресток улицы Лаброш и проспекта Шарпантье 13 мая 1940 г., девять утра. Танк выехал с северной стороны, замер и оказался прямо в прицеле стоящего посреди

улицы Лаброш КВ Хальсена. Едва удержавшись от выстрела, командир роты матюгнулся, и полез вон из башни.

- Вот какого черта? - проорал он, откинув люк, неведомому командиру Pz-IV. - Я ж в тебе чуть дырку не сделал!

- Не надо во мне ничего делать, Макс! - из люка немецкого танка выбирался Андреас Бейттель. - Во мне и так ее сегодня чуть не сделали. Хорошо, что пушкам этих допотопных Рено FT-17 моя лобовая броня не по зубам.

- Слушай, это не смешно даже! - возмутился красный командир. - Ты хоть представь, что с тобой было бы, если б я сначала стрелял, а потом разбирался?

- А ничего не было бы. - отмахнулся капитан Вермахта. - Ни меня, ни танка, ни экипажа... Чего там слышно? У меня рация работает через раз.

- Да вроде бы уже все тихо. - пожал плечами Макс Александр. - Город, похоже, мы взяли.

После взятия Буйона, где неприятель смог продержаться почти до самого рассвета, и форсирования реки Семуа (бродами, поскольку мост отступившие французы взорвали) недалеко от последними словами ругающих врага саперов, 1-я и 10-я танковые дивизии, а также 14-я ттбр РККА, вышли на исходных позициях для атаки Седана. 2-я дивизия застряла на переправе через все ту же Семуа и безбожно опаздывала к развертыванию.

Несмотря на это, фон Клейст приказал Гудериану начать атаку города, и после упорного ночного боя германско-советские войска овладели северным берегом реки Маас и Седаном.

- Товарищ командир, приказ от подполковника Бохайского продолжать движение. - донесся голос изнутри танка.

- Ну так продолжай. - ответил Хальсен, и крикнул Бейттелю. - Все, я дальше воевать! Освобождай дорогу, камрад. И в прицел больше не попадайся!

Окрестности Дюнкерка, борт субмарины Н-3 "Хавкален" 23 мая 1940 г., семь вечера Капитан третьего ранга Андерсен (ни разу не родственник известному сказочнику, хотя, общаясь с девицами, любил приврать на эту тему) внимательно смотрел в перископ и кровожадно ухмылялся. Его субмарина лежала в засаде двое суток - двое суток без глотка свежего воздуха, в тесноте, задыхаясь от вони немых тел и подтекающей аккумуляторной батареи, - ради этого момента.

Из порта пылающего города выходили последние корабли британского конвоя. Нет, не выходили - выбегали. Уносили ноги и остальные части тела того, что осталось от семи дивизий Британского экспедиционного корпуса генерала Джона Веркера.

Безусловно, эвакуация шла не первый день - она началась еще позавчера, когда танкисты Гудериана переправились через реку Аа и даже в Лондоне стало понятно, что если не отступить на острова немедленно, судьба солдат бригадира Николсона, оборонявших Кале от 10-й танковой дивизии Шалля, ожидает весь корпус.

Самому Андерсену исход войны, в принципе, стал ясен уже после захвата Седана. Да, впрочем, в отрицательных шансах Франции отбиться от нападения немцев, он и до того не особо сомневался. 13 мая, взявшие Седан 1-я танковая дивизия и 14-я тяжелая танковая бригада РККА оставили город и двинулись дальше, к побережью Ла-Манша. Наступление 1-го пехотного полка, и слева от него, пехотного полка "Великая Германия", переправившихся через Маас, также протекало, как на инспекторском смотре в учебном лагере. Несмотря на то, что пехота наступала на совершенно открытой местности, потери в обоих полках были очень невелики. Французская артиллерия была почти полностью подавлена постоянными атаками пикирующих бомбардировщиков, а укрепления на берегу Мааса уничтожены огнем противотанковых и зенитных пушек.

До наступления темноты они захватили Шевеж, часть леса Марфе и прорвали передний край обороны французов западнее Вадленкур. 2-я танковая дивизия, действовавшая на правом фланге, форсировать Маас, правда, не смогла - к реке успели лишь разведывательные и мотоциклетные батальоны, поддерживаемые тяжелой артиллерией, а этого, для

штурма и переправы, было явно недостаточно. 10-я танковая дивизия реку форсировала, создала небольшое предмостное укрепление, но на этом ее продвижение в этот день и закончилось. Артиллерия ее еще не подтянулась, а с "линии Мажино", южнее Дузи и Кариньян, французы вели по ней сильный фланкирующий огонь.

В ночь на 14 мая 1-я танковая дивизия заняла Шемери и продолжила наступление по направлению к Стонн, куда также двигались крупные танковые силы французов. Во встречных боях танкисты Вермахта и РККА одержали убедительные победы: у Бюльсона они уничтожили 20 французских танков, у Шемери - 50. Пехотный полк "Великая Германия" овладел Бюльсоном и стал продвигаться на Виллер-Мезонсель. 14 мая, к полудню, 2-я танковая дивизия все же закончила форсировать Маас у Доншери и готовилась к наступлению на высоты вдоль южного берега реки, и тут же подверглась массированному авианалету, а затем была контратакована. Но, несмотря на храбрость и упорство англо-французских солдат, дойти до моста они не смогли, и были отброшены с большими потерями. Зенитная артиллерия и вовсе отличилась как никогда - к вечеру она имела на своем счету около 150 сбитых самолетов.

Впоследствии командир полка зенитчиков, полковник фон Гиппель, был награжден орденом "Рыцарский крест". 15 мая 1-я и 2-я танковые дивизии, а также 14-я ттбр РККА форсировали канал Дез-Арден и устремились на запад, окончательно прорвав фронт французов.

Тем временем 41-й армейский корпус Рейнгардта, развивал наступление на Мезьер и Шарльвиль, а танковые части 10-й танковой дивизии прошли линию Мазонсель, Рокур-э-Флоба и достигли своими основными силами высот южнее Бюльсон и Телонн, захватив у противника свыше 40 орудий, а полк "Великая Германия", после упорных боев, занял местечко Стон. Этой же ночью солдаты 1-го пехотного полка взяли Бувельмон, при этом овладеть им удалось лишь благодаря их командиру, полковнику Балку.

Постоянно участвовавший в боях полк не имел отдыха с 9 мая, боеприпасы в нем кончались, солдаты на переднем крае спали в окопах. Офицеры предложили Балку приостановить наступление, на что он ответил: "Тогда я один захвачу деревню!" - и самым натуральным образом пошел штурмовать деревню в одиночку. Остальным, естественно, не оставалось ничего иного, как последовать за ним.

Французы из нормандской пехотной дивизии и бригады спаги сражались очень мужественно, но принуждены были отступить под немецким напором. 16 мая 1-я танковая дивизия заняла Рибемон на реке Уаза и Креси на реке Сер.

Передовые части 10-й танковой дивизии, снятой с участка южнее Седана, достигли Фрайикур и Сольс-Монклен. В этот же день солдатам Вермахта удалось создать предмостное укрепление на реке Уаза у Муа, а к вечеру 2-я танковая дивизия вышла к Сен-Кантен.

Утром следующего дня 1-я танковая дивизия и 14-я ттбр форсировали Уазу и продвигалась в направлении на Перонн. 10-я танковая дивизия следовала уступом слева за передовыми дивизиями туда же. XIX-й армейский корпус вышел на линию Камбре, Перонн, Ам. 17 мая пал Амьен. При этом полковник Балк вновь отличился, на сей раз, правда, несколько в ином плане.

Не дожидаясь прибытия смены, 1-й пехотный полк оставил обороняемое им предмостное укрепление и выдвинулся для наступления на Амьен, которое Балк считал важнее обороны вверенной позиции. Сменявший его полковник Ландграф изумился такому разгильдяйству, на что Балк ответил: "Ну, что ж, овладейте этим плацдармом еще раз. Мне же пришлось его захватывать!" 17-го же мая 2-я танковая дивизия взяла Абвиль, пройдя через Дуллан, Бернавиль, Боме, Сен-Рикье, и при этом периодически подвергаясь бомбардировке своими же самолетами. На все упреки Геринг лишь делал недоуменное лицо и разводил руками:

"Как, по своим? Там же всего час назад были французы". Наконец Гудериану это попросту надоело, и во время налета на его штаб в Керье, северо-восточное Амьена, он прика-

зал зенитчикам открыть ответный огонь, и орлы из Люфтваффе, потеряв одну машину, поспешили убраться подобру-поздорову.

Оба летчика из сбитой машины выпрыгнули с парашютом и вскоре предстали перед злым как черт командующим XIX-м корпусом. Еще бы ему было не злиться - эта парочка успела угробить новенькую, только что прибывшую, разведывательную бронемашину.

В ночь на 18-е мая батальон Шпитта из 2-й танковой дивизии вышел через Нуаель к Атлантическому побережью. Это было первое немецкое подразделение, пробившееся к океану.

В полночь, 19-го мая Гудериан отдал 1-й танковой дивизии приказ: "Развернуться в боевой порядок севернее р. Конш до 7.00 20.5, 10-я танковая дивизия следует во втором эшелоне, 2-я танковая дивизия ведет бои в Булони. Части этой дивизии 20.5 следуют через Маркизе на Кале. 1-й танковой дивизии и 14-й тяжелой танковой бригаде достигнуть линии Одрюкк, Ардр, Кале, затем повернуть на восток и продвигаться в восточном направлении через Бурбур, Виль, Гравлин на Берг и Дюнкерк. Южнее наступает 10-я танковая дивизия. Выполнение приказа по паролю "Выступление - восток". После этого начать выступление в 10.00". 20 мая пароль был передан. 21 пал Кале, и это был последний рубеж, за который англичане, судя по всему, намерены были драться. (47) В этот же день началась операция "Динамо", по результатам которой, втянувшие французов в войну англичане,

"продинамили" Францию, оставив ее один на один с Вермахтом.

И все же эвакуироваться без боя не удалось. Слишком быстр оказался "Быстроходный Гейнц", слишком мало оказалось транспортов, которые к тому же нещадно терроризировали налетами орлы из Люфтваффе. Боя за город и его подступы избежать не удалось и потери среди обороняющихся - как убитыми, так и пленными, - были если и не чудовищны, то близки к этому.

Первую половину дня позиции защитников Дюнкерка утюжили бомбами и снарядами гаубиц, не забывая и про порт - прямо в гавани, практически у самого причала, затонул один из кораблей от прямого попадания двух 152-х миллиметровых снарядов.

А в полдень в атаку пошли силы 10-й и 2-й танковых дивизий и полк "Великая Германия".

Андерсен повернул перископ в сторону берега и ухмыльнулся еще более кровожадно.

Выехавшие к самой кромке воды танки и самоходки вели огонь по уходящим в море транспортам и прикрывающим их эсминцам. Затем кап-три вновь перевел свой взор на англичан, выждал некоторое время, и совершенно будничным тоном приказал:

- Торпедный отсек - товсь. - после чего, выждав почти минуту, произнес все так же спокойно. - Первый и третий аппарат - пли.

К последнему из транспортов, уже практически вышедшему за пределы дальности танкового огня, устремились две 457-мм торпеды, на которых какие-то остроумцы из экипажа краской вывели слова "Исландия" и "Рейкьявик".

Приказ по XIX-му армейскому корпусу от 23 мая 1940 г.

"Солдаты 19-го армейского корпуса! 14 боевых дней в Бельгии и Франции остались позади. Путь ровно в 600 км отделяет нас от границы Германии. Мы вышли на побережье Ла-Манша и Атлантического океана.

Вы преодолели на этом пути бельгийские укрепления, форсировали р. Маас, прорвали "линию Мажино" на историческом поле боя под Седаном, овладели важными высотами в районе Стони, затем стремительно прошли через Сен-Кантен и Перонн и с боями вышли на нижнюю Сомму у Амьена и Абвиля. Вы увенчали свои боевые подвиги захватом побережья Ла-Манша с морскими крепостями Булонь и Кале.

Я требовал от вас отказа от сна в течение двух суток. Вы держались 14 дней. Я приказывал сражаться, невзирая на угрозу с флангов и тыла. Вы никогда не проявляли колебаний. С достойной подражания уверенностью в своих силах и с верой в осуществление стоявших перед вами задач вы самоотверженно выполняли каждый приказ.

Германия гордится своими танковыми дивизиями, и я счастлив, что являюсь вашим командиром.

Мы чтим память наших погибших товарищей. Мы уверены, что жертвы принесены не напрасно. Теперь будем готовиться к новым подвигам. Да здравствует Германия и наш фюрер Адольф Гитлер!

Гудериан.

Окрестности Мехико 24 мая 1940 г., без четверти четыре часа ночи Приближался рассвет. Воздух был влажный и тяжелый, всю ночь стояла невыносимая духота, но ближе к утру заметно посвежело. Несколько мрачных, не выспавшихся полицейских, что охраняли подступы к вилле Особо Важной Персоны, почетного гостя Республики, с трудом пытались сдерживать зевету и мрачно поглядывали на часы, ожидая конца смены.

Неожиданно ночную тишину разорвал звук моторов. Он приближался с каждой минутой, становясь все сильнее, нарастая и усиливаясь.

- Какого дьявола? - буркнул один из охранников, передергивая затвор винтовки.

- Кому не спится в ночь глухую?

Из-за поворота показалось несколько автомобилей с погашенными фарами. Они резко затормозили перед полицейским постом, и из них появились люди в полицейской и военной форме, которые направились к охранникам. Впереди вышагивал плотный мужчина в форме майора.

Полицейские, при виде начальства, убрали оружие и вытянулись по стойке смирно.

- Разрешите доложить, синьор майор... - начал было доклад командир наряда и умолк, уставившись в дуло револьвера, направленного ему в лоб. Несколько человек уже разоружали его подчиненных.

- Молчать и не двигаться! - прошипел ему кто-то в ухо, вытаскивая пистолет из кобуры и вынимая винтовку из омертвевших пальцев Лжемайора со своими людьми проследовал к воротам виллы и резко, требовательно постучал в калитку. Маленькое окошко в двери открылось, и майор что-то негромко сказал. Тяжелые ворота беззвучно отворились, и два десятка людей, ряженных в солдат и полицейских, ринулись внутрь, мгновенно обезоружив охрану и открыв огонь по дверям и окнам спальни и кабинета. Гулко загрохотал пулемет.

Спустя несколько минут, разрядив все стволы и отстреляв пулеметную ленту, нападавшие спешно погрузились в свои машины и скрылись, оставив безоружную полицию и стражу возносить благодарственные молитвы всем святым за то, что остались живы.

Из окон дома показался дым.

Утром на место происшествия явились агенты тайной полиции во главе с ее грозным шефом, Леонардо Санчесом Саласром. Хозяин виллы, невысокий пожилой брюнет с седой в волосах и небольшими голубыми глазами, разгневанно смотревшими на синьора Саласрома из-под пенсне с толстыми линзами, чрезвычайно развитыми лобными костями над висками, казавшимися зачатками рогов, и всклокоченной козлиной бородкой встретил шефа тайной полиции во дворе. Губы под жидкими усами, опущенными концами вниз, были сжаты столь плотно, что казались тонкой линией.

- Нападение совершил Иосиф Сталин с помощью ГПУ... Именно Сталин. - не дожидаясь вопросов резко бросил он в лицо синьору Леонардо.

- Разберемся. - буркнул тот в ответ. - Надеюсь, никто не пострадал?

- Сева... Мой внук легко ранен.

- Мы немедленно доставим его в госпиталь, а пока, я попрошу вас ответить на некоторые вопросы и не мешать работать моим людям.

Следствие с удивлением пришло к выводу, что по спальне было выпущено более 200 пуль, однако ни хозяин виллы, ни его супруга не пострадали.

- Уж не сам ли он это все затеял? - усмехнулся один из экспертов.

"Как только началась стрельба, - давал показания потерпевший - жена столкнула меня на пол и прикрыла своим телом. Мы оказались между окном и кроватью, что нас, видимо, и спасло. Пули били в стены, потолок, рикошетили и попадали в кровать".

"Он обречен", - доложил правительству Саласром.

Впрочем, как и в предыдущем варианте истории, ледоруб Хайме Рамона Меркадера дель Рио Эрнандес настиг Льва Давыдовича Троцкого только двадцатого августа. А вот не надо было писать ругательные статьи в адрес "двух столкнувшихся, в своем желании разделить между собой мир, хищниках" - Гитлере и Сталине.

К северу от г. Жюнивьиль 07 июня 1940 г., одиннадцать часов пять минут дня В отличие от боя под Буйоном, на сей раз потерявший уже треть машин батальон Бейттеля встретился не с разрозненными, находящимися на значительной дистанции друг от друга танковыми взводами, а столкнулись с передовой группой противника наступающей вполне целеустремленно, и состоящей из средних и тяжелых Char B1-bis, Somua S-35, D1, D2, нескольких британских Mark II Matilda и даже пары бельгийских T15. В этот раз враг превосходил отряд капитана не только качественно, но и количественно. Причем по обоим показателям примерно вдвое.

Ввязываться в бой с противником было бы изощренной формой самоубийства, так что Бейттель попросту развернул свои машины на 180 градусов.

- Рейн, Рейн, ответь Эссену! Прием! - проорал капитан в микрофон рации.

- Эссен, здесь Рейн, прием.

- Наблюдаю до трех батальонов тяжелых и средних танков противника в квадрате сорок три - шестнадцать, отступаю на исходные позиции! Прием.

- Вас понял, Эссен. - чуть помедлив ответили из штаба бригады. - Отступление запрещаю. Задержите их, подкрепление уже рядом. Прием. -...!!! Чем я должен их задержать?! Мне весь батальон сожгут... и...!!!

И тут в наушниках шлемофона, раздался до дрожи знакомый голос:

- He bzdi, Андрюша, сейчас мы их разорвем kak Tuzik greлку.

На вершину холма, в каких то трех километрах от батальона Бейттеля, выезжали советские самоходки БХ и немецкие танки "Donner". И капитан уже даже не знал, что лично для него было хуже - враги, или Вилко.

Везермюнде, борт U-99 21 июня 1941 г., девять утра - Герр капитан, лейтенант цур Зее Карл-Вильгельм Геббельс прибыл для прохождения службы!

Отто Кречмер смерил стоящего на вытяжку молодого человека в парадной форме долгим испытующим взглядом, и добродушно усмехнулся.

- Вольно, лейтенант. Железный крест 1-го класса за что получили?

- За торпедирование британского авианосца, герр капитан.

- Говорите проще, мы не на плацу. - устало произнес Кречмер. - За авианосец, значит? Были на U-29, когда та потопила "Куражиос"?

- Никак нет. - спокойно, без какой-либо затаенной гордости, произнес молодой человек.

- Командовал U-61 во время атаки на "Фуриоус".

- То-то я думаю, фамилия мне ваша что-то напоминает, и совсем не министра образования и культуры. - хмыкнул Кречмер. - Слышал вашу историю, как же.

Ладно, завтра мы выходим в рейд, пойдемте, покажу вам вашу койку и штурманское хозяйство, непотопляемый вы наш... рейхсминистр.

"И тут!!!" - мысленно простонал Карл.

Балтийское море, борт U-99 22 июня 1941 г., час дня Субмарина благополучно вышла из гавани и взяла курс на вост. Карл усердно возился с картами, проверяя и перепроверяя курс, когда почувствовал, что к нему кто-то подошел.

- Продолжайте-продолжайте, лейтенант. - улыбнулся корветтен-капитан Кречмер обернувшись Геббельсу. - Я просто подошел полюбопытствовать, как у вас получается.

- Лучше чем раньше, герр капитан, но предела совершенству нет.

- Раньше - это на U-61? - дружелюбно поинтересовался командир субмарины.

- И там тоже. - рассмеялся Карл. - Но, вообще-то, я имел в виду училище.

- Все мы когда-то были кадетами. - философски заметил Кречмер, и вдруг встрепенулся. - О! Как я вчера не заметил? Вы уже женаты?

- Да. - смутился молодой человек. - Как раз после того злополучного похода и женился.

После того, как U-61 встретила в море с "Антоном Шмидтом", на субмарину перешло несколько кадровых офицеров, которым и предстояло вести лодку до порта.

Фенрихов же, со словами "Хватит с вас, нечего гневить удачу" принял на борт эсминец.

По прибытии в гавань обеих юношей встретила целая делегация из адмиралов и капитанов цур Зее, доктор Геббельс, построенные в шеренги экипажи стоящих в порту судов и оркестр. Ошалевшим от такого приема Йогану и Карлу жали руки, их фотографировали, однофамилец "непотопляемого рейхсминистра" толкнул речь, а какой-то вице-адмирал (к стыду своему юноши так его и его не узнали) повесил им на грудь по железному кресту: 1-го класса Геббельсу, и 2-го класса - Арндту.

- Несправедливо. - сквозь зубы процедил Карл. Так, чтоб его услышал только приятель.

- Без тебя бы мы не добрались.

Двигатель U-61 и впрямь начал барахлить почти сразу после атаки, так что Арндт рядом с ним дневал и ночевал.

- Вплавь бы добрался, тебе не впервой. - таким же образом ответил Йоган-Мигель-Альбану.

"Не впервой..." Карл ничего не сказал, лишь пожал плечами. Зачем его другу знать, что никогда он не жил в Данциге, что родился и вырос он в Берлине. Вернее - родится и вырастет. А скорее всего - не родится вообще. Слишком по иному пошла история, чересчур по иному.

Покуда "Антон Шмидт" добирался до Данцига, и потом, по дороге в Берлин (молодым людям дали аж двухнедельный отпуск - как раз до окончания сокурсниками практики) у него было время подумать. Хорошенько подумать, подробно, обо всем. Кто он, и что ему теперь делать.

С одной стороны, воспоминания об утраченном доме, о родителях и приятелях, о той веселой и разноцветной жизни, что была у него ранее рвали сердце и бередили душу.

Накатила тоска по дому, даже ипохондрия.

"Ипохондрия. - подумал тогда Карл. - Я и слова-то раньше такого не знал. Жил как все: дом, школа, дискотека. Компьютер, пиво, косячок - все развлечения. И все разговоры только о том, кто с кем, да в каких позах, и как здорово было б выиграть миллион Евро, и где именно их прогулять. Тьфу, вспоминать тошно!" А будущее? Какое его там ждало бы будущее?

"Хреновое. - честно признался себе Карл. - Не так, чтоб совсем, но все равно.

Ну, поступил бы я, выучился на торгового моряка. Если бы брат помог, устроился б на тот же самый круизный лайнер. И кем бы он там был? Старшим помощником младшего холуя? Рассказывал братец о закидонах пассажиров с мощной, о всех их капризах, о тех унижениях, что выносит от них команда. И сделать нельзя ничего - молчи и улыбайся, ибо клиент всегда прав. Или иди к черту - на твое место всегда найдется куча желающих".

Смог бы он, Карл Геббельс, так? Раньше, конечно же, смог бы. А теперь - нет.

Ему, кавалеру Железного креста 1-го класса, морскому офицеру, торпедировавшему вражеский авианосец, а потом дотащившего неисправную субмарину до спасателей, какое-то толстопузое быдло будет хамить и поливать его помоями? Да щаззз!!! Даст в морду, и не спросит как звали. А пускай знает, как надо разговаривать с офицерами, штафирка!

Нет, этот мир, это время, нравились ему не в пример больше, хоть и не так тут богато было с развлечениями. Нацизм? А что - нацизм? Во-первых, Гитлер не вечен.

Во-вторых, политкорректность эта долбанная, чем она от нацизма, только перевернутого с ног на голову, отличается?

В 2005-ом он, с младшей сестренкой и родителями, ездил в Амстердам. Они гуляли по городу, фотографировались, и так получилось, что пришлось проехаться в местном автобусе, где все четверо стали свидетелем неприятной сцены. На задней площадке сидел негр с косячком, прямо под табличкой "Не курить", пускал зеленоватый дым и периодически

сплевывал на пол. Грязный, неопрятный тип с давно не мытыми волосами - люди старались держаться от него подальше.

Стоявший в проходе русоволосый парень - Карл тогда еще удивился, почему тот не сел, - негромко, с выраженным славянским акцентом, сделал негру замечание о том, что курить, мол, тут запрещено, и вообще - имей совесть, через два сиденья от тебя беременная женщина сидит. В ответ же получил грубую ругань по принципу "я твоя мама имел".

- Не прекратишь курить и харкать, - спокойно произнес тогда парень, - выйдешь на первой же остановке. Не выйдешь - так вылетишь.

- Fuck you! - прозвучало в ответ. Смачный плевок едва не попал парню на кроссовок.

И надо же было такому случиться, что как раз в этот момент автобус доехал до остановки и открыл двери.

Парень, не меняясь в лице, шагнул к хулигану, схватил его за грудки, и потащил на улицу.

- Помогите! Вызовите полицию! Меня хотят убить за то, что я черный! - заорал негр.

И ведь вызвали. И полицейские примчались - минуты не прошло. Когда автобус отъезжал, русоволосого запихивали - хотя он, в общем-то, не сопротивлялся, - в полицейскую машину. А кутившего в неположенном месте и плевавшего на пол автобуса хама отпустили.

И что это за фигня такая - не нацизм? Когда тебе можно все, если ты черный, и нельзя ничего, если ты белый. И это в Европе, родине белой расы, где черно- и желтокожие пришельцы, мигранты, приехавшие из своих задрипанных бамбуковых и пальмовых хижин, приобщаться к благам и богатствам цивилизации! Ах искупление вины за колониальный гнет? Горе побежденным! Не смогли в прошлом отстоять свои страны от белых завоевателей, так нечего теперь жаловаться - сами виноваты.

Нет, это сейчас Карл так думал. А тогда был полностью согласен с "фараонами" - нельзя человека за цвет кожи обижать. Мы же не фашисты какие-то.

"Идиот был", резюмировал для себя Карл. "За цвет кожи нельзя. За наглость и хамство - можно и нужно".

Нет, такой балет ему, Карлу-Вильгельму Геббельсу, не нужен. Его дом - Европа. И он совершенно не желает чувствовать себя в нем гостем.

Там же, в автобусе, какой-то глазастый старичок, приметивший на футболке русоволосого российский герб, высказался в том духе, что все эти русские - сплошь махровые нацисты. Геббельс из-за этого даже с Эльзой, поначалу, встречался с некоторой опаской.

А теперь Карл считал, что русские (ну, на самом-то деле в их стране народностей дофига, конечно, но для них, немцев, все они были "русские", даже прибалты), наверное, остались единственным здравомыслящим народом среди европейцев.

Наверное, это так на них семьдесят лет коммунизма повлияло.

"Может и на нас, немцев, национал-социализм подействует подобным образом? Если не перегибать с ним палку, конечно".

А друзья? Разве были у него, Карла, такие друзья в его времени? Да полно, были ли у него там вообще друзья? Так, дружки. Приятели, с которыми можно весело потусить, оторваться на дискотеке, ну, может пакость какую нелюбимому учителю устроить. И готовые заложить, едва запахнет жареным, начав валить все друг на друга. А вот таких, настоящих, цельных, готовых за друга хоть в огонь, хоть в воду, хоть к начальству "на ковер", прикрывающих спину друзей у него там, в его времени, не было. Ведь случись та история в бухте Эккендорф в 2006 году, разве стали б его одноклассники молчать? Разве не попытались бы отмазаться, заявив "а это мы Геббельса под парусом ходить учили, а то он не умеет. Ну и вот..." Кто бы в этом случае был виноват? Он, конечно. "Ах это из-за вас лодка утонула, геноссе?"

Это вы подбили друзей на глупость? Как же вы собираетесь быть офицером Кригсмарине?" и прочая, и прочая и прочая. А эти молчали стиснув зубы. И в карцер пошли, и наря-

ды отработывали. И не словом его не попрекнули, искренне считая, что виноваты сами. Да остались ли в его, Карла, будущем такие люди вообще?

И дело тут не в том, вовсе, что молчали. И не в том, что когда валяющийся с ног от усталости и навалившейся ответственности Карл вел U-61 к точке встречи с эсминцем, такой же, почти не отдохавший из-за ремонта электромоторов Йоган приперся в рубку, и узнав, что хода осталось всего три часа, просто взял его за шкуру и оттащил спать, со словами "Меня тоже кой-чему учили, курс удержаться сумею. А ты поспи пару часов. Не хватало еще, чтоб ты тут в обморок упал. И не дергайся - в морду дам". А ведь сам при этом выглядел не многим лучше Карла. И не в том, что Вермаут, наплевав на визит домой, поперся в Шарлоттенбург, чтобы помочь выбрать жилье по карману.

Нет. Просто люди в это время были другие. Не такие озлобленные, не такие себялюбивые, не такие алчные как в его Германии. Настоящие. Настоящие люди и настоящие друзья.

А еще тут была Альке. Его Альке. Его любимая и его невеста. И он ехал к ней.

"Нет, если и нашли люди из "Аненербе" способ отправить меня обратно, я откажусь. - подумал он. - Откажусь, и заставить они меня не смогут. Кригсмарине подчиняется лишь своему гросс-адмиралу и Фюреру, а СС может идти к черту. А родители? А мать и отец? - тут же кольнула его неприятная мысль, - А родители..."

Что ж, у них есть еще двое детей, да и тела его они не видели, следовательно будут надеяться на то, что он жив. Что, до определенной степени, истине соответствует".

Его квартира на Абберштрассе встретила Карла-Вильгельма запахом свежей выпечки, аурой какого-то домашнего тепла и уюта, и счастливо взвизгнувшей Аделинде, повисшей у него на шее.

- Ка-а-алле! - он подхватил ее на руки и закружил по всей квартире. - Про вас с Ханно по всем радиостанциям говорят! Я так и знала, что тебя в отпуск пустят, пирогов напекла.

- Хозяюшка ты моя. - улыбнулся Карл, и поцеловал невесту.

Именно в этот раз у них все и случилось впервые. Ибо, по германскому старинному обычаю, помолвленным - можно.

А вечером они сидели в гостях у герра Дитмара и доньи Анны, и непринужденно болтали. Присутствовала там также и фрау Юлия, причем со вполне определенной целью - кто такой Карл-Вильгельм Геббельс всем ее знакомым было отлично известно, а слух о возвращении молодых перспективных женихов - его и Йогана, - в Шарлоттенбург разнесся просто моментально. Как результат, некоторые из местных кумушек сочли, что молодой, блестяще зарекомендовавший себя фенрих, кавалер Железного креста, это достойная добыча в матримониальной войне, и готовили наступление по всем фронтам. А невеста... А что - невеста? Не стена, подвинуть можно.

- И когда вы, молодые люди, намерены венчаться? - прямо и без обиняков поинтересовалась она.

Карл едва не поперхнулся пирожком.

- Но мама (Аделинде старалась не напоминать мачехе, что та ей не родная - отношения у них и впрямь были замечательные), Карл ведь еще только учится. Пока его рапорт с просьбой разрешить брак рассмотрят, пока он пройдет по инстанциям, как раз срок учебы закончиться успеет. Ты ведь знаешь всю эту бюрократию.

- Ничего, рапорт героя, я уверена, рассмотрят быстро, а кавалеру Железного креста отказать не посмеют.

- Вот как? - Йоган как-то по новому взглянул на свою награду. - Слушай, Карл, а может и на Биберкопфа подействует, и он не будет так уж против?

- Та-а-ак. - с улыбкой протянула донья Анна. - И что это мы такое скрываем, молодой человек? О чем нам с твоим отцом неизвестно?

- Ну... - Йоган покраснел.

Карл не поверил своим глазам, но Арндт-младший действительно покраснел.

- Ущипни меня. - шепнула ему на ухо Аделинде. - Я его настолько смущенным не видала лет с пяти. Даже не знала, что такое возможно.

- Меня бы кто ущипнул. - так же тихо шепнул он.

И, что характерно, получил от невесты щипок.

- Мигелито, не надо испытывать наше терпение. - мать погрозила Йогану пальцем.

- Отмолчаться не выйдет.

Пришлось парню выкладывать историю своих взаимоотношений с Маритой, причем Карл слушал с не меньшим интересом, чем остальные - дружба-дружбой, а в свои амурные дела он никого из друзей не посвящал. У тех, впрочем, хватало тактичности не лезть ему в душу.

- Ну так и чего ты ждешь, сын? - спросил герр Дитмар, когда рассказ подошел к завершению. - Почему ты еще не просил руки дочери у профессора Биберкопфа? Мы встречались с ним как-то в Техническом Университете, вполне достойный и солидный ученый.

- Он, как бы это выразиться, несколько не в восторге от перспективы стать моим тестем. - промямлил Йоган.

- Это еще очень мягко сказано. - тихонько сказал Геббельс невесте. - Он от такой перспективы просто в истерике.

- Зная Ханно, ни секунды в этом и не сомневалась. - ответила Аделинде.

- Я бы тоже был не в восторге, если бы не знал, каких намерений придерживается юноша, которого я видел целующимся со своей дочерью. - парировал герр Дитмар. - Ты, в конце-концов, ведешь себя по отношению к нему просто непорядочно.

- Может разом две свадьбы сыграть? - задумчиво произнесла фрау Юлия.

Йоган кисло посмотрел на тетку, и ничего не сказал.

- Н-да, - задумчиво ответил за него герр Дитмар. - Это вряд ли. Сын и Марита еще даже не помолвлены. А вот насчет Карла, можно попросить посодействовать Ансельма. У него должны быть связи в ОКМ.

- Борга? - спросил Карл. - Не стоит. У меня есть лучший план.

- Вот как? - Арндт-старший приподнял брови. - И какой же?

- Хочу к своему однофамильцу навеститься. - хмыкнул Геббельс. - Мы с ним немного знакомы.

- Когда это вы успели? - удивился Йоган. - Если ты считаешь, что произнесенная им речь, это знакомство, то у него больше половины мира знакомых.

- Нет, мы еще до училища с ним раз встречались... - Карл прикусил язык, но было уже поздно.

- Никак амнезия прошла? - приятель аж подпрыгнул на стуле.

- В некотором роде. - кисло отозвался Геббельс.

- Тогда выкладывай, откуда вы знакомы. - потребовал Йоган.

- Понимаешь... - столь же кисло ответил пришелец из будущего. - Это секретная информация. И вряд ли ее рассекретят в ближайшую тысячу лет.

- Что ж, если ты считаешь, что он тебе поможет, попробуй. - сказал герр Дитмар, обрубая разговор о секретности. - Дальше порога не прогонят.

В воскресенье, семнадцатого марта, Карл-Вильгельм Геббельс, облаченный в парадную форму, стояла на пороге особняка Йозефа Геббельса, до которого его довез герр Арндт на своем автомобиле.

- Что вы хотели, молодой человек? - спросила открывшая дверь горничная.

- У меня дело к герру Геббельсу, которое не терпит отлагательств. - ответил Карл. - Если он дома, скажите, что о встрече просит его однофамилец из две тысячи шесть. Он поймет.

Пять минут спустя ему предложили пройти и проводили в кабинет хозяина.

- Хайль Гитлер! - Карл вскинул руку в нацистском приветствии и щелкнул каблуками сапог.

- Хайль Гитлер. - ответил рейхсминистр - настоящий, а не непотопляемый, - молодому человеку. - Присаживайтесь.

Карл сел в кресло.

- Итак, вы все вспомнили. - задумчиво произнес Йозеф Пауль. - И пришли с этим ко мне. Почему?

- Да я, собственно, не поэтому пришел. - улыбнулся Карл. - Та информация о будущем, которой я располагал, уже не представляет ни для кого ни малейшего интереса.

- Политическая - да. Техническая - нет.

- Это я не подумал. - пробормотал Карл.

- Молодежь. - вздохнул хозяин кабинета. - Больше чем на один шаг вперед ничего не продумывает. Надеюсь о том, кто вы такой на самом деле, вы не распространялись?

- Обижаете, герр рейхсминистр. - ответил молодой человек. - Я, конечно, может и не государственного ума человек, но ведь и не идиот же.

- Это верно. - вздохнул его собеседник. - Насколько я помню записи, вы на редкость здравомыслящий юноша. Что ж, то, что гипнотический блок сломан, и что с этим делать, я обсужу лично с Фюрером. Ну а вы, выкладывайте. Что ж это у вас за дело ко мне?

- Я бы хотел жениться. - сказал Карл.

- Ну так женитесь. - улыбнулся Йозеф Геббельс.

- Но я не могу этого сделать до окончания обучения, а покуда рапорт пройдет все инстанции...

- Хотите, чтобы я ускорил его прохождение? - "министр правды" задумчиво улыбнулся.

- И как скоро хотелось бы венчаться?

- Отпуск у меня небольшой. - осторожно произнес Карл-Вильгельм. - Но хотелось бы за него успеть.

- Девица в положении? - строго, едва не обвинительно, спросил хозяин кабинета.

- Э... Наверное нет. - смутился Карл. - Мы помолвлены...

- Так это же в корне меняет дело. Кстати, кто она? Немка, я надеюсь?

- Так точно. Аделинде Арндт.

- Арндт, Арндт... Что-то знакомое.

- Танковая пушка Арндта. - подсказал фенрих. - Это его племянница. В смысле, не пушка племянница, а...

- Я понял. - отмахнулся рейхсминистр, и взялся за трубку телефона. - Соедините с Редером.

Несколько минут прошло для Карла в томительном ожидании.

- Добрый день, герр гросс-адмирал. - наконец сказал Йозеф Геббельс. - Вы еще помните, кто такой объект "К"? Нет, никаких проблем нет, просто он надумал жениться, а кадетам... Рапорт? Да долго ли его написать? Вот и я говорю. Завтра?

Очень хорошо, будет. Благодарю за понимание. Всего доброго.

Министр положил трубку на рычаги.

- Завтра явитесь в ОКМ к восьми утра с рапортом. Пропуск вам гросс-адмирал сейчас закажет. Зайдете к нему, он лично завизирует.

- Спасибо, герр Геббельс! - с чувством произнес Карл. - Не знаю как вас и благодарить.

- Обзаведитесь детьми побыстрее. - усмехнулся тот. - Это все? Ничего больше просить не будете? Роль Анакина в кино, или там Луну с неба?

- Никак нет. - Карл улыбался до ушей. - Луна и на небе хороша, а актер из меня никакой. Фильм кстати получился не хуже нашего. А Вайсмюллер в роли Кеноби, это вообще что-то невообразимое. Разрешите идти?

- Идите, вас проводят.

Когда дверь за посетителем закрылась, Геббельс позволил себе самодовольно улыбнуться.

- Не хуже фильм получился, выходит? Ну еще бы, половина аниматоров мира над ним работала, чтоб заменить эти их "спецэффекты" - даже Диснею заказ перепал.

Однако, похвала потомков дорогого стоит.

На следующий день, ровно в восемь ноль пять утра, Карл был в кабинете Редера.

- Уже успели. - усмехнулся командующий военно-морскими силами Германии, бросив взгляд на награду фенриха. - Оперативно. Давайте рапорт.

Карл протянул лист с рапортом, гросс-адмирал быстро его просмотрел, и поставил визу.

А потом была свадьба. И короткий медовый месяц. А затем учеба, и радость возвращения домой, когда наступил летний отпуск. И еще более бурная радость - когда наступил отпуск зимний. И короткий визит домой перед направлением к месту службы, когда все экзамены были сданы и Карл получил лейтенантские погоны. И такая радостная новость.

- А через три месяца я еще и отцом стану. - добавил Карл.

- Поздравляю, лейтенант. - ответил Кречмер. - Действительно, поздравляю.

Значит у нас стало на одну причину больше для того, чтобы вернуться из рейда.

Лондон, Букингемский дворец 01 августа 1941 г., пять часов вечера В пять часов вечера, в Великобритании, принято пить чай. Семьи собираются за столами, джентльмены - в клубах, деловые партнеры... Ну, это зависит от того, что за партнеры.

Вот Его Величество Георг VI, например, пригласил сегодня на чашку чая генерал-лейтенанта Бернарда Лоу Монтгомери, который возглавлял оборону и столицы, и всей Восточной Англии вообще.

Молчаливые слуги накрыли на стол и оставили монарха и генерала наедине, дабы не мешать обсудить важные, им одним понятные дела.

Как это водится среди истинных джентльменов, разговор не начался сразу с "я пригласил вас, дабы сообщить пренеприятнейшее известие..." или чего-либо подобного - это был бы полнейший моветон, начинать разговор сразу и по существу.

Сначала Его Величество и Его Высокопревосходительство, неспешно попивая чай, говорили о последних премьерах в театре и кино, затем неторопливо перешли на погоду, незаметно соскользнули на то, как влияет погода на интенсивность бомбардировок Лондона, и, наконец, перешли к самой войне.

- Если бы Германия осуществила высадку на Островах сразу после капитуляции Франции, то, несомненно, уже захватила бы Великобританию. - убежденно произнес Монтгомери. - Можно лишь благодарить Бога за то, что Гитлер не обладал тогда нужным количеством десантных судов и сначала решил прибрать к рукам Ближний Восток и Северную Африку. Теперь нас взять будет не так-то легко.

Дела и там, и там, у Великобритании шли, мягко выражаясь, "не очень". Советский Союз начал наступление на Кавказе еще в конце лета прошлого года, и вот-вот должны были выжать на равнины солдат О'Коннора и отказавшегося капитулировать вместе со всей Францией Вейгана. Греция была разгромлена совместными силами Болгарии, Югославии и Италии, хотя первоначальный ее бросок в Турцию был хорош.

Греки захватили Дарданеллы (куда, наученный горьким балтийским опытом, средиземноморский флот Великобритании соваться не стал) и резво двинулись к Стамбулу. Остановить их удалось только благодаря усилиям "Войска Ерзолаимска", в местечке Сан-Стефано.

В довершение ко всему, германо-итальянский экспедиционный корпус Роммеля и Гарибольди громил войска Александера, и уже стоял у самых ворот Александрии. Ну а там и до Каира с Суэцким каналом рукой подать.

Но если вопрос со снабжением войск на Ближнем Востоке и в Африке пока особо не стоял - Красное море и Индийский океан немцам и итальянцам перекрыть не удалось, а японцы, также начавшие подбирать куски беззащитных франко-британских колоний (таких как Сингапур, Камбоджа, и уже заглядывающиеся на американские Филиппины...), особо и не старались, благоразумно полагая, что чем дольше будет длиться война в Европе, тем больше "вкусного" они успеют хапнуть на востоке, хотя Гибралтар, вступившая все же в войну Испания и взяла штурмом, все это не смогло помешать обеспечению франко-британских войск в Турции, - то проблемы в самой метрополии представлялись просто

катастрофическими. Германский и советский подводные флоты устроили настоящую охоту на путях снабжения в Атлантике, в первые недели войны отправив на дно, или захватив такое количество грузов, что просто "мама дорогая".

Эсминцев для сопровождения караванов не хватало. Они были заложены, многие были практически готовы, но чем их было вооружать? А чем заправлять, если танкеры были объявлены Гитлером и Сталиным приоритетными целями? Многие корабли Роял Нэви, из-за этого, пришлось - кошмар какой, - переоборудовать для хода на угле.

Для обороны столицы не хватало не только и не столько самолетов или пилотов - хотя в этом плане положение тоже было не блестящим, - а элементарного авиационного топлива. Самолеты, увы, на угле летать не могли, а те нефтепродукты, что производились, и в небольшом пока еще количестве, на основе угля, для изготовления авиатоплива не подходили никак.

Собственно, не хватало всего - даже самые большие конвои, идущие в сопровождении эсминцев и авианосцев, подвергались атаке субмарин и несли потери.

Верхом же наглости оказалось состоявшееся в прошлом месяце нападение на конвой немецких "Бисмарка", "Принца Ойгена", испанского "Сервера" и советского "Максим Горький". Сопровождавшие его корветы и эсминцы ничего не смогли противопоставить бронированным махинам, а попытавшийся им помешать крейсер "Худ" был потоплен третьим или четвертым залпом с "Бисмарка". Теперь в сопровождение конвоев приходилось выделять и тяжелые силы Роял Нэви, которые также были лакомой добычей для немецких и советских подводников.

Так что, надумай немцы высадиться теперь, безусловно, их было бы чем встретить - танки, артиллерию, стрелковое вооружение британская промышленность производила.

Вот только заправлять танки было почти нечем, как и орудийные тягачи. И если полые пушки еще можно было бы передвигать на конных упряжках, то таскать таким Макаром 7.2 или 5.5-дюмовые гаубицы...

Единственное, что не могло не радовать, так это то, что немцам так и не удалось захватить абсолютного преимущества в воздухе - зенитками был утыкан весь юг Англии.

- Не легко, но возможно. - произнес король. - Половина флота раскидана по Атлантическому океану, а бомбардировочной авиации у нас, для борьбы с десантом, явно недостаточно. Американские "добровольцы" на В-17, это, конечно же, хорошо, но их очень мало. Да и "Галифаксов" со "Стирлингами" не густо. Одна надежда, на орудия береговой обороны.

- Немцы прорвали "линию Мажино", государь. Прорвут и эту. - мрачно ответил Монгомери. - А наши политики, вместо того, чтобы заниматься укреплением обороноспособности страны, погрязли в своих склоках. Грызутся, грызутся... Ведь Гитлер, если возьмет Лондон, повесит их всех ногами в крапиву, а они, по привычке, продолжают интриговать в то время, когда надо плюнуть на все разногласия и былые обиды, и сплотиться. Сказать по чести, государь, это сильно подрывает дух наших солдат.

- Увы, где стране взять лидера? - вздохнул Георг Виндзор. - Черчиллю не простят балтийского капкана, Чемберлену - этой войны. Он и держится-то на посту Премьера лишь оттого, что его оппоненты никак не выберут между собой главного. А ведь он серьезно болен. Галифакс? Он повязан грехами Чемберлена.

- Ну, вообще-то, такой лидер у нас есть. - заметил генерал.

- Вот как? - удивился Его Величество. - Кого вы имеете в виду?

- Одного военного. Бывший моряк, участвовал в Ютландском бое. Потом служил в ВВС Его Величества Георга V.

- Это весьма положительные рекомендации. - ответил Георг. - Но я, право, не припомню никого из политиков, который подпадал бы под это описание. Популярных, политиков, я имею в виду.

- Меж тем, он весьма известен и популярен, сир. - ответил генерал-лейтенант.

- Вы, право, меня раззадорили. - улыбнулся Его Величество. - Кто же этот человек?

- Милостью Божьей Король Соединенного Королевства Великобритании, Канады, Австралии и Южной Африки, Император Индии Георг VI Виндзор. - совершенно спокойно ответил Монтгомери.

На умном и довольно привлекательном лице монарха сначала отразилось некое недоумение, а затем он откинулся на спинку кресла и от души рассмеялся.

- Вы изрядно позабавили меня, генерал. - произнес он наконец. - Однако, должен вам напомнить, что в Британии король царствует, но не правит. Безусловно, я мог бы призвать парламент к переговорам с Германией, но, боюсь этого не захотят ни они, ни Гитлер. Гитлер - потому что забрал еще не все, что мог, а Парламент - потому что не намерен отдавать Гитлеру или, положим, Хирохито, вообще ничего. В наших же условиях речь может идти лишь о капитуляции на почетных условиях.

- Вы это понимаете, сир, я это понимаю, большинство военных тоже понимает. А они - нет. Необходимо указать им, на заблуждение.

- Они меня не слушают. - развел руками Георг.

- Значит надо заставить их это сделать. - нахмурился Монтгомери.

- Каким же образом? - поинтересовался Его Королевское Величество.

- Осмелюсь напомнить, государь, что у вас имеется Гвардейская дивизия, а это полк конной и пять полков пешей гвардии. Что касается войск Лондонского Гарнизона, так им эти болтуны и того пуще поперек горла.

- Вы подбиваете меня на путч? - изумился король.

- Отнюдь. - возразил Бернارد Лоу Монтгомери. - Если Ваше Величество не запомнили, в древнем Риме, во времена кризиса, сенаторы, для его преодоления, избирали диктатора и предоставляли ему неограниченные полномочия. Как только кризис разрешался, диктатор складывал с себя полномочия, и все возвращалось на круги своя. От нынешних болтунов, конечно, такого подвига как добровольное ограничение своей власти не дождешься, так что придется действовать более грубым методом - штыком. А когда будет заключен мир, ничто не помешает вам собрать Парламент вновь.

Георг VI задумался. Он был умным человеком, и понимал, что предложение генерала является единственно верным. Но и конфликта королей с Парламентом, некогда стоившего Карлу I головы, ему не хотелось. Несколько минут он терзался внутренней борьбой, пока не принял решения.

- На штык удобно опереться, но на него нельзя сесть. - произнес он наконец. - К тому же, я не уверен, что гвардия меня поддержит - Ну, если мы попробуем убедить их в необходимости такого шага вместе, не думаю, что гвардейцы будут хоть миг сомневаться.

Порт г. Бреста 12 августа 1941 г., около десяти часов утра В гавань неторопливо входила U-199 с тремя белыми флажками, обозначающими три потопленных за время похода транспорта.

- Удачно сходили. - заметил стоящий рядом с Карлом мичман.

- Главное, что вернулись. - ответил Карл.

- Тоже верно.

Субмарина на самом малом ходу пересекла гавань и пришвартовалась у пирса.

- Йоган, собачий сын! - воскликнул Карл, и двинулся к другу (и уже свойственнику), появившемуся на палубе. - Мы вас уже похоронили и оплакали!

- Значит век жить буду. - невозмутимо ответил Арндт, спрыгивая на причал. - Здравствуй, дружище. Что нового?

- Нового то, - мрачно ответил Карл, - что долго в гавани вы не простояте, так что отдыхайте поактивнее.

- Это с чего бы так? - удивился его друг. - Мы ж только что вернулись. Нам ремонт...

- Будет. - прервал его Геббельс, утягивая подальше от чужих ушей. - Не знаю точно, что затевается, но между Кале и Амстердамом стягивают войска и баржи.

Чуешь чем это пахнет?

- Десантом в Англию пахнет. А ты-то откуда знаешь, про стянутые войска?

- Держу в кабаках уши открытыми, и не особо заливаю глаза. - усмехнулся Карл-Вильгельм.

- Старший офицерский состав, он тоже отдохнуть любит. От трудов, или что у них там, в штабах, вместо труда. Да и по флотилии слухи ползали, а вчера пришло подтверждение. Будем всеми силами наводить на британских коммуникациях шухер...

- Кого?

- Топить все что плавает. Через неделю начнем - край.

- Отвлечь вражеский флот от пролива подальше... Что ж, это разумно. Но до чего же для нас неприятно!

Лондон, Букингемский дворец 28 августа 1941 г., около полудня - Да, сир. Я уверен. - сказал, получивший после операции по введению "прямого королевского правления" звание полного генерала, Монтгомери. - Воздушная и агентурная разведка утверждают совершенно однозначно - штурм Острова начнется в ближайшие дни. Надо немедленно отзывать флот из Атлантики.

- Боюсь, что вернуться успеют не многие. - вздохнул Георг VI. - И модернизация прибрежных укреплений еще только-только начата.

Окрестности Харькова, штаб 14-й ттбр 29 августа 1941 г., семь часов вечера (время местное) - Егор Михайлович, а ты чего такой смурной в штабу сидишь? - удивился вошедший в комнату Хальсен. - Да еще и в полном одиночестве? Взбодрись! Скоро в Турцию отправляемся, опять французов и англичан гонять будем. Взбодрись же!

- Отправляетесь. - вздохнул Бохайский. - Только без меня.

- Чей так? - изумился батальонный комиссар.

- Переводят меня, Арсений Тарасович. - ответил подполковник. - Под Астраханью новый танковый полк формируют, вот мне его и принимать. А вы уж... без меня.

- О как. - мигом потерявший всю свою обычную бесшабашную веселость и говорливость Вилко присел рядом с командиром и боевым товарищем. - И кого на твое место? Или еще не решили?

- Отчего же не решили? Вполне решили. - ответил Егор Михайлович. - Тебя.

- Да етить же ж колотить! Вот и за что мне такое большое хохлятское счастье, ослепительное, как встреча с граблями в темном сарае?!!

Кимберли, штаб I-го Армейского Нормандского корпуса 15 сентября 1941 г., шесть часов вечера Эрих фон Манштейн угрюмо смотрел на оперативную карту. Обстановка не радовала.

- Господа, мы в глубокой заднице. - обратился он к своему штабу. - Причем очень глубоко, где-то ближе к желудку. У нас усталые солдаты, у нас мало боеприпасов, и почти совсем не осталось горючего. На подкрепления и нормальное снабжение в ближайшие пару недель рассчитывать не приходится. Какие будут предложения?

- Эта затея с самого начала отдавала авантюрой. - пробурчал генерал-майор фон Штокгаузен.

"А Гудериан бы, пожалуй, справился с захватом Лондона, - подумал Манштейн. - Какого черта его бросили на Бристоль?" Операция "Морской лев" начиналась просто замечательно. Огромная волна истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков - Сталин даже расщедрился, и выделил на помощь союзнику полк ТБ-3, - единой лавой перемахнула через Ла-Манш, разметала истребители прикрытия и огненным дождем обрушилась на южное побережье Британии - даже новейшие разработки, ракеты ФАУ были применены против англосаксов. Английские зенитчики палили до тех пор, пока у них не кончались снаряды, или на их головы не падали бомбы, потери Люфтваффе были просто ужасающими, да и не только их. Добить Британского Льва в его логове нашлось еще несколько желающих: Испания, Италия, Дания и даже Польша, наконец понявшая, на чьей стороне Ника - военнопленная богиня успешно заверченной греческой кампании.

Вся мощь ВВС этих стран навалилась на английское побережье, и на глазах истаивала.

Однако потери эти были, казалось, оправданными - зенитные батареи, радарные установки и береговые укрепления уничтожались, или захватывались воздушными десантами, а к образовавшимся брешам в обороне побережья, за тральщиками, ринулись десантные баржи с войсками. Вот тут-то Великобритания напомнила, что ее гербовой щит поддерживает не только могучий и благородный лев, но и хитрый непредсказуемый единорог.

Большую часть своей авиации англичане заблаговременно отвели в тыл, намеренно пожертвовали зенитками первой линии обороны, а теперь, когда нависла реальная угроза высадки серьезных сил Вермахта и союзников, бросили ее в бой.

Для этой операции британский Генштаб реквизирует под чистую все, что хоть отдаленно напоминало авиационное топливо, но обеспечил авиацию горючим на несколько недель боев.

Роял Нэви, невзирая ни на что, ринулся в Ла-Манш, чтобы топить транспорты не считаясь с собственными потерями. Даже атака палубными Junkers-87C и Nakajima B5N с видневшегося на горизонте "Графа Цеппелина" не заставила развернуться в его сторону ни один, даже самый поганый, корабль.

Первая волна атакующих все же успела проскочить пролив (и в этот же день в войну вступили США), но вот потом... То что творилось в Ла Манше следующие два дня не поддавалось описанию. Британские истребители дрались с атаковавшей их армадой, штурмовики и бомбардировщики англичан бросались на любой корабль, пытавшийся доставить подкрепление или снаряжение высадившимся немцам, корабли, от линкоров до торпедных катеров шли в самоубийственные атаки на транспорты и порты, и гибли, один за другим, под бомбами штурмовиков и истребителей Стального Пакта, под огнем береговых батарей, от торпед рискнувших сунуться в это месиво субмарин.

Наконец Королевский Военно-Морской Флот был вынужден отступить - в нем не осталось ни одного неповрежденного артиллерийского корабля, - но и немцы потеряли две третьих своих барж. А те, что еще оставались, ходили к берегам Британии под постоянными авиаударами. Снабжение высадившихся сил было практически сорвано.

Гудериан, целью которого был Бристоль, город, конечно же взял. Большой ценой, кровавой - но взял. Да там и застрял без горючего для машин и танков. Западный Лондон был целью корпуса Манштейна, и он подошел вплотную к своей цели. Казалось еще чуть-чуть, и столица Великобритании упадет в его руки, словно перезрелое яблоко. Не пало.

На подступах к Лондону удалось занять города Сандхорст, Кимберли и Вокпит, но переправиться через Темзу так и не получилось - ни у Виндзора, ни у Эгхама, ни у Чертсей - слишком сильна была там британская оборона. К этому дню положение корпуса Манштейна стало почти катастрофическим. "Еще неделя. Продержитесь еще неделю, и мы их слоим, ведь у Британии почти не осталось топлива. Тогда будут нормальные поставки по морю и по воздуху", уверяли его из Генерального Штаба.

Только у него самого этого топлива осталось всего-ничего - на один не слишком долгий марш. И боеприпасов на один не слишком длинный бой.

- Для обходного маневра через Мэдхэйд и последующего марша к Лондону у нас попросту не хватит горючего. Да и авиация не сможет прикрывать нас от бомбардировок на марше так далеко. - Продолжил, меж тем Штокгаузен. - Противник накапливает силы у Виндзора, и, вероятно, в ближайшие дни следует ожидать удара с этого направления. Сомневаюсь, что мы сможем его удержать. У нас остается только один путь - к Вэйбриджу и Уолтону-на-Темзе. Если мы возьмем их, и переправимся - Лондон наш.

- А если нет, то храни нас Бог. - покачал головой Эрих фон Манштейн. - Ибо если через сутки после провала Риббентроп не договорится о прекращении огня, то я не поставлю за наши жизни и гнутый пфенниг. Начинаем наступление завтра, в пять часов утра. Итак, Ваш полк "Великая Германия" наступает по этой дороге...

Астрахань, Кремль 17 сентября 1941 г., пять часов вечера (время местное) - По преданию в этой башне содержалась Марина Мнишек. Именно потому-то она и называется "Маришкина башня".

Егор Михайлович Бохайский с трудом подавил зевоту. Лекция экскурсовода, насыщенная историческими датами и цитатами из выступлений Ленина и Сталина, навевала на него одну лишь тоску. Да и архитектурный ансамбль Астраханского Кремля не произвел на танкиста никакого впечатления. Стены он счел низковатыми, башни расположенными не самым удачным образом, а главные ворота - просто мечтой атакующего противника. Проще говоря, рассматривал он старинное укрепление не с точки зрения обывателя, а с позиции профессионального военного. Это жене было интересно, а он... А что он? Командующий дивизией приказал командному составу с супругами посетить Зимний Парк с вечнозелеными пальмами, экскурсию в Кремль и, затем, театр - он выполнил приказ. А получать от этого удовольствие ему приказа не было.

"Как-то там мой батальон? - тоскливо подумал он. - Четвертый день как воюют уже. Вилко, конечно, мужик хороший, да вот справится ли? А, впрочем, должен".

- А вот это знаменитое "Лобное место", где в старорежимные времена царская власть расправлялась с неугодными ей представителями трудового народа.

"Вот ведь, врет как по написанному, и не запнется. - внутренне усмехнулся Бохайский. - Никогда и нигде на Лобном месте казней не устраивали. Максимум - могли в клетке кого выставить, на обозрение. А вообще-то это такая старинная форма трибуны, откуда указы объявляли".

- Тише ты! - неожиданно рявкнул полковой комиссар на экскурсовода. - Сейчас Левитан выступать будет.

Все присутствующие потянулись к громкоговорителям.

От советского информбюро.

Сегодня, в три часа дня по Московскому времени, на всех фронтах было объявлено о прекращении огня. Империалисты Великобритании, добываемые в своем логове доблестными советскими и германскими солдатами, запросили мира. Агрессор полностью разбит и поставлен на колени!

"Ну, если Турция, это британское логово, то что такое их острова?" - подумал Егор Михайлович. То, что в высадке силы РККА не участвовали он знал доподлинно.

Но вслух, разумеется, подполковник ничего не сказал.

Заключение Немецкие генералы также хотели мира, однако не потому, что считали себя слабыми или боялись нововведений, а потому, что верили в возможность достижения национальных устремлений народа мирными средствами.

Гейнц Гудериан, "Воспоминания солдата"

Лондон, Букингемский дворец 20 сентября 1941 г., около десяти часов утра Над столицей Великобритании уже третий день не выли сирены. Третий день городу не угрожали бомбардировщики и остановленные Монтгомери на подступах к Вэйбриджу и Уолтону-на-Темзе войска Манштейна. Третий день длилось перемирие, которое вскоре должно было закончиться подписанием мирного договора.

- Никогда бы не подумал, что буду вторым Гарольдом Счастливым. - произнес Его Величество Георг VI Виндзор и поправил Орден Бани.

- Все не так печально, сир. - ответил Монтгомери, находившийся здесь же, в королевском кабинете. - Империя получила сильный удар, не стану возражать, но удар не смертельный.

Основные условия договора уже были согласованы между Галифаксом, Риббентропом, Чиано и Литвиновым - оставалось согласовать лишь частности, - и представлялись свежее испеченному маршалу (он получил звание за то, что не допустил силы немцев к Лондону) вполне приемлемыми в текущей ситуации. Да, Британия теряла все свои позиции в Средиземном море - но она и так, по факту, уже их потеряла, когда танки Роммеля и Гарибольди вышли к Суэцкому каналу, перекрыв последние пути поставкам Вейгану и О'Коннору. Да, Иран переходил в зону влияния СССР, а Ирак получал полную независимость и становился яблоком раздора между Советским Союзом и Третьим Рейхом. Да, колонии в Океании, большей частью, тоже были безвозвратно утеряны, как и часть африканских терри-

торий. Но все же, еще очень и очень многое оставалось - нужна была лишь железная воля, чтобы все это удержать.

Тем более, победители не собирались всерьез ограничивать размер армии и флота Соединенного Королевства, отлично понимая, что это приведет к отпадению его колоний, а это грозило непредсказуемыми последствиями для всего мира.

Конечно, оставались еще поползновения янки и японцев, желающих хапнуть кусок от владений одряхлевшей Британской Короны, но и тем, и другим, ближайшее время будет несколько не до этого - первого сентября Японский Императорский Флот атаковал американцев в Перл-Харбор.

- Что ж, идемте маршал. - произнес король Георг, направляясь к двери. - Нас ждут тяжелые переговоры с победителями.

Пять минут спустя Его Величество вошел в зал, где уже собрались все иностранные делегаты.

- Черт возьми, - пробормотал Монтгомери, окинув взглядом присутствующих, - мы и Турции войну проиграли?

Послесловие Взгляд в прошлое разительно разнится с попыткой проникнуть зрением в покрытое вуалью будущее.

Эрих Редер, "Гросс-Адмирал" Карл-Вильгельм Геббельс вышел в отставку в чине контр-адмирала в 1977 году. Он прожил долгую жизнь и скончался рано утром, 7 ноября 2006 года. Секрет его появления в прошлом так и не был раскрыт, хотя этим вопросом по сей день занимаются аж два отдела Берлинского Института Наследия Предков. Никто из его многочисленных потомков не связал свою судьбу с морем, пока правнук, Йоган-Альбано, не поступил в Ленинградское Нахимовское училище. В настоящее время является старпомом на АПЛ "Вюртемберг".

Отто Вермаут возглавил эскадру "Личный конвой Фюрера" в 1949 году, затем работал в Генштабе и в 1970-м, в чине адмирала, сменил Деница на посту командующего Кригсмарине. Через семь лет, из-за скандала с некоей стажеркой Моникой фон Левиц, был вынужден покинуть свой пост и уйти в отставку. Умер в 1981-м году, в окружении детей и внуков. Издал мемуары, являющиеся бестселлером.

Йоган Арндт погиб в январе 1943 г. вместе с U-199, во время атаки американского лайнера-ловушки "Президент Вашингтон". Его жена, Марита, всего за день до этого разрешилась от бремени двумя детьми - мальчиком и девочкой. Родовая горячка свела девушку в могилу, так что воспитанием внуков занялась донья Анна, овдовевшая в декабре 1942 года (пристрастие к хорошим сигарам, причем размера минимум "Корона", все же довело ее супруга до рака гортани. Сын до последнего дня не знал о болезни отца и погиб будучи свято уверен, что тот позаботится о его жене и детях, хотя герр Дитмар Арндт был на тот момент уже неделю дня как мертв). Оба ребенка поступили в Кильское Военно-морское училище, впоследствии возглавляли АПЛ "Киль" и АПЛ "Данциг" (первая в мире командир АПЛ - женщина).

Егор Бохайский дослужился до звания командарма 2-го ранга, но особых должностей в армии не получил. Долгое время он преподавал в Бронетанковой Академии Генштаба РККА, а затем и возглавлял ее до самой своей смерти в 1981 г., подготовив не одно поколение офицеров-танкистов.

Арсений Вилко, в 1942 году погиб от шальной пули, будучи "добровольцем" при неудачной высадке японских войск в Австралии. В Саратове его именем названа улица (Рахова в реальной истории). Саратовчане гордятся таким уроженцем.

Макс Александр Хальсен, в 1954 году, был уволен из войск в чине полковника примерно за то же, что и Вермаут. Последующая проверка и суд офицерской чести показали, что это был навет, и Хальсен был восстановлен в звании и должности, хотя жене доказать ничего и не смог. В 1983-м, за два дня до отставки, командарм 3-го ранга Хальсен скончался от, по официальному заключению, инфаркта, хотя слухи про нежелание командующим группы армий "Турция" подавлять младотурецкую и младокурдскую революции, в связи с

чем ему "помогли" покинуть сей бранный мир, на местах ходят. С учетом того, что он за день до своей кончины лично командовал танком, давшим манифестантов в Стамбуле - видимо лживые. Еще при жизни его именем были названы улицы в Саратове (в реальной истории - Бабушкин Взвоз) и Энгельсе (в реальной истории - 148-ой Гвардейской Черниговской дивизии). В Харькове герою-танкисту поставлен памятник.

Йоган Медор вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта (его все же заставили пройти офицерские курсы) в 1948 году из-за обострения язвы желудка и вскоре умер.

Его имя до сих пор красуется в списке Почетных Учителей Кильского Военно-морского училища на "Зеленой скале" - огромном малахитовом камне, где золотом выложены имена лучших преподавателей этой школы подводников. И, да, его именем все еще пугают первокурсников. И, да, "Медаль Медора" (48) в Кригсмарине имеет далеко не каждый адмирал. У нынешнего гросс-адмирала точно нет.

Конрад Цузе основал свою фирму по производству компьютеров, в настоящее время являющуюся одним из лидеров на рынке электроники.

Адмирал Ямамото Исоруку (при поддержке Кригсмарине и Тихоокеанского флота СССР) смог свести войну против Соединенных Штатов Америки к "боевой ничьей". Бывшие французские и британские колонии в регионе достались Стране Восходящего Солнца.

Восточной границей Японии стали Маршалловы острова и острова Гилберта, южной - Каролинские острова. Мир между США, Японией и ее союзниками был заключен в 1943 году. Большую роль в войне на Тихом океане сыграли пилоты немецких авианосцев "Граф Цеппелин" и "Барон Манфред фон Рихтгофен".

Число погибших во Второй Мировой войне оценивается не более чем в десять миллионов человек. Многие историки считают эту цифру значительно завышенной.

После проведенного в Исландии плебисцита (1946 г.) она стала называться "Западное королевство Исландия Великой Империи Япония", но осталась демилитаризованной зоной. Ее подчинение Императору Японии было и осталось чисто номинальным.

Адмирал Редер помер когда ему и положено.

Франко тоже, и также восстановил монархию в стране.

В 1950 году, на основании проведенных во Франции и Германии референдумов, было создано единое государство Франко-Германский (иногда также именуемый Нордическим) Рейх. Процент подделок бюллетеней, кстати, был не так уж и велик, и применялся скорее для придания результатам большей убедительности.

В 1953 году, с разницей практически в считанные недели, скончались Иосиф Сталин, Бенито Муссолини и Адольф Гитлер. Этот год был потом назван "Год окончания эпохи Колоссов". Поэтично, но не столь уж и далеко от истины.

В 1956 г. Рейхсканцлер Франко-Германского рейха Рейнхард Гейдрих, Президент Речи Посполитой Артурас Вилкас (первый литовец на этом посту) и Генеральный Секретарь ЦК КПСС Лаврентий Берия подписали в городе Брест-Литовском соглашение о единой экономической зоне и единой валюте. В дальнейшем к "Единой зоне" присоединился еще ряд европейских стран. Невзирая на это, отношения между Рейхом, Польшей и СССР по-прежнему никак нельзя назвать идеальными, и если бы к 1960 г. все основные политические игроки нашей планеты (Рейх, СССР, Италия, Япония, Великобритания и США) не обзавелись атомным оружием, кто знает - не начали бы они очередной передел мира?

Первый искусственный спутник Земли, причем на два года раньше, чем в нашей истории, запустили немцы - сказались их преимущество в развитии ракетной техники и талант фон Брауна, - однако первым человеком в космосе все равно стал Юрий Гагарин, а первым на Луне - Нил Армстронг. В 2010 году стартовали два международных проекта: строительство колонии на Луне и пилотируемый полет к Марсу. Берлинский Институт Наследия Предков настоял на посадке спускаемого модуля возле так называемого "Марсианского сфинкса", дабы окончательно разрешить вопрос - была ли разумная жизнь на четвертой планете нашей системы, или это изображение - лишь причудливая игра теней.

Линкор "Герой Советского Союза вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц", бывший "Тирпиц", являлся флагманом Советского флота до 1996 г., когда его сменил в этом звании авианосец "Товарищ Сталин". В 2009 году он участвовал в операции "Сомалийская буря", в результате которой были уничтожены не только сомалийские пираты, но и 80% населения этой страны. Капитан корабля потом застрелился.

Командующий дивизией "Лейбштандарт кениг Соломон", генерал-майор Йозеф Вайсманн, стал первым президентом независимого государства Израиль. В настоящее время Израиль стал из субъекта мировой политики, ее объектом.

Георгу VI не простили "прямого королевского правления", и хотя он действительно вновь собрал Парламент сразу после заключения мира, англичане решили, что столь деятельный помазанник божий, который к тому же не только царствует, но и действительно правил, им не нужен. И то, что только этот его шаг спас Британию от краха, никто из политиканов учитывать не собирался. Его Величество был вынужден отречься от престола и передать трон своей дочери, Елизавете. Впрочем, может быть и благодаря этому, он прожил на пять лет дольше, чем в той истории, которая не случилась. Хотя умер все от того же рака легких.

Маршал Монтгомери стал премьером в 1942 году, и удержал от распада "Королевство, над которым не заходит солнце", пусть и изрядно уменьшившееся в размерах. Меры он для этого избирал настолько жесткие, что его не всегда поддерживали даже самые близкие из соратников. Так, например, в настоящее время в Доминионе Афганистан еще действует закон, грозящий расстрелом на месте за культивирование мака, за что правительство Юнайтед Кингдом подвергается постоянной критике со стороны либеральных кругов.

Вообще, именно с его подачи, проблемы с наркотиками и наркотрафиком решаются многими странами Европы путем расстрела курьера на месте задержания, без всякого суда и следствия. США также переняли эту практику и залили Колумбию напалмом.

Мир стал немного лучше. Но не добрее. 28 ноября 2009 - 28 мая 2010 гг.

Сноски: (41) Фельдман Николай Эдуардович, капитан первого ранга, командир легкого крейсера "Киров". В данном случае - второй флагман. (42) "Жагуар" - тип французского лидера эсминцев. Всего построено шесть единиц;

"Бурраск" - тип французского эсминца. Всего построено двенадцать единиц. (43) "Ильмаринен" едва не затонул через час после окончания боя и был посажен командой на мель. Повреждения корабля были настолько велики, что командование ВМС Финляндии сочло невозможным его дальнейшее использование. С броненосца было демонтировано все уцелевшее оборудование и вооружение, а сам он находится на месте своей последней стоянки по сей день.

В 1944 году на корабле был произведен косметический ремонт (однако пробоины не заделывались. Наоборот, их наличие постарались подчеркнуть), вместо демонтированных орудий башен и казематов были установлены их муляжи. С 1945 года на палубе героического броненосца принимают присягу выпускники финских военно-морских учебных заведений.

Признан ЮНЕСКО памятником в 1998 году. (44) Балкер - здесь, матрос балкерного судна, в переносном смысле - матершинник. (45) "Кристи русским" немцы называли танки БТ, вне зависимости от модификации. (46) Незадолго до начала наступления, по желанию Геринга, на транспортные самолеты типа "Шторх" был погружен батальон пехотного полка "Великая Германия" с целью высадки его утром, в первый день наступления, непосредственно за фронтом бельгийцев у Витри, западнее Мартеланж. Действия батальона должны были вызвать у противника неуверенность в возможности обороны своих пограничных укреплений. (47) Комендант Кале, бригадир Николсон, на предложение о капитуляции ответил: "Мы отвечаем нет, так как долг английской армии, как и немецкой, сражаться". Видимо, он был последним из представителей командного состава экспедиционного корпуса, который так считал. (48) Медаль "За заслуги в преподавании для учителей военно-морс-

ких учебных учреждений", высшая награда для преподавательского состава училищ Кригсмарине.

Введена в 1949 г., по ходатайству офицеров - выпускников Кильского Военно-морского училища. Первым награжденным (посмертно) этой медалью является капитан-лейтенант Медор. В реальной истории не существовала - плод фантазии автора.

This file was created with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
04.11.2010